

Distance between us

Каролин ван дер Берг — обычная девушка из Амстердама, что ведет вполне размеренный и спокойный образ жизни. Погруженная в собственную, но никому не заметную, печаль, она растрчивает свои дни.

Однажды нашел зацепку, у нее появилась возможность повернуть время вспять, вернуть молодого человека, спасшего её когда-то от уныния и самоистезания. Не совсем решительно, но девушка решает что-то изменить в своей жизни, вернув любимого.

По дороге к счастью она встречает Дина. Случайное знакомство, протянутая рука помощи — они становятся ближе друг к другу шаг за шагом.

Прошлое или безмятежное будущее? Каролин теряет себя в современности, принимая жизненно важный выбор.

Глава 1

Сейчас только десять утра, а я уже возвращаюсь с работы. Весьма необычное чувство. Особенно, когда изо дня в день следуешь строго своему графику, даже не намереваясь хотя бы поменять местами некоторые пункты в нем.

Мимо меня мелькает множество разноцветных домиков. Сколько живу в этом городе, но не устаю удивляться и восхищаться местной архитектурой, не взирая на то, что в одном из таких домиков живу и я сама. В детстве я смела думать о том, что живу в пряничном домике, как в сказке. Однажды по своей глупости, я хотела попробовать «на вкус» свой дом и сломала зуб, пытаясь прокусить стены своей комнаты. Я долго плакала. Даже не вспомню, из-за зуба или из-за разрушенной иллюзии.

Проходя через Синий мост, что стоит на реке Амстел, останавливаюсь. Группа туристов, что решила сфотографироваться на фоне реки немного задержала движение. Какой-то мужчина, что стоял позади меня крикнул, чтобы они поторапливались, так как он сильно спешил. На непонятном мне языке, женщина лет сорока с огненно-рыжими волосами (одна из туристок) что-то буркнула ему в ответ, но, в конце концов, движение снова пошло.

Перейдя мост, я остановилась у витрины одного антикварного магазина. Моя мама помешана на антиквариате, у неё буквально мания на все эти старые, покрытые пылью и никому не нужные штучки. После того, как мой отец купил себе новую машину, нам приходится немного экономить. Мама экономит на антиквариате, отец на книгах (он обожает их, у нас есть отдельная комната-библиотека, где он хранит их), а я... А я, в принципе, зарабатываю уже сама, и моих денег мне пока что вполне хватает.

Стою возле витрины и заглядываю внутрь. Моя мать просит меня делать это, чтобы докладывать ей, что появилось новенького, а что из понравившегося ей раньше уже продали. Ну, вот, старый диван с кашемировой обивкой на ножках в форме львиных лап уже продали. Он ей так сильно нравился, поэтому чувствую, что сегодня без слёз не обойдется.

Чувствую, как кто-то тормозит меня за плечо. Мои глаза расширяются, а на лице расплывается глупая улыбка. Я уже была готова к тому, что это будет кто-то из знакомых. Жутко не люблю встречать кто-то, к примеру, из своих бывших одноклассников в городе, ведь многие из них поступили или в колледж, или в университет, а я осталась в городе. Я прямо-таки ненавижу, когда они приглашают меня на чашечку кофе в ближайшее кафе, а потом целыми часами рассказывают о том, как удачно сложилась их жизнь. А потом на меня сыплется целый поток вопросов, вроде «А где ты учишься?», «Как ты устроилась в жизни?», «Вы с Питером до сих пор вместе?». Но самое ужасное это то, что мне нечего ответить им, ведь с момента, когда я выпустилась из школы абсолютно ничего не изменилось. А если что-то и случилось, то это точно не то, о чем я хотела говорить с почти незнакомыми мне людьми.

К счастью, это были всего лишь туристы. Меня попросили сфотографировать их на фоне старого фонаря. Такая мелочь, на которую я бы даже и не обратила внимание, проходя мимо каждый день. А ведь этому фонарю, наверняка, не меньше нескольких сотен лет.

Я улыбнулась, отдавая фотоаппарат в руки хозяев. Милая семья из пяти человек, они останавливаются и фотографируются едва ли не на каждом шагу. Таких как они в городе сотня. Таких как я, бездумно блуждающих по городу, наверное, ещё больше — тысяча.

Туриста всегда просто отличить от обычного жителя города. И различаю я их по таким

признакам:

1. Туристы никуда и никогда не спешат. Разве что они могут не подоспевать за своей группой, ведь делают фотографии едва ли не на каждом шагу. В это же время обычные жители всегда в движении. Мы спешим на работу или с работы. Направление не так важно, главное быстро добраться куда-либо.

2. Туристы очень громкие. Чаще всего я встречаю американцев. Или англичан. Честно говоря, у меня нет способности различать акценты, хотя я и владею разговорным английским. Иногда встречаются японцы и китайцы, французы и немцы. Кого только не встретишь, к примеру, на Хоофтстраат, особенно в самый разгар лета. Самые громкие американцы, или англичане. Впрочем, это не важно.

3. Они ходят группами. Очень редко на улице можно встретить туриста, который будет гулять по городу в одиночку. Большинство из них собирается в группу и следует за экскурсоводом как стая барашков.

4. Вспышки от фотоаппаратов буквально везде, куда бы ты не завернул и в какой части города ты не был. Типичная для любого жителя города проблема — стараться не влезть в кадр.

Наконец, достигаю своей цели. Открываю двери небольшой, но очень уютной булочной под незамысловатым названием «Солнечная». Колокольчики весело звенят, когда я переступаю порог, но никто не обращает на меня внимания. Работа здесь кипит. Я закрываю глаза, чтобы вдохнуть запах свежее испеченных булочек. Надеюсь, что мои любимые булочки с корицей уже готовы.

Я останавливаюсь возле стойки, где приветливая девушка с милыми косичками принимает заказы. Эта милая девушка — моя лучшая и, по нелепой случайности, единственная подруга — Агнесс. Эта булочная принадлежит её родителям и теперь летом, когда Агнесс свободна от учебы, то помогает родителям, подрабатывая в здесь. Заметив меня, я сразу же уловила недоразумение, которое возникло на её лице. Её брови нахмурились, а на лбу появились морщинки. Может, со стороны выглядело так, будто она не рада меня видеть, но на самом деле, она просто не ожидала меня видеть в булочной так рано.

— Какого чёрта ты делаешь здесь в... — она взглянула на часы, что висели на стене. — В половине одиннадцатого? Неужели Джелл наконец-то поймал тебя на опоздание и уволил? — Агнесс глупо улыбалась в то время, когда доставала с витрины для меня ароматную булочку с корицей. Указав на пластмассовый прозрачный кувшин, она будто спросила буду ли я ещё и кофе, и я кивнула ей в ответ.

— Нет. Сегодня я соврала ему о том, что опоздала на автобус, — хмыкнула я. Настоящую причину опоздания мы обе знали — я как всегда проспала.

— Тогда что ты делаешь здесь в такую рань? — Агнесс опиралась локтями о деревянную стойку и наблюдала за мной, когда я сделала глоток горячего кофе и уже обожгла себе язык.

— К Джеллу приехала его племянница на месяц...

— Боже мой! — вскрикнула Агнесс, да так, что сразу же привлекла к нам внимание некоторых посетителей. Но их интерес быстро угас, когда она тихо продолжила: — Неужели он опять заставит её работать в лавке весь месяц? — девушка произнесла это таким голосом, будто он заставлял свою племянницу заниматься проституцией, а не сидеть в сувенирной лавке. Одними лишь губами Агнесс добавила «Бедняжка», когда наливала кофе парню, что

только что подошел. Мы встретились с ним взглядами, и он подмигнул мне, когда я просто закатила глаза, после чего продолжила беседу с Агнесс.

— Он называет это «познанием самой сути жизни», — я укусила булочку и корица закрипела у меня на зубах, а сахарная пудра, словно снег, посыпалась на тарелку.

— Но знаешь, мне не жаль её, когда я понимаю, что у меня есть месяц на отдых, — продолжаю я.

— Ладно-ладно. Какие тогда у тебя планы на этот месяц? — она снова наблюдала за мной, оперевшись на локтях.

— Я... Я ещё не знаю, — я потупила глаза на кружку, которую обвила своими ладонями. Хотя на улице была довольно-таки жарко, но я была не в силах отказаться от кофе каждый раз, когда Агнесс предлагала его мне.

— Я слишком долго знаю тебя, чтобы вот так поверить тебе. Подними-ка глаза на меня, — сказала она. Её глаза сузились, ведь она искала подвох в моих словах и, по правде говоря, она таки долго меня знает.

— Ладно, я кое о чем уже подумала, — я подняла голову и посмотрела в её глаза, в которых теперь читалось победное «Я так и знала».

— Выкладывай всё быстрее! — вскрикнула в нетерпении девушка, но на этот раз на нас уже никто не обратил внимание.

— Девушка, простите... — к стойке подошла женщина с ребёнком лет десяти. Агнесс прошептала мне «Подожди», и я кивнула ей в ответ. Оформив заказ, она принялась меня слушать.

— Я хочу поехать в Америку, — решительно заявила я, подняв вверх подбородок.

— Нет! Я даже слышать об этом не хочу, — Агнесс закрыла руками уши и демонстративно тараторила «Бла бла бла». Иногда мне кажется, что ей абсолютно всё равно, что вокруг множество незнакомых людей. Но ещё чаще мне просто приходится признавать, что всё же так и есть — ей всё равно.

— Нет, послушай меня, — я легла всем своим телом на стойку, чтобы дотянуться до её рук. Когда у меня это таки получилось, я схватила её запястья и крепко держала. — Я должна найти Питера, понимаешь? Он уехал два года назад, а год назад оборвал все связи, ничего не сказав, — я села назад, когда получила внимание Агнесс обратно. — Его мать умерла полгода назад у меня на руках, понимаешь? — молчание в ответ. — Вот именно, ты даже не понимаешь. Я хочу найти его и услышать хотя бы одно объяснение, почему он даже не приехал сюда ради неё. Можешь ещё раз осудить меня, если хочешь, но я настроена решительно, — сказала я и сделала глоток кофе, который уже немного остыл.

— Ладно, но... Америка большая, где ты собираешься его искать? — голос девушки звучал взволновано. Конечно, ведь Агнесс привыкла выигрывать почти во всех наших спорах, а сейчас ей даже не было чего мне сказать.

— Я... В общем, вот, — я полезла в свою сумочку и достала оттуда смятый «Cosmopolitan».

— Боже мой, Каролин, ты опять делаешь это? — спросила Агнесс, когда я начала разглаживать смятую бумагу. Думаю, маленькое пояснение не помешает. Когда-то я была помешана на том, чтобы покупать глянцевого журналы. У меня была такая зависимость, как сейчас у моей матери на антиквариат. Я пыталась постоянно выглядеть как девушка с обложки. Я вырывала странички с журналов, именно те, где красовались худые модели в модных платьях, что стоили почти как весь наш дом. До сих пор у меня одна стена

полностью обклеена этими самыми страницами из журналов, хотя я и перестала даже пытаться стать «идеальной» девушкой.

— Нет, не опять. Просто мне было скучно в лавке, и я купила себе журнал, — недовольно буркнула я. Наверное, пока я буду жива, Агнесс будет вспоминать мою журнальную зависимость.

Я открыла журнал на нужной странице и повернула его к девушке.

— Фестиваль «Коачелла», — прочитала она заголовок.

— Чёрт, смотри на участников фестиваля!

Она пробежалась глазами и когда её глаза округлились, я поняла, что она таки нашла то, что должна была.

— «Alice in the Hunterland»? Это же группа твоего Питера? — девушка посмотрела на меня так, будто не верила тому, что только что увидела. Я живо закивала головой.

— Я подумала, что это неплохой шанс выйти с ним на связь. Я должна поговорить с ним. Даже больше, мне просто хочется взглянуть ему в глаза, понимаешь? — Агнесс грустно посмотрела на меня. Она знала нашу историю с Питером. Часто мы с ней не задевали прошлое и жили сегодняшним днем. Как бы это не давало мне покоя, я старалась не думать о том, что произошло между нами.

Мы с Питером познакомились ещё в школе. У меня перед этим было ужасное лето, поэтому новый учебный год выдался для меня в несколько раз сложнее, чем для любого другого ученика. У меня было много друзей, но после этого лета я обнаружила, что у меня, на самом деле, не было ни единого. Большинство учеников знали о том, что случилось тем летом, но никто не предпочитал говорить об этом, особенно в моем присутствии. Я больше не была той девочкой-зажигалкой, какой была раньше, я выбилась из строя.

Вернусь всё же к моменту, как я познакомилась с Питером. Это была чистой воды случайность. Я входила в комитет, что занимался подготовкой актового зала к различным мероприятиям (да, у нас в школе даже такое было). Моя работа заключалась в том, что я должна была лишь раздавать всем указания и следить за тем, как делается заданная работа. В тот год у меня не было энтузиазма заниматься этим, но моя мама сказала, что любого рода работа сможет отвлечь меня от плохих мыслей и вернуть снова к жизни. Конечно же, это мне не помогло, но я всё же не решилась сказать ей, что её совет был бездельным. Так вот, после уроков я зашла в актовый зал, который как раз готовили к осеннему балу. В то же время там был и Питер, который сидел на краю сцены и перебирал струны гитары пальцами. Я старалась не обращать на него внимание, но мне пришлось, когда он первым заговорил со мной.

— Что с тобой не так? — внезапно спросил он, бросив игру на гитаре.

Я повернула голову к нему. Сначала я тупила, ведь не могла понять, ко мне ли он вообще обращается, но когда я не обнаружила в зале больше никого, то поняла, что всё же ко мне.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты изменилась за это лето. Твои «друзья», похоже, больше не твои друзья. И ты ходишь, как в воду опущенная всё время. Ты вроде больше не такая, какой была раньше, — он пожал плечами.

— Чёрт, парень, я даже не знаю твоего имени. Почему я должна отвечать на твои бессмысленные вопросы, — я хотела уже развернуться и уйти. Зал был оформлен хорошо, и это была единственная вещь, за которой я сюда пришла.

— Меня зовут Питер. Может, сходим сегодня куда-то? — я стояла на месте, обдумывая его предложение. — Ты не отделаешься отговоркой, что тебе есть с кем гулять, потому что я знаю, что ты после школы возвращаешься домой и сидишь там целый день.

— Ты следишь за мной? — честно говоря, он был настолько прав, что с его рта все эти слова звучали, как оскорбление.

— Всего лишь один раз. Мне было интересно. Так что?

С этого всё началось. Пусть, Питер и не был таким уж популярным парнем в нашей школе, но рядом с ним я чувствовала себе более комфортно, чем со всеми своими бывшими друзьями. Через некоторое время я познакомилась и с его друзьями. Эти ребята действительно показали мне другой мир. Они могли веселиться, не употребляя алкоголь или наркотики, и как бы это странно не звучало, но для меня это было в новинку.

Питер создал группу, где был солистом и гитаристом одновременно. Помимо выступлений в рамках школы, они выступали ещё время от времени в различных клубах Амстердама. На одном из таких концертов я познакомилась с Агнесс (это так, между прочим).

Как только мы окончили школу, Питер решил «идти за мечтой». Он вместе с другими ребятами уехали в Америку. Питер сказал, что обязательно вернется за мной. Он попросил меня навещать в гости к его матери, что я и делала каждый день, пока она не умерла от очередного приступа инфаркта.

Мы встречались с Питером три года, и я позволила себе поверить ему. Первые полгода мы были на связи. Мы созванивались каждый день. Не смотря на разницу с часовых поясах, мы могли звонить друг другу хоть в пять утра, хоть в три часа дня.

А потом просто он стал игнорировать мои звонки, не отвечал на мои сообщения. Просто в один момент оборвалось буквально всё. Питер изменил свой номер и теперь даже не звонил и своей матери. Одна открытка на Рождество и две на день рождения, это всё, что она получила от него. Я же — вообще ничего.

Первое время мне было действительно больно, но затем я просто смирилась с таким положением вещей. Единственный человек, который действительно поддерживал меня, так это Агнесс. Я и правда не знаю, что бы я делала без неё.

По-настоящему я возненавидела Питера, когда у его матери случился инфаркт. Я ненавидела его, сидя в больничном коридоре и дожидаясь вердикта врача. К счастью, в первый раз обошлось, и она осталась жива. Я тогда была в шаге от того, чтобы поехать в эту чёртову Америку и надрать ему задницу. Но я не могла оставить миссис Фэллер, особенно после того, что с ней случилось. Кроме меня, у неё больше никого не оставалось. Поэтому всё, что я сделала, это написала письмо Питеру на его старую электронную почту. А разве мне оставалось делать что-либо ещё?

Второй инфаркт она смогла пережить, но после третьего она умерла. Я ненавидела Питера, но отчасти себя я ненавидела больше. Мне казалось, что я могла сделать для неё больше, я думала, что смогу спасти её, но женщина умерла у меня на руках, пока скорая только была в пути.

Мне пришлось похоронить миссис Фэллер за её деньги, которые она специально когда-то оставила мне. Я пыталась отговорить её от этой затеи, но она сказала, что не знает, когда умрет, а на Питера не было никакой надежды.

Я строчила ему письмо за письмом, каждое из которых, было похоже на угрозу какого-то серийного убийцы. Но я была зла и к тому же отчаянна, поэтому не отвечала за свои

слова. В одном из писем, я даже написала, что приеду в эту чертову Америку и убью его. Но Америка большая, и мои шансы найти его были ничтожны.

— У меня только есть одна проблема, — обратилась я к Агнесс, которая продолжала тарашиться в страничку глянца, не веря в происходящее.

— Я могу тебе помочь?

— Займешь мне денег? Просто моих денег хватит мне только на половину билета в США.

— Да, конечно. У меня как раз сохранились деньги, которые мне подарили ещё на мой день рождения, — Агнесс мило улыбнулась. Её пальцы легко стиснули мою руку.

После этого, я всё же допила свой холодный кофе и доела булочку. Агнесс в это время листала мой журнал, и то дело говорила «Посмотри на это платье!» или «О Боже, Блейк Лайвли действительно беременна?». И каждый раз вскрикивала так, будто увидела там свою фотографию.

В конце концов, мы договорились встретиться вечером и прогуляться. Вечером любой город уже становится не таким, как днем. Обожаю время, когда все огни зажигаются, прожигая дыры в крошечной тьме. Или когда солнце только-только садится за горизонт и небо становится таким нежно розовым. Или даже когда небо затянуто тучами, и с наступлением ночи становится всё мрачнее. Но самое главное, что это заставляет тебя на время забыть обо всем на свете.

На фоне других домов, мой выделялся не очень сильно. Не смотря, даже на то, что он красного цвета. На этой улице, где я живу все дома прижаты так плотно друг к другу, словно бисквиты в торте. И пусть это место далеко от центра города, но дома везде устроены одинаково.

Я спускалась вниз по улице, не спеша. Я не знаю, как сказать родителям о том, что я решила лететь в Америку. И хотя мне, чёрт побери, уже двадцать лет, я всё равно чувствую ещё какую-то зависимость от них.

Папина новая машина стоит на улице. Значит, мне придется говорить с ними двумя сразу. Моя задача становится только сложнее. Делаю глубокий вдох и лишь затем захожу в место, которое называю домом.

Уже в коридоре улавливаю запах свежеспеченного печенья. Да уж, ещё немного и я перестану влезать в свои собственные джинсы. Снимаю обувь и захожу на кухню. Руки папы обвиты вокруг маминой талии, а их губы сомкнуты в крепком поцелуе. День ото дня ничего не меняется. Порой я даже завидую своим родителям, ведь их личная жизнь насыщенной моей раз в десять точно.

Я прокашлялась, чтобы обратить их внимание к себе.

— Мам, у тебя, кажется, печенье подгорает, — сказала я, после чего она сразу бросилась к печке, чтобы достать уже немного подгорелое печенье.

— Почему ты так рано дома? — спросил отец, садясь за стол.

— У меня к тебе тот же вопрос, — я взяла с вазы с фруктами яблоко и подбросила его вверх. Если бы кто-то спросил у меня, зачем я это сделала, то думаю, я навряд ли нашла бы ответ.

— Суд был утром, и я выиграл это дело! — весело проговорил отец. Он работает адвокатом и каждое выигранное дело для него, как второй день рождения. — Теперь ты.

— Милая, у Джелла день рождения, и он решил отпустить тебя пораньше? — спросила мама, наливая папе в тарелку суп. Она предложила и мне, но я отказалась, ведь была не

голодна.

— Нет, — это прозвучало как-то слишком грустно.

— Он уволил тебя? — моя мама демонстративно схватилась за сердце. Порой мне кажется, что её настоящая дочь Агнесс, а не я, ведь привычки у них одинаковые. Папа перестал есть и тоже смотрел на меня выжидающе.

— Нет, — это всё ещё звучало грустно и угнетающе. Я села за стол и теперь вертела яблоко в руках. — К нему приехала племянница, и он...

— Хочет научить её жизни, — вместе проговорили родители, весело смеясь. Эту фразу Джелл любил повторять всем. Однажды моя мама заскочила в лавку, и он ей так и сказал «Я хочу научить жизни вашу дочь». Это было так смехотворно, ведь он всего лишь рассказывал мне о том, как неудачно сходил на рыбалку на прошлых выходных.

— Да, — я засмеялась вместе с ними. — Но я хотела поговорить с вами о другом, — я отложила яблоко в сторону и сложила руки перед собой, сделав серьезное выражение лица.

Папа продолжил есть свой суп, а мама принялась вытирать посуду. Да, похоже, они меня никогда не будут воспринимать всерьез.

— Я собираюсь поехать в Америку, — сказала я, и папа подавился супом. Мама начала стучать его по спине.

— Каролин, ты опять взялась за свое? — она окинула меня грозным родительским взглядом.

— Мне всё равно, что вы мне скажете. В конце концов, мне уже есть восемнадцать и я вправе сама решать, что делать со своей жизнью. Я просто вас предупредила, — я быстро подскочила на месте, а затем рванула в свою комнату.

На несколько секунд я остановилась. Я посмотрела на комнату, что была рядом с моей. На втором этаже было всего две комнаты. Одна была закрыта. Она была заперта уже на протяжении многих лет. Я подошла к ней ближе. Прислонившись ухом к двери, я уловила лишь свистящий звук ветра. Мама, наверное, заходила сюда, чтобы проветрить в комнату, где живут призраки.

В конце концов, я всё же вернулась в свою комнату, громко хлопнув дверью, чтобы заявить о своих твердых намерениях.

Моя комната всё ещё была такой, какой я хотела её видеть, когда ещё была подростком. Сейчас же все эти розовые стены не придают мне энтузиазма, но руки у меня никак не доходят до того, чтобы, наконец, сделать ремонт. Стена напротив моей кровати всё ещё обвешана вырезками из различных журналов.

Швырнув портфель на пол, я запрыгнула на кровать прямо в своей одежде и, схватив свою подушку кремового цвета с большим бантом, сжала её в руках. Уткнувшись в неё лицом, я и сама не заметила, как уже плакала.

Тихий стук в двери заставляет меня откинуть подушку в сторону и быстро вытереть слёзы, которые были так не к стати. Не дождавшись моего ответа, в комнату вошел отец.

— Да, можешь войти, — саркастично произнесла ему я, вызвав на его лице улыбку.

— Милая, мы с мамой были не правы, — начал он, и пока начало мне нравилось. — Ты уже взрослая и можешь сама поехать в Америку. Только перед этим я должен знать уверена ли ты, что хочешь увидеться с... — папа старался подыскать слово попримичней.

— Да, я уверена, — ответила я, прежде чем он продолжил. — Я хочу встретиться с Питером, пока это возможно. Пока я могу выйти на его след, я хочу с ним поговорить о многом.

Я сразу же полезла в портфель, чтобы достать оттуда журнал и подтвердить отцу свои слова, на счет того, что я таки вышла на след Питера, как бы это странно не звучало. Отец взял меня аккуратно взял меня за руку, остановив меня.

— Когда?

— Через неделю.

— Завтра перед работой я заеду к одному своему знакомому и оформлю тебе визу.

— Люблю тебя, — я повисла на его шее, почувствовав себя снова так, словно мне было пять, и мне купили куклу, которую я так сильно хотела.

Летний ветерок обдувает моё лицо. Я сижу на лавочке и чувствую, как шорты прилипли к моей коже. На самом деле, это ужасно, но сейчас, откинув голову назад, я пыталась не думать о плохом. Вчера я заказала билеты по интернету и сейчас чувствую, как меня переполняет нетерпение уже оказаться в самолете и наблюдать за парящими облаками через окно. Закрываю глаза и уже медленно переносусь туда. В ушах играют «The Smiths», что ещё больше поддерживает эту обстановку.

Мой пузырек лопают, когда кто-то вытаскивает из моего уха наушник. Это было так резко и неожиданно, что я даже вскрикнула.

— Прости, что опоздала, — говорит Агнесс, что сидит возле меня и с таким невинным видом приглаживает свою юбку, будто не она только что грубо выдернула наушник из моего уха.

— Никогда больше так не делай, — прошипела я, указывая ей на наушники, которые уже скомкала в своей руке. Забросив их в рюкзак, я готова была идти.

— Ладно, идем в торговый центр? — Агнесс поднялась, обтянула свою юбку вниз (это значит, что она теперь будет её всё время поправлять), а затем мило мне улыбнулась.

Мы никуда не спешили, медленно шли через весь парк. Агнесс всё время оглядывалась, будто кто-то следил за нами, но когда я ловила на её лице самодовольную улыбку, то понимала, что она вновь принялась за старое. Она ловила на себе взгляды окружающих, большинство из которых (случайно или нет) были парнями.

Прогулки с Агнесс часто подразумевали под собой ещё и случайные знакомства. Каждый раз мы брали номера каких-то парней, а в конце дня могли звонить им и серьезными голосами говорить, будто мы из налоговой или из полиции и их подозревают в убийстве. Один парень даже было расплакался и начал вопить о том, что это была вовсе не его вина. В сердце Агнесс стрела Амура попала лишь тогда, когда мы встретились с парнем по имени Лоренс. Он один подсел к нам за столик в кафешке и начал флиртовать. Я сразу поняла, что он больше заигрывал с Агнесс нежели со мной, поэтому ушла раньше, оставив их двоих. Девушка пыталась задержать меня, пыталась подавать мне всё время какие-то знаки, чтобы я не оставляла её одну, но я не могла не заметить, как краснели её щеки каждый раз, когда он называл её имя. И таким образом я не могла поступить иначе, ведь чувствовала себя лишней.

Эти отношения продлились лишь три месяца. Агнесс бросила Лоренса из-за того, что он будто заигрывал со всеми подряд, и это её жутко бесило в нем. Она сказала, что он заигрывал даже со мной, но, честно говоря, я не заметила этого. В конце концов, через полгода они встретились снова и провстречались ещё месяц, пока не расстались из-за этой же причины.

— Девчонки, подождите, — как я и подозревала, за нами погнались уже какие-то парни. Их было двое. Стандартный набор. Я закатила глаза, когда Агнесс надела на лицо свою лучшую улыбку.

— Не подскажите, в какой стороне библиотека? — спросил один из них, а затем громко рассмеялся. Более дурацкого предлога для знакомства я ещё не слышала. Тяжело вздохнув, я уже хотела послать их куда подальше, но Агнесс опешила.

— Явно не в той стороне, куда мы направляемся, — Агнесс игриво хихикнула, и мы

ускорили свой шаг.

Я попросила подругу больше никому не строить глазки, потому что мне не хотелось приключений, я хотела просто спокойно прогуляться, и она меня послушалась. Всю дорогу мы говорили о предстоящей поездке. Мой отец уже отдал мой заграничный паспорт одну своему «знакомому» (наверняка, его бывший клиент, которому он помог отсудить у своей супруги половину состояния, если не всё) и отдадут мой паспорт за день до отъезда.

— Ты по-прежнему любишь его? — спросила Агнесс, застав меня врасплох. У меня не было однозначного ответа. Наверное, со стороны это выглядело так, ведь за два года я больше так ни с кем и не встречалась. У меня даже не было мелких интрижек, не говоря уже о романе.

Первое время я безусловно скучала за Питером. Я спала с телефоном в руках, чтобы не пропустить его звонка. Я сильно волновалась, если на протяжении двенадцати часов он не звонил мне. Я много думала о нас, вспоминала всё время, что провела с ним, от чего мне становилось одновременно и грустно, и тепло на душе. А сейчас... Я даже не знаю. Мне как-то не холодно и не жарко. Я просто хочу, чтобы он приехал на могилу своей собственной матери и одумался. У меня нет ощущения, что мы с Питером вообще когда-то были любовниками. Я предчувствовала встречу со своим старым хорошим другом и не более.

— Думаю, больше нет, — честно ответила я.

Больше Агнесс не задевала эту тему.

В торговом центре Агнесс затаскала меня по магазинам. Она искала себе «идеальное» платье для семейного ужина. Дело в том, что Агнесс средний ребенок в семье. Её старшая сестра, Маргрит, раньше тоже работала в булочной, где и встретила своего мужа-француза, с которым и уехала соответственно в Францию. С тех самых пор, мама Агнесс твердила ей о том, чтобы та брала пример со своей старшей сестры. Даже малышка Грит, которой сейчас только тринадцать уже должна «брать пример с старшей сестры». Так что, знаете, если вы думаете, что ваша семья сумасшедшая, то вы просто не встречались с этой семейкой.

Агнесс твердо решила для себя, что должна выглядеть лучше своей старшей сестры, красоты которой, конечно, не убавлять. Хотя со стороны все три сестры выглядят так дружно, что хочется плакать от умиления, но на самом деле, каждая из них хочет быть лучшей. И пока что преимущество было лишь у Маргрит, которая на время вышла из игры, но теперь вернулась.

Спустя два часа (или три, я потерялась во времени), мы нашли «то самое» платье. Это было красивое винтажное платье, которое в то же время воплощало всю сущность Агнесс. Плотная ткань достигала лишь середины её бедра, прикрывая её задницу, а дальше вниз шло кружево. Само платье было чёрного цвета. Без бретелек, оно всё равно хорошо держалось, подчеркивая пышную грудь девушки.

— Ну, как тебе? — довольная результатом спросила Агнесс.

— Отлично, — я улыбнулась. — Давай, пока ты будешь переодеваться, я быстро заскочу в книжный, ладно?

— Да, конечно, — девушка поплелась в гардеробную, когда внезапно остановилась.

— А как тебе та книга, что я тебе подарила на Рождество? — спросила она. И в тот же момент я стукнула себя рукой по лбу. Агнесс как всегда вовремя вспоминает о некоторых вещах. Однажды я подарила ей на день рождения платье, и она вспомнила о нем лишь тогда, когда искала мне что-то подходящее в своем гардеробе перед походом в клуб. Однажды она выпила всю бутылку колы, прежде чем вспомнить о том, что она хотела купить Фанту.

Порой, я даже не знаю, что твориться в голове этой девчонки, но в этот раз о книге она вспомнила действительно вовремя.

— Я, кажется, забыла её на работе, — пробормотала я.

— Отлично! — вскрикнула Агнесс, и я удивленно взглянула на неё, приподняв одну бровь. — Я сейчас переоденусь, и мы заскочим в лавку, а потом сразу пойдём в бар. Я быстренько, — девушка заметушилась. Она побежала на своих туфлях с высоким каблуком в гардеробную и едва не упала по дороге, что меня немного насмешило.

Я в это время всё же зашла в книжный магазин на несколько минут. Порой я даже жалею о том, что устроилась работать в сувенирную лавку, а не в книжный магазин. В туристический сезон в лавке всегда шумно, там всегда много людей и каждый требует внимания. Здесь в книжном, на самом деле, людей не так уж и много, что с одной стороны угнетает, но с другой стороны, делает это место особенным для меня.

Я прохожу вдоль полки заставленных книгами. Их так много, что у меня разбегаются глаза, когда я читаю названия на разноцветных корочках новеньких свеженапечатанных книг. Достāju одну из них, сгибаю пополам, а затем вдыхаю этот запах краски на ещё хрустящих страницах. Это незабываемо. Улыбаюсь и спешу поставить книгу обратно, так как со стороны я, наверное, похожа на наркомана.

Вспомнив об Агнесс, что уже наверняка успела переодеться и даже подкрасить ресницы, я взяла первую попавшуюся мне книгу и пошла к продавцу. Парень в милых очках и клетчатой рубашке, которые мне так нравятся (особенно на парнях) улыбнулся, взглянув на меня.

— Что в этот раз? — он взял книгу из моих рук и взглянул на название. — Хм, Грин? «В поисках Аляски»?

С Карелом я знакома с того момента, как он начал работать в этом магазине. Время от времени мы списываемся на «Facebook», где я сижу крайне редко со страницы Агнесс (не вижу смысла создавать отдельную страницу, когда я общаюсь там лишь с Карелом). Наши разговоры не заходят дальше темы о книгах.

— Ты разочарован в моем выборе?

— Нет. Почему-то думал, что ты возьмешь что-то из классики, — парень пожимает плечами, а затем протягивает мне книгу обратно, называя сумму денег за неё.

Достаю деньги и расплачиваюсь. Карел поспешно спрашивает о том, как у меня дела или что-то в этом роде, но я коротко отвечаю ему, что меня уже ждут.

Агнесс насуплено смотрит на меня, но мне плевать, я просто хватаю её за руку и тащу за собой. Через минуту она уже забывает о своей обиде за мое опоздание и не может умолкнуть и на секунду, рассказывая о том, как все увидят её в этом платье.

— Подожди меня здесь, — прошу я её, когда мы подходим к лавке. Она послушно кивает головой и садится на скамейку, что находится у самого окна лавки возле старинного фонаря.

Двери открыты, так как на улице стоит жуткая жара, а кондиционер работает лишь в дальней части лавки. Захожу внутрь и вновь чувствую себя в своей тарелке, будто я как всегда пришла на работу и готова провести здесь весь день, в надежде на то, что сегодня будет мало людей.

За столом никого нет, но я замечаю племянницу Джелла возле стеллажа с путеводительными картами и туристическими книгами, где в подробностях описано всё о любой достопримечательности, что только есть в Амстердаме (порой сама листаю эти

книги). Она замечает меня и машет рукой. Достав из уха один наушник, она глядела на меня, задавая немой вопрос, что я здесь вообще делаю.

— Я кое-что забыла, — говорю ей, и она снова ограждает себя от внешнего мира, запихивая наушник обратно в ухо.

Я зашла за стойку и на меня даже нахлынула некая ностальгия. Не могу я без своей работы (какой бы занудной она не была). Но оставив это чувство, я всё же принялась искать то, за чем я и пришла — книга!

На столе теперь было много вещей девчонки, поэтому мне пришлось нарушить её порядок, переставляя вещи. На столе я смогла обнаружить только свой маркер, который быстро спрятала в карман своего комбинезона. Затем я стала обыскивать полочки. Большинство из них пустовало (девушка могла сюда бы сложить свои вещи, чтобы не было беспорядка на столе), но в самой нижней мне таки посчастливилось найти эту книгу. На моем лице сразу же расплылась улыбка, когда открыв книгу я ещё и обнаружила в ней деньги, которые оставляла.

— Посчитайте, — чей-то голос заставил меня отвлечься от своей находки и обратить внимание на себя. Подняв голову, я заметила перед собой молодого парня, который держал в руках несколько стеклянных шаров, внутри которых был Синий мост, на который сыпались золотые блёстки.

— Вообще-то, я не... — я взглянула на девушку, что продолжала раскладывать карты и книги, прикрепляя к ним ценники. — Ладно, — вздохнула я, взяв из рук парня сувениры. Подняв на миг глаза, я заметила улыбку на его лице, а затем я просто опустила глаза вниз. Мне сейчас вовсе не до того, чтобы флиртовать здесь с ним или заигрывать (впрочем, мне всегда не до этого).

Я назвала ему цену, пододвигая стеклянные шары обратно ему. Похоже, он не спешил давать мне деньги. Он продолжал меня сверлить взглядом, ожидая чего-то, чего я сама не понимала.

— Простите, можно быстрее, — попросила я, не выдержав этой пытки.

— Откуда ты родом? Ты слишком хорошо говоришь по-английски, чтобы быть местной, — парень положил деньги на стол, положив сверху ещё и свою руку. Посмотрев ему в глаза, я поняла, что он сейчас серьезно говорит со мной. Это прозвучало в таком тоне, что даже близко не был похож на флирт.

— У меня нет времени отвечать на любого рода вопросы, — грубо ответила я, а затем выдернула деньги, откинув его руку в сторону. Этой самой рукой он задел один из шариков, который упал на пол, разбившись.

— Чёрт, — ругнулась я теперь уже по-нидерландски. Всё замерло вокруг. Племянница Джелла сняла наушники и с ужасом смотрела на разбитый шар. Парень поджал губы, но я могла понять по его выражению лица, что он едва сдерживал себя от того, чтобы не рассмеяться.

— Простите меня, пожалуйста. Сейчас я принесу вам другой шар... Бесплатно, — я сглотнула ком, что образовался в моем горле.

— Я в состоянии оплатить всё. В конце концов, это я разбил его, — опешил парень. Он быстрее меня добрался до полки со стеклянными шариками (что, в принципе, находилась недалеко от моего столика). Я быстро сложила все его покупки в один пакет и протянула ему. Он достал из своего кошелька купюру гораздо больше, чем нужно было.

— Можно без сдачи, — он подмигнул мне, после чего я лишь вздохнула. Я успела

отметить, что этот парень был красавчиком, но... Мне сейчас не до парней, пусть даже таких красивых, как он.

Когда я достала из шкафчика метлу и совок, в лавку стремительно забежала Агнесс.

— Ты тоже это видела? — она резко остановилась, едва ли не встав на осколки. Её лицо выражало абсолютное восхищение, смешанное с неким даже шоком.

— Ты о чем? — спокойно спросила я, убирая осколки.

— Парень, который выходил из лавки. Он такой... Такой... — Агнесс видимо перебирала весь свой словарный запас в поиске подходящего слова.

— Симпатичный? — закончила племянница Джелла, которая аккуратно взяла у меня из рук метлу и совок, сказав на ходу, что закончит сама.

— Нет, больше чем просто симпатичный, — похоже, что подруга действительно была озадачена подбором подходящего слова. Я тихо поблагодарила девушку за помощь, затем взяла свои вещи и потащила Агнесс за собой на улицу.

— Тебе с ним ничего не светит, — саркастично сказала я, улыбнувшись. — Хотя бы из-за того, что у тебя по английскому была тройка.

Похоже, подходящих аргументов у девушки не нашлось, поэтому она просто недовольно толкнула меня в бок. Прежде чем зайти в бар, я решила забежать домой, чтобы оставить там некоторые вещи (в частности и платье Агнесс), чтобы не носиться с ними.

Всю дорогу мы говорили о несущественных вещах, снова вспоминали школу и даже немного ностальгировали. Хотя мы учились в разных школах, но мне всегда казалось, что мы дружим с ней ещё с того времени. Порой я даже сожалею, что у меня не было такого друга, как Агнесс, хотя бы в начале старшей школы. Может, тогда она отговаривала бы меня от некоторых безумных поступков.

Оставив вещи дома, мы, наконец, отправились в бар. Мы обе немного подустали и не могли дождаться момента, когда сможем приземлить свои пятые точки на удобных креслах. Уличная жара только усугубила наш настрой. Пот, кажется, ручьем стекал по моей спине. Я чувствовала маленькие капельки, покрывающие всё моё лицо. К счастью, мои волосы были собраны в высокий пышный хвост, иначе я бы вообще умерла.

Стоило нам лишь переступить порог заведения, как мы сразу блаженно вздохнули. Холодный воздух сразу ударил по лицу, и это было так приятно, что я готова была просто расплакаться от счастья (без шуток).

Людей здесь было достаточно, что, впрочем, не было удивительно. Наш столик был занят, поэтому мы сразу подошли к барной стойке. Сегодня на смене был Герман, и я даже была рада такому расположению вещей. Мы были частыми посетителями бара (не подумайте ничего дурного о нас), и Герман знал нас достаточно хорошо. Увидев нас на горизонте, он сразу начал делать коктейли, хотя мы ещё даже не успели сказать своё обыденное «как всегда».

Агнесс сразу вступила с Германом в разговор, когда я начала просто оглядываться вокруг. Я любила рассматривать людей, как бы это странно не звучало. Иногда я видела здесь своих знакомых (однажды я обнаружила здесь брата моей матери с какой-то девицей), но чаще всего незнакомцев. Наблюдая за тем, как кто-то с кем-то разговаривал, я строила в голове диалоги. Порой, мы с Агнесс обе играли в эти игры, разыгрывая шуточные диалоги.

Мой взгляд сначала остановился на солидном мужчине, живот которого был таким же большим, как и его набитый деньгами кошелек. Он сидел за столиком с женщиной, лица которой я, к сожалению, не могла видеть. Но одета она была довольно-таки не скромно —

атласное красное платье на бретельках с разрезом, что начинался с бедра. Он всё время ослаблял свой галстук и пил воду. Его руки дрожали. Да уж, видимо, дела его плохи. Не обнаружив в этой парочке ничего интересного, я продолжила.

За другим столиком я смогла увидеть девушку с ярко подведенными глазами и красными губами. Она стыдливо опустила глаза вниз и не осмеливалась поднимать их, что заставило меня подумать о том, что мужчина, сидящий напротив, это её отец. Здесь нередко бывало и такое. Глупые малолетки приходили в бар и заказывали себе алкоголь, пытаясь вести себя как взрослые. На самом деле, они всегда отличались от взрослых своим броским макияжем и вызывающими нарядами. Порой меня это только смешит.

Я почувствовала прикосновение холодного стекла к моей руке, что сразу же отвлекло меня. Герман уже обслуживал кого-то другого, оставив нам наши готовые коктейли.

— А ты что думаешь, Каролин? — Агнесс обратилась ко мне. Я понятия не имела, о чем она. Мои глаза округлились, когда я пыталась вспомнить, о чем она только что разговаривала с Германом. Чёрт! Я их вообще не слышала. Я сделала поток охлажденного коктейля, и этот холод пробрал меня до самых костей.

— Я согласна с тобой, — ответила я, поставив стакан на стол. Я обхватила его всей ладонью, и мне было так приятно чувствовать этот холод.

Это был мой стандартный ответ. Каждый раз, когда я отвлекалась и не слушала людей, что говорили со мной, то отвечала этой фразой. Она же, чёрт побери, универсальная. «Эта книга такая увлекательная, правда? — Я полностью согласна с тобой», «Это самый скучный фильм в мире. — Я полностью с тобой согласна» или даже «Я расстаюсь с Лоренсом, потому что мне это уже осточертело! — Я полностью с тобой согласна». Так и приходится выживать.

Внезапно Агнесс поднялась с места и пошла куда-то. Я обернулась ей вслед и поняла, наконец, о чем (или скорее о ком) говорила девушка. Лоренс, будь он не ладен, с каким-то своим дружкой сидели за столиком. Я заметила, как его друг поднялся с места, когда Агнесс приближалась к ним всё ближе. Лоренс пытался сохранить невозмутимое выражение лица, но я даже издалека могла видеть, как светятся его глаза, когда он смотрел украдкой на неё.

Из этого ничего хорошего не выйдет. Я отвернулась и вновь принялась пить свой коктейль, который уже начал нагреваться.

— Привет, Каролин, — на место Агнесс, возле меня, сел друг Лоренса. Его лицо казалось мне знакомым, но я не могла вспомнить его имени. С этого начинаются неловкие моменты.

— Привет, — я даже не улыбнулась и не взглянула на него, чтобы дать понять, что мне не интересна его компания. Поэтому он сразу же переключил свой интерес на девушку, что сидела по другую сторону от него, когда я продолжила осматривать зал.

Так, что здесь у нас? Компания девушек, что стреляет глазками в компанию парней, которые, кажется, игнорируют их. Компания школьников, что пьют сок и незаметно (ну, почти незаметно) подливают в него водку. Их ещё никто не словил на этом. Затем я быстро перевела взгляд на столик, где сидели отец с дочерью, но на том месте их уже не было. Но зато там было кое-что интереснее. Там сидел парень из лавки, которого я сегодня встретила.

Он сидел за столом с какой-то девушкой. Я могла видеть только её макушку, но почему-то не было сомнений на счет того, как она выглядит. Жгучая брюнетка с пышными формами, что могут соблазнить любого парня (с фантазией у меня всегда было хорошо). Щелчок у меня в голове заставил меня невольно взглянуть на свою маленькую грудь и

недовольно фыркнуть.

Её ладонь накрывала его ладонь, большой палец гладил нежную кожу. Он не смотрел на неё с интересом, а скорее даже наоборот. Он будто смотрел сквозь неё, задумавшись о чем-то другом. Лишь сейчас я обратила внимание на то, как он был одет. Синяя рубашка, первые две пуговицы которой были расстегнуты, и чёрные прямые брюки (как ему вообще не жарко в них). Его темно-русые волосы были в беспорядке, что заставило меня подумать о том, что не такой уж он и идеальный, каким кажется на первый взгляд.

Внезапно он переплел пальцы девушки со своими, и, нагнувшись, прошептал ей что-то на ухо. Я никогда не принадлежала к тому типу людей, что любят лезть не в свое дело, но в этот момент, мне хотелось так сильно услышать, что же он говорил ей. Это было так неправильно, но я была не в силе побороть это желание.

Девушка кивнула головой, а затем первой поднялась с места. Всё же она оказалась такой, какой я её нарисовала в своем воображении. Он поднялся вслед за ней. Парень начал оглядываться вокруг, будто боялся, что кто-то может поймать его на чем-то грязном. Его взгляд остановился на мне. Я смотрела на него, а он на меня. Всё было как в какой-то сопливой мелодраме. Я на миг задержала дыхание. Было неодолимое ощущение того, будто между нашими глазами была протянута какая-то невидимая нить, что тянулась через весь зал. Это длилось всего несколько секунд, но я почувствовала это. Но он порвал эту нить, когда отвел взгляд от меня и, взяв девушку за руку, пошел на выход.

Это было очень странно, но я пыталась не заострять своё внимание на этом. Я пыталась.

Я наполовину нидерландка и наполовину британка. Мой отец родом из Великой Британии, а если быть точнее — из Англии. Будучи ещё студентом, он принял участие в программе студентов по обмену. Он выбрал Нидерланды лишь из-за дурной славы этой страны, как бы это глупо не звучало. Он приехал сюда за легальными наркотиками и шлюхами, но встретил мою маму и влюбился. Это совсем не та романтическая история, о которых обычно пишут в книгах, потому что, как говорит моя мама, просто это случилось и всё.

У моей мамы было туго с английским, поэтому моему отцу было легче выучить нидерландский. Он сделал это ради неё. Это, конечно, не прыжок в бездну, не громкие признания в любви на вершине Эйфелевой башни, но это ведь тоже стоящий поступок, не так ли?

Но даже в таких простачках, как мои родители были сложности в отношениях. Не смотря на то, какими идеальными были их отношения, жизнь преподнесла им несколько испытаний, которые они, в конце концов, прошли. Моему отцу пришлось вернуться в Англию и закончить своё обучение там. Моя мама говорила, что порой она теряла надежду на то, что он вообще когда-либо вернется, когда подолгу не получала от него никаких известий.

Но уже через полтора года без какого-либо предупреждения, с двумя чемоданами в руках, он стоял на пороге её дома и клялся в любви.

— Я не ждала его уже даже, — честно говорила мне мама, положив руку на сердце, — но сердцу не прикажешь.

Вскоре они поженились и начали жить вместе. Мамины родители вовсе не были против того, что в их доме поселился новый житель, а даже напротив — они относились к моему отцу с той же трепетной родительской любовью, которую дарили и своей дочери. Папина мама наоборот едва ли не ненавидела мою мать за то, что она забрала у неё её единственного сына. Но с моим рождением это изменилось.

К моменту, когда я родилась, мои родители уже жили в своем доме. Папа заработал достаточно денег, и, в конце концов, уговорил маму покинуть родительское гнёздышко и, наконец, подумать о них, как об одной отдельной семье. Она согласилась, но, тем не менее, всё равно каждые выходные мы проводили в доме моих бабушки и дедушки.

На всё лето меня отвозили в Англию к моей бабушке по отцовской линии. Там почти не было моих сверстников, поэтому там было скучновато, но мои родители считали гениальной идеей просто сплавить меня куда-то на три месяца. Таким образом, помимо нидерландского, мне пришлось выучить ещё и английский. С этим у меня не было проблем. Я могла даже подделывать ровный английский акцент (что всегда нравилось моей учительнице иностранного языка).

Всю ночь я собирала свои чемоданы, точнее разбираала, а затем собирала снова. Моя мама положила мне кучу ненужных вещей, вроде меховой шапки и парки, или даже такие бессмысленные вещи, как спальный мешок. Мне пришлось перебрать все свои вещи и оставить лишь то, что мне может действительно понадобится. В конце концов, я уезжаю в Америку не на полгода, а лишь на неделю (максимум две).

Уснула я, соответственно, лишь под утро, поэтому в семь часов утра, когда я

почувствовала, как кто-то тормозил меня за плечо, я лишь простонала и перевернулась на живот, спрятав свою голову под подушку, словно страус.

— Каролин, просыпайся скорее! — мне показалось, что я услышала голос Агнесс. Хотя, в моем полусонном состоянии мне действительно могло лишь показаться.

Я почувствовала, как кто-то обхватил своими руками обе мои ноги и потянул вниз. Моё тело неприятно застонало от боли, когда я оказалась на полу. Теперь у меня не оставалось выбора, я проснулась. Открыв глаза и посмотрев вверх, я всё же увидела перед собой Агнесс, что нависла надо мной. У неё в руках была чашка с водой. И когда мои губы расплылись в улыбке, в тот же час она вылила на меня всю воду, заставив меня громко ругнуться.

— Такси приедет через полчаса, а ты ещё не готова, — с упреком сказала мне девушка. Подав мне руку, она помогла мне встать с места.

На ватных ногах я добралась к ванной. Мне пришлось опираться руками об раковину, чтобы не упасть, поэтому я чистила зубы медленнее обычного. Я решила пропустить ту часть утреннего распорядка, когда я принимала душ, ведь времени для этого не было. Тем более, был риск, что под горячей струей воды я усну.

— Я уже подготовила тебе одежду. Почему ты так долго? — Агнесс летала по всей комнате, словно бабочка.

На кровати я заметила белую полупрозрачную блузу и чёрные шорты. Это были как раз те вещи, которые я вчера выложила из чемодана. Я тяжело вздохнула, но времени не было на подбор другой одежды.

— Такси уже приехало! — в привычной для Агнесс восторженной форме произнесла она. Я же в это время пыталась застегнуть шорты. Чёрт, неужели я снова поправилась? Втянув живот, я всё же сделала это.

Надев рюкзак, я была готова. Агнесс в это время уже спускалась вниз с моим чемоданом.

— Билеты взяла? А паспорт? — моя мама накинулась на меня, как только я оказалась внизу.

— Всё в кошельке, — спокойно ответила я, приближаясь к дверям.

— А кошелёк?

— Он в рюкзаке, — спокойно ответила я. Но моя мать не угомонилась. Она быстро зашла мне за спину, открыла рюкзак и удостоверилась в том, что кошелёк там, и что в нем были билет и паспорт.

— Такси ждёт! — раздраженно прокричала Агнесс, вернувшись в дом уже без моего чемодана. Мама обняла меня напоследок и поцеловала в лоб. Я улыбнулась ей в ответ, но затем моя подруга дёрнула меня за руку, вытащив, наконец, из дома.

У меня в душе был некий осадок из-за того, что я не сумела попрощаться с отцом из-за его работы, но меня успокаивала лишь мысль о том, что вскоре я вернусь обратно.

Мы неслись по всему Амстердаму, и у меня не было ощущения, будто я что-то теряю. Знаете, такая маленькая грусть, которая образовывается, когда ты уходишь от всего старого, что уже так сильно прижилось тебе. Наоборот, вдыхая свежий воздух из открытого окна автомобиля, я чувствовала свободу.

— Пробка, — невесело продекламировал нам водитель, медленно притормозив.

— А мы не можем как-то объехать её? Бога ради, сделайте же что-нибудь, мы сильно спешим, — Агнесс вцепилась пальцами в переднее от неё пассажирское кресло и смотрела на водителя, что явно был недоволен сегодня своими клиентами. Через зеркало, что висело

перед ним, я уловила на его лице раздражение, что лишь позабавило меня с непонятных причин.

Тем не менее, похоже, что Агнесс больше волновало то, что мы опаздываем, нежели меня. Я откинулась на мягком сиденье и закрыла глаза. Затем мне пришлось всё-таки заставить себя открыть их, чтобы не уснуть, поэтому я просто таращилась в окно.

Перед моими глазами мигали дома, что пестрили различными цветами. За это я и люблю Амстердам. Он весь такой разный и непостоянный. Это город моего характера. Он идеально подчеркивал внешне то, что у меня внутри.

Когда мы подъехали к аэропорту, Агнесс толкнула меня в бок, и я поняла, что всё же уснула. Она выглядела недовольной и опять же суетилась, наверное, осталось очень мало времени. Я быстро надела свой рюкзак и вышла из машины.

Агнесс уже стояла снаружи с моим чемоданом и расплачивалась с водителем. Она отдавала ему деньги с таким видом, будто это он должен ей ещё заплатить, а не наоборот. После этого мужчина недовольно фыркнул, пробормотав что-то себе под нос и, сев в автомобиль, уехал, оставив за собой облако пыли.

— Придурок, — процедила сквозь зубы Агнесс. Она так крепко держалась рукой за ручку чемодана, что её костяшки побелели. Может, мне показалось, а может, так и было на самом деле, но, похоже, Агнесс была такой злой вовсе не из-за спешки.

— Что случилось? — я расположила свои руки на бедрах и старалась не зевать, чтобы выглядеть серьезнее.

— Мы спешим, — мне показалось, будто Агнесс смахнула с глаз непрошенные слёзы. В таком состоянии, когда я могу просто упасть на пол и уснуть, мне может только казаться.

Агнесс вышла немного вперед и потащила за собой мой чемодан. Я догнала её и выхватила его ручку, всё же она и так много чего для меня сегодня сделала. Я приобняла подругу за плечи одной свободной рукой. И пусть так было не совсем удобно идти, и моя блузка поднялась (и мне даже показалось будто треснула где-то сбоку), я всё равно обнимала её.

Я летала уже не впервые, поэтому я чувствовала себя здесь вполне комфортно. А вот глаза Агнесс были как два больших блюдца, стоило нам зайти в большой зал, полных людей. Это был как один большой улей, где люди, словно пчелки сновали повсюду, каждый занят своим делом.

Теперь впереди шла я, и мне нравилось с каким удивлением Агнесс смотрела на всё это, ведь всё это было для неё в диковинку. Честно говоря, даже я, когда в первый раз летала, не была столь впечатленной.

— Я такое видела лишь в фильмах, — прошептала девушка мне на ухо, когда я отдала свой багаж. Я лишь тихо хихикнула в ответ.

Мы стояли с Агнесс посреди большой залы, и я уже должна была идти, оставив этот город (эту страну!) позади. Наверное, единственная вещь, которую я не хотела оставлять здесь это Агнесс (а ещё может свою черепаху Сержа).

— Лоренс опять бросил меня, — произнесла Агнесс, не смотря мне в глаза, и спустя секунду после произнесенного так начала плакать.

— Почему ты не учишься на своих ошибках, глупая девочка? — я обняла девушку. Я почувствовала её слезы через тонкую ткань блузки, когда она прижалась ко мне. Теперь у меня там останется чёрное пятно. Но я не стала язвить и всё же продолжала гладить подругу по волосам, в попытке успокоить.

За спиной девушки висели на стене большие часы. Я с ужасом заметила, что мне уже так точно пора.

— Агнесс, мне уже пора, — я отстранила девушку от себя и на расстояние вытянутой руки держала её за плечи, она продолжала лишь шмыгать носом, — Пожалуйста, пока меня не будет, не связывайся больше с Лоренсом. А когда я приеду, то разберусь с этим засранцем, ладно?

Я пока не знала, как буду разбираться с Лоренсом, но мои слова звучали убедительно, и Агнесс улыбнулась, кивнув утвердительно головой.

— Удачи! Найди Питера и убей его! — радостно воскликнула девушка, так что некоторые люди странно на нас покосились. Да уж, это наверняка звучало очень странно.

— Обязательно, — я в последний раз обняла её, а затем убежала.

Пройдя проверку документов и билетов и поднявшись по трапу, я оказалась внутри самолета. Соответственно билету я начала искать своё место. К счастью, мне ещё не посчастливилось узнать, кто будет моим соседом весь полет, ведь оба места были свободны. Я просто надеялась, что усну раньше, чем он или она придет. Однажды возле меня летел какой-то толстяк, что сидел у окна. Он то и дело подзывал к себе стюардессу и уминал вонючие гамбургеры. Честно говоря, я даже сбилась со счета, сколько он их съел. По раздраженному лицу стюардессы я поняла, что её он тоже задолбал. А ещё однажды рядом со мной сидела девочка лет пяти, что всё время смотрела на меня и смеялась, будто я была клоуном. К моему же сожалению, в тот раз я забыла свои наушники дома. А ещё один раз возле меня сидел один парень, который хотел меня склеить, к его сожалению, тогда я уже встречалась с Питером. Но то, что у меня есть парень не остановило его, и он весь полет говорил мне о себе и о своих многочисленных достоинствах, даже не заметив, что я была в наушниках. Что со мной только не случалось. Порой сама осознаю это и удивляюсь.

Я удобно разместилась возле иллюминатора. Расположив голову на мягкую «с»-образную подушку, я на миг закрыла глаза.

— Ты села на моё место, — я ещё не успела уснуть, как в моё подсознание прорезался мужской голос. Я тяжело выдохнула, открыв глаза и оторвав голову от подушки. Интересно, смогу ли я хоть раз совершить перелет куда-нибудь без приключений. Типа просто села, полетела и всё. И всё!

Повернув голову, я заметила того самого парня из лавки. Я не могла ничего с собой сделать, поэтому просто закатила глаза, и мне было плевать на пристойности. Что за злой рок? Почему это происходит со мной?

— Я не уверена, что ты прав, потому что у меня написано... — монотонным голосом проговорила я, доставая из кармана шорт свой билет. Он просто рассмеялся в ответ и плюхнулся на сидение рядом.

— Я имел в виду, что моё место возле иллюминатора. Сначала идет семь, а потом восемь, — он указал мне на расположение мест. Действительно, у меня было восьмое место, а у него, видимо, седьмое.

— Но мне не принципиально, можешь сидеть здесь, — сказал он, и я уже понадеялась на то, что это будет конец. На всякий случай, я уже начала доставать из своего рюкзака наушники и телефон, но не тут-то было.

— Но только если ты поговоришь со мной.

Я повернула голову и посмотрела на него, приподняв одну бровь, что-то вроде «Ты серьезно»?

— Давай лучше тогда поменяемся местами, — предложила я, ведь у меня не было ни настроения говорить с ним, ни физических сил.

— Ты настолько не хочешь говорить со мной? — притворным обиженным, словно у девочки, голосом произнес он. Это уже начинает бесить.

— Нет, я настолько хочу спать. Понимаешь? — спросила я, а затем не дождавшись его ответа, всунула в уши наушники, чтобы и не слышать его. Откинув голову назад, я закрыла глаза и уже понадеялась на то, что смогу поспать.

Не знаю, сколько минут прошло, но в моем воображении уже выстроилась сцена моей встречи с Питером. Он не ждет меня, и я сама не знаю, чего я жду от него. Мы не виделись уже два года, а не разговаривали немного больше года. Я даже не помню, как звучит его голос, не могу вспомнить как выглядит его лицо, не могу вспомнить, за что я его полюбила.

Вдруг я вновь почувствовала, как кто-то тормозил меня за плечо в попытке разбудить. Это уже переходит все рамки.

— Какого чёрта? — я открыла глаза, вытащив из уха наушник. Передо мной стояла, кажется, совсем растерянная стюардесса. Она улыбалась немного неуверенно.

— Чего-нибудь желаете, мисс? — спросила она, убрав свою руку с моего плеча. Я услышала тихий смешок справа от себя. Как же он меня бесит.

— Колу, пожалуйста, — попросила я. Когда стюардесса отошла, я обратилась к парню:

— Ты мог сказать ей, что я сплю, а не просто слушаю музыку.

— Мог, но не хотел, — сказал парень, после чего лукаво улыбнулся. Что с ним вообще не так?

— Ладно, — я сложила руки и повернулась к нему (насколько насколько смогла), — Давай поиграем с тобой в «десять вопросов», но после этого ты отстанешь от меня раз и навсегда.

— Ладно. Только ответ обязателен на вопрос любого типа, — серьезно ответил он, глядя мне в глаза. Только сейчас заметила, какими голубыми они были и глубокими что ли. Может, я бы и не обратила никакого внимания на цвет его глаз, если бы только они не были такими яркими. Они были такими голубыми, что мне невольно показалось, будто они ещё и прозрачные, как вода в колодце.

— Я начну. Как тебя зовут? — спросил он. Его голос проник в моё подсознание, заставив отвлечься от рассматривания своего отражения в его глазах. Я не спешила отвечать, ведь в этот же миг пришла стюардесса с маленькой бутылкой колы для меня и пакетиком печенья для него. Открывая бутылку, краем глаза я заметила, что мы уже были в небе. Видно, я проспала момент, когда мы только взлетали.

— Каролин, — произнесла я, после чего сделала глоток шипящего напитка. Мне ещё повезло, что при открытии я ничего не разлила.

— Кэролайн? — переспросил он.

— Нет, Каролин. С ударением на букву «А», понимаешь? — почему-то у иностранцев с этим всегда возникают проблемы. Помню, как приезжала к бабушке на лето, и меня там так и называли. Когда её подруги в который раз называли меня Кэролайн, я уже даже и не обращала внимания, хотя меня это невероятно бесило.

— Ка-ро-лин, — произнес он по слогам, будто пробовал на вкус моё имя.

— А ты?

— Дин, — коротко произнес он, всё ещё повторяя моё имя, будто было каким-то замысловатым.

Я повернула голову и на несколько минут застыла в изумление. Мы летели над облаками, крыло самолета разрезало их. Небо было таким голубым прямо как... Его глаза. Меня будто ослепило вспышкой, и когда я часто моргала, то, кажется, всё равно видела эту голубизну перед собой. Это так странно.

— Будешь? — он открыл печенье и протянул мне пакетик. Вспомнив о том, с каким трудом я втиснулась в эти шорты, я всё же отказалась, хотя и была немного голодна. Он лишь пожал плечами в ответ, а затем сказал, что моя очередь задавать вопросы.

— Как зовут твою девушку? — спросила я, вспомнив ту девицу из бара. Дин сразу же поперхнулся печеньюшкой, будто я спросила у него невесть что. Явно было, что он ожидал любого вопроса, но не этого.

— У меня нет девушки, насколько я помню, — ответил он, отложив печенье в сторону.

— Правда? — теперь было моё время смеяться. Кажется, теперь я была сверху (но не в том значении, о котором вы наверняка подумали).

— Это было нечто другое, — он снова прокашлялся, но в этот раз нарочно. — Теперь мой вопрос. Откуда ты родом? Этот вопрос застрял в моей голове уже давно.

— Боже мой, конечно же, из Нидерландов, — я закатила глаза. Он наверняка преувеличивает на счет того, как долго он думает об этом. Я старалась не смотреть ему в глаза, но заметила на его лице замешательство.

— Как? У тебя даже нет акцента. Ты мне врешь. В чем твой секрет? — Дин взял ещё одно печенье и засунул его целиком в рот, что меня немного насмешило. Всё же он был милым, в перерывах между тем, когда не был надоедливым придурком.

— Это уже новый вопрос, — предупредила я.

— Ладно, нет. Тогда не отвечай, — опешил парень.

— Что ты делал в Амстердаме? — спросила я. Честно говоря, это был весьма глупый вопрос, ведь наверняка он был обычным туристом, но мне в голову ничего другого не пришло.

Я достала из переднего кармашка рюкзака чёрную резинку и завязала свои волосы в нелепый пучок. В процессе я случайно толкнула парня локтем в нос, но он ничего мне на это не ответил, хотя я даже тихонько засмеялась.

— Отдыхал, — его ответ был лаконичным. Парень немного погрустнел на лице, или же мне опять-таки показалось, потому что уже через несколько секунд он был полон энтузиазма, чтобы задать следующий вопрос.

— Зачем ты летишь в Америку?

— К своему парню, — уверено произнесла я, хотя уже сама сомневалась в том, были ли мы с Питером в отношениях каких-либо. Дин вздохнул и начал кивать головой, будто прекрасно понимал меня.

— Что-то типа офигительной любовной истории о том, где девушка пересекает океан только бы увидится со своим любимым, — произнес он с некой иронией и даже отвращением.

Я смирила его взглядом. На нем была немного помятая, но всё же чистая голубая рубашка, верхние две пуговицы которой были расстегнуты. Рукава были закатаны, и я могла видеть вздувшиеся венки на его крепких руках. Темно синие джинсы облегли его ноги. А обут он был в чёрные ботинки. В этот раз его волосы были причесаны и выглядели аккуратно. Я даже отметила для себя, что у него были чистые не сальные волосы (ведь насколько я помню, у Питера всегда была жирная голова).

— Нет, ты ошибаешься. Всё совсем не так, — я отвела от него взгляд и вновь обратила свое внимание на лазурно-белого оттенка небеса, что простилались перед нами.

— Тогда расскажи мне всё, — Дин отложил печенья в сторону и начал сверлить меня глазами.

— Это вовсе не то, о чем я предпочла бы говорить с незнакомцами, — я вздохнула, опустив глаза вниз на свои руки, — Это вообще не та история, о которой я хотела бы говорить.

— Тогда, это мой вопрос. Зачем ты летишь к своему парню?

— Почему мы идем на снижение? — я выдернула из ушей наушники, что было не весьма приятно, после этого я недовольно промычала, потирая уши.

— На восточной стороне Американского континента, через который мы будем пролетать, сейчас проходит шторм, поэтому мы на некоторое время останавливаемся на Британских островах, — спокойно ответил парень. Я больше не могла уловить насмешки в его голосе. Наоборот, он был твердым и полным решимости.

Мне кажется, теперь я даже взглянула на него по-другому. Кажется, ещё час назад, когда мы завели эту незаурядную беседу, он был более веселым, если не сказать, что даже слишком. Сейчас же его брови были нахмурены, и смотрел он куда-то будто сквозь меня. Я видела уже такой взгляд, ещё тогда в баре, когда он сидел с той девушкой. Это была ещё неизведанная мною сторона Дина и, похоже на то, что это была его не самая лучшая сторона.

Я не стала ничего больше спрашивать, потому что это было не так уж и значительно для меня. Безусловно, меня раздирал изнутри интерес, о чем он думает, почему его настроение вмиг так изменилось, но я старалась выбросить из головы эти дурные мысли. После того, как мы прилетим в Америку, мы вообще вряд ли увидимся. А спустя некоторое время я и вовсе забуду его имя. В далеком будущем я и не вспомню его фигуру, что отыграла в моей жизни не такое уж и большое значение.

Мы остановились в аэропорту Хитроу. Нам ещё раз объяснили всю ситуацию. Действительно, на востоке Соединённых штатов сейчас бушевал ураган, имя которому ещё не дали. Нам сказали, что мы остановились в Британии приблизительно к утру следующего дня. Сначала я немного запаниковала из-за того, что не успею вовремя попасть на фестиваль, а точнее — именно на выступление Питера. Но подсчитав мысленно время, я всё же успокоилась. Ведь если с аэропорта я сразу же на такси направлюсь к месту проведения этого чёртового фестиваля, то ещё вполне успею словить своего бойфренда.

Британия встретила нас не весьма радушно. Я сразу почувствовала пронзающий до самых костей холод, когда ещё спускалась вниз по трапу. Дин больше не говорил мне ни слова, будто до этого самого момента у нас не было оживленной беседы. Это меня немного обескуражило. Я даже не знаю, как теперь вести себя с ним.

Дин сам снял с моих плеч груз в виде своего общества, когда сразу исчез из поля моего зрения, как только мы вошли в большой зал ожидания, где он растворился среди большой толпы людей, что были здесь и ранее.

Сначала я растерялась. Здесь было так много людей, что я почувствовала себя немного потерянной среди такого большого скопления народу. Все были с кем-то. Я просто стояла, придерживая лямки рюкзака ладонями, а они все обходили меня стороной так, будто меня здесь вовсе и не было. На миг я почувствовала одиночество, но затем успокоила себя тем, что так и должно быть.

Теперь я всерьез задумалась о том, чем занять себя на ближайшие несколько часов. Я в буквальном смысле этого слова потеряла единственного человека, который помог бы мне скрасить это время.

Я не смогла придумать ничего лучше, чем просто найти здесь буфет и выпить кофе, в котором я сейчас нуждалась не больше, чем в прежнем общении, которое я по своей же

глупости утратила.

Достигнув своей маленькой цели, я зачеркнула один пункт в своей воображаемом списке. Но проблема состояла в том, что других пунктов в этом списке не было. Со стаканчиком обжигающего кофе, я просто направилась обратно в зал ожидания. Я не спешила пить напиток, а прежде грела руки об горячий стаканчик. Стены в большой зале отдавали холодом, и я даже не могу точно сказать, где было холоднее — на улице или внутри.

Дождевые капли настойчиво стучали по грубым стеклянным окнам, отбивая некий ритм. Это возвращает меня мысленно на несколько лет назад. Мне тринадцать. Я впервые в жизни летела в Англию одна. Меня переполняло чувство страха, хотя это был уже и не первый мой полет. Моя мама сказала, что это сможет пробудить во мне чувство ответственности. Она думала, что это заставит меня чувствовать себя взрослой. Но, похоже, моя мама не знала, что я и не особо спешила взрослеть. Но после этого лета мне всё же пришлось повзрослеть (хотя сейчас не об этом).

Я прибыла в Англию и была слишком вымотана собственными дурными мыслями. Это был первый в моей жизни полет, когда я всерьез задумалась о том, что случится, когда я разобьюсь. В своем богатом воображении я успела себе нарисовать сцену не своей смерти, а её последствия. Я представила, будто мои родители сначала убивались своим горем, а затем просто удочерили из детского дома девочку, которую звали Каролин. Она не была такой как я, но они ослепленные своей утратой видели в ней меня и любили, что есть сил, чтобы не потерять снова свою любимую дочь. Моя бабушка навсегда и окончательно возненавидела мою мать и после нескольких лет безутешной борьбы с моим отцом (который напомню, сошел с ума и принимал другую девочку за меня), она умирает. Мои другие бабушка и дедушка купили бы домик в какой-то ничем не примечательной деревушке, оставив свою обезумевшую дочь в городе, полном воспоминаний.

Теперь я, наверняка, могу знать, что будет после моей смерти. Я точно могу предугадать поведение каждого из них, потому что наблюдаю за этим уже несколько лет. Они просто предпочтут забыть о моем существовании, будто меня никогда и не было.

— Где ты взяла кофе? Мне сказали, что у них нет натурального кофе, — низкий и немного грубый, но пропитанный бархатом мужской голос привлек к себе внимание. Я невольно улыбнулась. Это был Дин.

— Это растворимый кофе, — ответила я, не отрывая глаз от большого окна, по которому всё ещё стучали тяжелые капли.

— Какая гадость! Как ты можешь это пить? — воскликнул парень. Я услышала его тихий смешок. Я невольно подумала о том, что же тогда было с парнем меньше чем ещё час назад, но я считала неуместным спрашивать у него напрямую, что же это было. Может, это было минутное помутнение рассудка. Может, он вспомнил что-то, о чем обещал сам себе не вспоминать никогда. Это казалось вполне логичным объяснением тому изменению, что я успела за ним заметить.

— Я предпочитаю пить чай с мелиссой, но у них был только мятный. Это всё же лучше, чем чай в пакетике, — было заметно, что Дин пытался поддержать разговор со мной, но для меня по-прежнему было неизвестно — зачем?

— Чёртов аристократ, — фыркая я, а затем улыбаюсь, украдкой наблюдаю за его реакцией, что так же незамедлительна — Дин смеется, при этом всё же недовольно хмурит брови.

Я не знаю, о чем с ним можно поговорить. И с одной стороны я нахожу уже некую привязанность к этому человеку и не хочу лишаться его общества, но с другой стороны я всё же чувствую некоторую настороженность внутри, что заставляет меня внимательно следить за каждым его словом, движением и жестом.

— Выйдем на улицу? — неожиданно спрашивает парень. Я таки повернула голову и посмотрела на него округлёнными от удивления глазами. Он сейчас шутит, правда? На улице такой ливень, что мне кажется от каждой капли упавшей на свободный участок кожи у меня может остаться синяк, а он говорит о том, чтобы выйти туда?

— Я туда не пойду, — я сделала глоток своего кофе, который уже вовсе остыл.

— Мы сядем под навесом на скамейку. Это вовсе не так уж и страшно, — парень ударил меня по плечу. Это было странно. Вообще как по мне всё, что делает Дин это странно.

В его голосе я не слышу лести или задорства, что присуща парням, когда те стараются склеить девушку. Напротив, он говорит со мной, словно со своим старым другом, что создает непринужденную обстановку. Но даже в моменты, когда я ловлю себя на том, что мне приятно его общение, я всё же пытаюсь найти подвох и в этом. Может, всё же это со мной что-то не так, а не с ним?

Я сразу же почувствовала поток холодного ветра, что сразу же обволокло меня, стоило мне оказаться на улице. Я, кажется, совсем не чувствовала одежды на своем теле, потому что то, во что я была одета, вовсе меня не согревало. Я сразу же обхватила себя руками в попытке согреться хотя бы немного.

Под большим навесом действительно было несколько скамеек. Людей здесь почти не было, если не считать нас и какого-то мужчину, что курил, напряженно поглядывая на свой телефон, что он вертел в руках.

Сев на скамью, я прежде выбросила в урну пустой стаканчик из-под кофе. Когда мои ноги прикоснулись к холодной деревянной поверхности, то я сразу же поёжилась. Зачем я вообще согласилась на это не весьма разумное предложение этого весьма привлекательного парня?

Несколько минут мы просто сидели в абсолютной тишине, которую лишь немного нарушал скрежет моих зубов. Но когда я позволила себе хоть немного расслабиться и забыть о чёртовом холоде, то поняла, насколько здесь было хорошо. Я слушала мелодию дождя. Тяжелые капли ударялись о твердый асфальт и разбивались. Я вдыхала пропитанный влагой воздух и чувствовала себя так по-домашнему уютно.

— Будешь? — я и не заметила, как Дин достал из кармана джинс пачку сигарет. Зажав одну между зубов, он предлагал и мне.

— Я больше не курю, — я не знаю, зачем я отметила этот незначительный факт, когда могла просто выпалить короткое «Нет» и на этом всё. Теперь я ждала от парня какого-то замечания или острой шутки, но вместо этого он просто усмехнулся и на этом всё. Похоже, я медленно превращаюсь в параноика.

Мы продолжали сидеть в тишине, окутанные каждый в свое собственное молчание, за которым таилось так много слов. Он втягивал опасные химикаты, отравляя свои легкие, а я вдыхала сигаретный дым, что возвращал меня в прошлое, о котором я предпочла бы забыть вообще.

Я не чувствовала себя зажатой в обществе парня, которого знала всё же не так хорошо, как следовало бы для того, чтобы чувствовать себя так свободно рядом с ним. Я не переставала изумляться тому, как быстро он расположил меня к себе. Может, это его план?

Может, он хочет меня затащить меня в постель и я всё же не вызываю у него особого интереса?

— Здесь неподалеку есть неплохой ресторан, где можно перекусить. Можем туда пойти, — слова парня вновь прорезали тишину, перекрикивая сам дождь.

— Я не думаю, что это хорошая идея, — я покачала головой. Немного приподнявшись, я попыталась потянуть свои шорты немного вниз, но это было безуспешно.

— Прости, я почему-то не подумал о том, что ты предпочитаешь разное дерьмо, вроде чипсов из буфета, нормальной здоровой еде, — несколько дерзко произнес парень. К Дину возвращались его былой саркастический тон и дерзость. Хотя, может, мне всё показалось и это никуда не исчезало?

— Почему тебе обязательно нужно быть грубым со мной? — я повернулась к нему и заметила на его губах едва заметную ухмылку. — Да, я люблю чёртов растворимый кофе из пакетика и не против перекусить чипсами. Если это не в твоих приоритетах, тебе не обязательно мне грубить, — на одном дыхании произнесла я, проследив за тем, как уголки его губ медленно опускаются. Я уже была напугана тем, что вывела Дина из равновесия и что скорее я была с ним только что более грубой, чем он со мной.

— Ну, так ты идешь со мной? — спросил он, направив свои небесного оттенка глаза на меня. Мне кажется или он пропускает мимо ушей мои слова?

— В такой дождь я никуда не пойду, — хмыкнула, в конце концов, я и скрестила руки.

— Знаешь, я не привык бороться за чье-либо внимание, но это воистину забавляет. Давай, не дури и пошли перекусим. Наверное, даже за сотню километров слышно, как бурчит твой живот, — Дин резко поднялся со скамейки и пошел вперед. Затем он начал идти задом наперед, чтобы продолжить говорить со мной. — Так ты идешь? Такси ждет.

Такси? Насколько мне известно в аэропортах обычно большая очередь на такси. Кто-то приезжает, а другие сразу же садятся внутрь. Обычно так и случается в больших городах. Если мы сейчас в Хитроу, то так и должно быть наверняка.

Закатив глаза и недовольно пробурчав, я всё же поднялась с места. Я встала вовсе не из-за того, что Дин мне понравился так сильно, что я просто теперь не хотела его терять, а лишь из-за интереса (смешно будет посмотреть на то, как он будет ловить здесь такси) и голода. Наверное, больше даже из-за голода.

На его лице появилась самодовольная улыбка, когда я догнала его.

Мы прошли через два больших зала и вышли к главному входу. Здесь было уже достаточно много людей. Некоторые прилетели и уже с душевным упокоением дожидались момента, когда уже будут дома. Кто-то с долей энтузиазма был готов на новые подвиги в новом городе, который им только предстоит открыть своему кругозору. Кто-то спешил к любимому, кто-то к другу, а кто-то, как и мы, хотел просто немного укоротить время ожидания (я заметила знакомую парочку, что была самой громкой в нашем самолете, их было сложно не заметить). Здесь было много людей и все суетились. Я и сама не заметила, как схватила Дина грубо за руку.

— Пошли за мной, — прошептал мне на ухо парень, чтобы сквозь весь этот шум я смогла услышать его. Его горячее дыхание приятно обжигало мне кожу. И я не знаю, почему я обратила на это вообще внимание, но это было так приятно, что это даже спугнуло меня. Я ведь не должна серьезно относиться к Дину и всему, что сейчас между нами происходит.

Он взял меня за руку и повел за собой. От этого мне стало немного неловко. Моя ладонь сразу же вспотела. Так было каждый раз, когда я волновалась. На моем первом свидании с

Питером было так же, и он не уставал повторять мне, что ему это не нравится. «Мне приятно твоё волнение, детка. Но я не смогу ходить с тобой за руку, если у тебя будут такие руки» — не уставал повторять он. Поэтому сейчас я несколько растеряна. Я даже не уверена насчет чего я волнуюсь больше — моих вспотевших ладоней или вообще того факта, что мы держимся за руки?

Мы пробирались сквозь толпу. Не то, чтобы нам пришлось проталкиваться, но люди стояли достаточно плотно, поэтому я старалась просто аккуратно обходить их всем, протискиваясь между ними. Хотя, Дин, кажется, был менее толерантным, поэтому он так и не беспокоился о том, толкнул ли он кого-то или встал кому-то на ногу.

Мы подошли к одному из ряда, стоящих здесь, чёрному кэбу. Водитель в униформе стоял с раскрытым зонтом в руках и отказывал паре молодых людей, таких же, как и мы с Дином (только наглашаю — паре, а это не так, как у нас).

— Дин Браун. Я вызывал такси, — спокойно сказал парень. Водитель утвердительно кивнул. Открыв двери, мы оба расположились на заднем сиденье. Я сразу же почувствовала тепло, что медленно проникало мне под кожу и вытесняло оттуда весь холод.

Дин назвал водителю название ресторана, который ещё не был мне знаком.

— Когда ты успел вызвать такси? — спросила я у парня, не отрывая глаз от переднего вида. Сейчас это было единственное окно, через которое можно было рассмотреть что-либо. Радио в салоне не было, поэтому мелодия дождя была единственной, что представилась нашему вниманию. Её прерывал лишь отчетливый и ритмичный стук дворников об железо и трение об стекло.

— Какая теперь разница, — он усмехнулся, так и не дав мне определённого ответа.

Мы подъехали к тому самому ресторану уже за десять минут. Когда мы остановились посреди улицы, я поняла, что нам так и придется пробежаться под дождем. Это меня не весьма радовало. Дин расплатился, пока мы ещё оставались в машине. Когда он открыл двери, то я сразу же почувствовала дуновение ледяного ветра, что сразу же прошелся по открытым участкам моей кожи. Я заметила, что сам ресторан был совсем недалеко, поэтому я отметила для себя, что это займет несколько секунд, чтобы перебежать от машины к входу.

Я потупила глаза вниз и смотрела себе под ноги, когда назойливые дождевые капли попадали мне за шиворот, при этом проникая и сквозь тонкую ткань моей блузы. Я сразу же почувствовала неприятный холод, что заставлял меня поежиться.

Этот путь длился несколько секунд, но всё же я промокла насквозь. У меня было ощущение, будто я несколько часов гуляла под дождем, и мне так хотелось скорее попасть внутрь, чтобы ощутить то долгожданное тепло снова.

Дин открыл передо мной двери, и я сразу же почувствовал аромат мяты, что так приятно дурманил меня. Я зашла первой и сразу же начала осматриваться. Светлое просторное помещение показалось у меня перед глазами. Стены казались бы голыми, если бы на них не висели авангардные картины, значение которых едва ли объяснялось незамысловатым названием, которое придумал им их творец.

Просторные большие окна были обрамлены нежно молочного оттенка кружевными занавесками. На подоконниках стояли вазоны с живыми цветами, что пестрели яркими цветами, даря этому месту немножко весны.

Людей здесь было предостаточно, но, тем не менее, у нас был выбор на счет места, где бы мы могли присесть. Дин вышел теперь вперед и, не дав мне права выбора, занял столик у окна.

— Ты бывал здесь раньше? — спросила я, присаживаясь на шаткий с виду, белый деревянный стул. Атмосфера здесь такая уютная, что даже заставляет забыть меня о том, что вне этих стен сейчас всё так серо и безрадостно. Мне всё ещё немного прохладно, так как вся моя одежда полностью промокшая, и я чувствую себя немного неловко перед Дином. Но ему похоже всё равно. Его волосы в легком беспорядке. Промокшая рубашка прилегает к его телу, и я отмечаю для себя, что он в отличной спортивной форме (хотя, до этого у меня и не было даже сомнений насчет этого).

Не успел парень мне что-либо ответить, как к нам подлетела официантка. Веселая, жизнерадостная улыбка на её лице, будто служила ещё одним элементом декора здесь. Оставив нам меню, девушка ушла.

— Да, и не раз, — ответил он, даже не взглянув на меня. Его взгляд был потерян где-то между страниц с холодными закусками и салатами. Его губы были поджаты, а брови нахмурены. Почему-то мне показалось, что он просто пытается игнорировать меня, во избежание вопросов, что могли касаться его личной жизни. Но, в конце концов, у меня такое же право вмешивается в его личную жизнь, как и у него. А в этом вопросе у него нет ограничений.

— Ты приводил сюда свою девушку? — небрежно спросила я, в то же время, спрятав свои глаза за страницами меню.

— Я, кажется, уже говорил о том, что у меня нет девушки. Больше нет, — я заметила, как его ладонь сжалась в кулак, на сильных руках запульсировали вены. Он подозвал к себе официантку, не произнося мне больше и слова.

Я не слышала, какой именно заказ он сделал, ведь была оглушена своими же мыслями, что были настолько громкими, что не позволяли мне слышать ещё что-либо. Зачем я спросила это? Теперь он вероятно зол на меня. Но с другой стороны, Дин так настойчиво расспрашивал меня о Питере, что я решила для себя, что могу узнать что-то и о его девушке. Или девушках. У него, наверняка, в этом плане прошлое более насыщенное, нежели у меня.

Я поняла, что официантка обращалась ко мне, когда Дин глазами указал мне на неё. Подняв глаза, я заметила, что всё её внимание было обращено ко мне. Я ещё не успела рассмотреть меню, поэтому просто выпалила первое, что пришло мне на ум:

— Салат Цезарь и стаканчик морковного сока, пожалуйста, — я выдавила из себя улыбку, обращаясь к ней. Едва заметно кивнув, девушка ушла.

— Что происходит? — теперь я обратилась к парню. Он задумчиво смотрел в окно. Кажется, я снова его потеряла. И это само по себе выбивало и меня из колеи.

— О чем ты? — Дин наградил меня несколько обескураженным взглядом. Его голубые глаза были широко раскрыты в недоумение. Чёрт, парень, ты серьезно? Я тебя не понимаю!

— Зачем это всё? — я обвела рукой зал. — Зачем мы оба сидим здесь? Зачем ты уделяешь мне своё внимание, если как только мы приземлимся в Америке, то вряд ли вообще увидимся? Зачем ты расспрашиваешь меня о моей личной жизни и ничего не желаешь говорить о своей? Зачем? Это что, какой-то прикол или что-то в этом роде? Потому что если да, то я отказываюсь в дальнейшем принимать в этом участие, — быстро проговорила я на немного повышенном тоне. Я не заметила на лице Дина никаких эмоций, совершенно никаких. Я ожидала того, что он разозлится, обеспокоится, в конце концов, взбесится на меня. Но он оставался непроницаемым, будто так и должно было быть.

— Ты интересна мне как личность и на этом всё, — спокойно ответил Дин. После моего монолога (пусть не такого уж и длительного, но всё же), он смог мне отказать лишь

это.

Мне вроде было и приятно слышать это, но также эти его слова опять же вызывали множество вопросов, которые мне уже не терпелось озвучить.

— Если бы мы не встретились до этого в сувенирной лавке и не повздорили, стал бы ты сейчас проводить со мной время? — напрямую спросила я. Ответ уже был нарисован на его лице. Но произнести его он не торопился.

— Скорее всего, нет. Но спешу добавить, что всё наше общение построено на спонтанности. Разве я мог предположить, что мы будем с тобой лететь в одном самолете, ещё и на соседних местах? Если жизнь искушает нас, посылая нам ещё одну спонтанную встречу, так почему бы нам не испытать шанс пообщаться ещё раз? Тем более, что это общение ни к чему тебя не обязывает. Ты можешь прямо сейчас подняться с этого места и уйти, куда тебе угодно. Я выбрал общение, но если тебя не устраивает мой выбор, ты вправе сделать свой.

Это меня окончательно выбило из колеи. Я не весьма была удовлетворена его ответом, я ждала чего-то более короткого и более понятливого для моего понимания. Я открыла рот в изумление, не в состоянии подобрать и слова, что бы ему ответить.

Краем уха я уловила тихий смешок парня.

— Я услышу ответ хотя бы сегодня?

— Эмм... Да, я остаюсь, — мой голос прозвучал несколько неуверенно. Это было всё, что я смогла произнести. И я понимала насколько нелепо и, наверняка, предсказуемо звучало для него, но разве в действительности у меня был выбор?

Мы просидели в ресторане довольно-таки длительное время — около двух часов точно. Мы оба согласились на то, чтобы не затрагивать темы слишком уж личного характера, но, тем не менее, мы обсуждали прошлое друг друга и сами себя судили за ошибки, вроде любовь до смерти к латексным топикам и обводке с шипами — в моем случае, и воровство вина из родительского погреба для девушки — в случае Дина. Мне было с ним весело, и я рассказала ему такие вещи, о которых не говорила, наверное, даже с Агнесс (иначе она бы меня точно осудила за них).

— Значит, когда-то ты была в плохой компании? — в изумление спросил парень.

— Больше того. Я была во главе этой компании, — хихикнула я, а затем продолжила свой рассказ о том, как мне удалось украсть сумочку из магазина, когда мне было всего лишь четырнадцать.

Затем мы посетили галерею, что находилась в соседнем зале. Как ни странно (а может, и странно, ведь лично я бы этого не делала) автором этих картин был владелец этого места. Дин сказал мне, что на втором этаже находились комнаты, где посетители могли остаться на ночь.

— Комнат всего четыре, но, тем не менее, здесь весьма уютно, — пояснил мне Дин. Я могла лишь догадываться, откуда ему всё это известно. Хотя, мои догадки не такие уж и сложные — наверняка, он просто не раз оставался здесь на ночь.

Когда на улице внезапно стемнело, а дождь уже не атаковал этот город, то я попросила Дина вызвать такси, чтобы мы вернулись в аэропорт. Он предложил мне остаться здесь на ночь, но всё же наши отношения с ним были не настолько доверительными, чтобы я оставалась с ним, как он выразился «вместе». Свое решение я аргументировала тем, что самолет может вылететь раньше назначенного времени, а мы даже не узнаем об этом. В конце концов, мы вернулись в аэропорт на такси.

Здесь по-прежнему ничего не изменилось. Кто-то спешит на свой рейс, кто-то ждет кого-то, чтобы встретить, и молится о том, чтобы он прилетел живым и невредимым, а кто-то вроде нас с Дином, по-прежнему не знает, чем себя занять.

Я нашла два свободных места в зале ожидания, когда Дин пошел в буфет, чтобы взять нам напитки. Пока я сидела, то неожиданно для самой себя я начала искать причины, по которым я любила Питера. Может, всё, что я к нему чувствовала это лишь чувство благодарности за то, что он вернул меня к жизни на некоторое время? И это чувство я перепутала с любовью. А можно ли вообще любовь с чем-то перепутать? Это как купить себе кофточку от Шанель за двадцать евро. Ты вроде и знаешь, что брендовая вещь столько не стоит, но всё же убеждаешь себя в том, что на грёбанной этикетке написано, что это таки Шанель. Похоже, наша с Питером любовь была всего лишь подделкой. И когда он бросил меня, он больше не ранил мои чувства (если не сказать, что он их не ранил вовсе), он просто задел моё чёртово самолюбие.

— Держи, — появление Дина вовсе стерло образ Питера из моего воображения. Я вежливо улыбнулась, аккуратно взяв в руки стаканчик с горячим напитком.

— Мне кажется или я просила кофе? — в стаканчике была какая-то неведомая ерунда, которая отнюдь не выглядела как кофе. Она была бледно-зеленого цвета и была больше похожа на какое-то зелье. К тому же в воде плавали какие-то сухие листья опять же

непонятно чего. — Ты отравить меня решил? — я скривилась.

— Пока ты находишься в моем обществе, ты не будешь пить эту дрянь, которую ты называешь кофе, — ответил спокойно парень, сделав глоток из своего стаканчика. Краем глаза я заметила, что у него было то же самое, что и у меня. — Чай с мелиссой гораздо полезнее. Прости, но другого у них в ассортименте не было.

— Даже обычного чёрного чая не было? — я не могла смотреть на этот так называемый «чай» без отвращения.

— Только в пакетиках, — ещё один глоток. Как он может пить это?

— Я не против чая в пакетиках. А ты, видимо, ещё тот эстет.

Я поднесла стаканчик к носу и вдохнула. Пахло содержимое (иначе и язык не поворачивается назвать это) лучше, чем выглядело. В конце концов, я всё же сделала один глоток. Горячая жидкость обожгла мне горло, и я даже не сумела распробовать на вкус, так как было слишком горячо. Зато один травяной листик застрял у меня между зубов. Затем прежде чем сделать глоток, я легонько начала дуть, словно на ранку, чтобы чай остыл. Попробовав ещё раз, я поняла, что на вкус это не так уж и плохо. Наверное, всё дело в сахаре, которого здесь было две ложки (по моим неточным меркам).

— Тебе нравится? — спросил Дин. Его стаканчик уже был пуст, и он просто держал его в руках, согреваясь остатками тепла.

— Ничего в этом мире не сможет заменить мне чёрный чай в пакетике, — я скорчила грустную рожицу, что вызвало у него смех.

Вскоре мы уснули. Я и сама не заметила, как это случилось. Я просто упала в сон, словно Алиса в большую яму и летела вниз, не думая ни о чем. Закрыв глаза, едва ли не впервые, я не видела ничего.

Меня разбудила женщина, что сидела справа от меня. Она спросила у меня мой рейс, а затем сказала, что она летит тем же и несколько секунд назад сообщили о том, что вскоре этот самолет будет вылетать. Я быстренько разбудила Дина, а затем мы оба понеслись к выходу под номером двенадцать, где объявили посадку на наш рейс.

В самолете мне, к моему же удивлению, не спалось. Дин же наоборот уснул. Этот день вымотал его. Я достала из рюкзака расписание выступлений, которое напечатала дома, и подсчитывала в мыслях часы до момента, когда это уже, наконец, случится. Я больше ждала не самой встречи с Питером, сколько облегчения, которое я смогу почувствовать после того, как выскажу ему всё, что я хотела. Я точно знаю, что обвиню его во всем, вероятно, даже в том, в чем в действительности его вины нет. В порыве злости я может, даже ударю его, но он ничего не скажет мне в ответ. Это же Питер. Он молча выслушает меня, потупив глаза в пол, а затем тихо прошепчет мне «Прости», но будет уже слишком поздно. И ничего не исправит даже тысяча таких «прости», пусть они и будут искренними.

Уже в десять часов утра мы приземлились на Американском континенте, в аэропорту «Lux» в вечно солнечном Лос-Анджелесе. Будучи подростком, я мечтала о том, чтобы попасть в этот город. Сполна насладиться «дорогой» атмосферой этого места. Мечтала проехаться в кабриолете, подставив руки ветру, чтобы тот развевал мои волосы и щекотал нежно кожу. Мечтала проехаться по алее усаженной пальмами. Попасть на пляжную вечеринку, провести лучший в мире день и по уши влюбится на одну ночь. Только сейчас я понимаю, насколько абсурдными были мои мечты и желания, но сейчас, будучи здесь, не хотела бы я действительно всё это сделать? Наверное, всё же не при таких обстоятельствах.

У меня оставался всего час до начала выступления группы Питера. Я сама ещё не знала,

как буду действовать и что буду делать, когда попаду на этот фестиваль и увижу его на сцене, где он, рассматривая толпу воодушевленным взглядом, даже и не заметит меня. Я подумываю о том, чтобы пробраться сразу после его выступления за сцену, наделаю там шума и тогда он точно заметит меня. Но что, если это не сработает?

— Я могу подвезти тебя к городу, мне всё равно по пути, — предложил Дин, когда мы оба дожидались своего багажа.

— Нет, не стоит. Я словлю такси, — я выдавила из себя вполне милостивую улыбку. Или хотя бы попыталась улыбнуться. Внутри я уже сгорала от нетерпения, и чем ближе приближался момент нашей встречи, тем больше мне не сиделось на месте.

— Мне ничего не стоит сделать это, — кажется, Дин решительно был настроен на то, чтобы сделать это. Может, он не верит, что у меня есть парень? Думает, что это всего лишь глупая отмазка, чтобы не заводить знакомства с ним? Но когда мы всё же познакомились, к чему это всё?

— На самом деле, у меня нет забронированного номера в отеле. Я еду на фестиваль, — я сразу же отвернула голову, сделав вид, что на что-то засмотрелась. На самом деле, я уже могла представить себе выражение лица парня, который против чая в пакетиках и быстрорастворимого кофе.

За последние несколько часов, что я провела в его обществе, я сумела понять, что Дин точно не был простым парнем. Он был слишком... правильным и в тоже время по-своему плохим. Каждое его движение было отточено, и он не тратил слов впустую, обдумывая каждое из них, прежде чем произнести вслух. От него приятно пахнет даже сейчас, когда мы провели несколько часов в самолете. А ещё у него безупречная улыбка, красивые руки и такие необычные глаза.

— Фестиваль? Дай-ка угадаю, Коачелла? — я уловила насмешливые нотки в его словах.

— Да, мой парень там выступает просто. Я еду сразу туда, — сама не знаю зачем, но я начала сразу оправдываться. Дин лишь кивнул головой, но я заметила, что он едва ли себя сдерживает улыбку.

— Ближайший час, ты навряд ли дождешься здесь такси, так что если ты спешишь, то я с твоего позволения помогу тебе.

Я подняла голову вверх, чтобы заглянуть ему в глаза. Я по-прежнему не могла ему полностью доверять, но так как мне не удалось найти в его словах подвоха, а в своей голове хотя бы одного достойного оправдания моему отказу, я всё же приняла его предложение.

Дин сказал, что его друзья подогнали его машину к аэропорту, поэтому он без проблем может подвезти меня куда-угодно. На вопрос, не спешит ли он куда-то, парень лишь усмехнулся, ответив, что больше ему некуда спешить. Больше... За этой маленькой улыбкой явно стоит большая ложь.

Мы вышли на большую, нет — громадную парковку, где было множество различных автомобилей. Я боялась потерять Дина из виду, поэтому ступала в буквальном смысле за ним по пятам. Здесь было ещё больше людей, чем в Хитроу. Дин пояснил, что здесь часто останавливаются различные знаменитости, поэтому здесь ошиваются, как фанаты, так и журналисты, что и создают здесь в большей мере суету.

Мы остановились у чёрного Range Rover. Мой отец, что несколько лет копил деньги на автомобиль, на эту машину копил бы, наверное, ещё лет тридцать точно. Чёрный метал блестел на солнце, отбивая золотистые лучи. Машина была такой чистой, будто её только что привезли из мойки.

Пока я в изумлении рассматривала автомобиль, то даже и не заметила, как Дин уже успел загрузить все вещи в багажник.

— Ты, кажется, спешила, — голос парня вновь привел меня к жизни. Я лишь кивнула головой, а затем быстро запрыгнула в машину.

В салоне приятно пахло хвоей. Закрыв глаза, можно было с легкостью представить себя где-то посреди лесной поляны. Это сразу же позволило мне окунуться в приятные воспоминания из детства, когда я приезжала в Англию к бабушке, и мы ходили с ней в лес за ягодами. Это часто случалось, когда я была совсем маленькая, ещё до того как мои английские друзья изменили меня. Кресла в салоне оббиты белой искусственной кожей. Она не отдает резким запахом, или же это запах хвои забился у меня в легких.

Мы ехали по широкой асфальтированной дороге. Она развернулась перед нами во всей красе. По обе стороны виднелись полосы, засажены деревьями, за которыми проглядывалось бескрайнее поле. В такие моменты можно почувствовать свободу. Мне так и не терпелось высунуть свою голову из окна и кричать, что есть силы. Но сил у меня не было.

Мы ехали минут тридцать, пока не въехали в город. Мы проезжали мимо маленьких домиков, и через открытое окно до меня доносился непонятный пока что мне шум.

Внезапно мы просто остановились.

— Почему мы не едем дальше? — мой голос получился каким-то неестественно тонким.

— Потому что мы приехали. Выходи, будем искать твоего парня.

— Что значит «будем»... — не успела я договорить, как Дин уже вышел из машины. Действительно, что значит «будем»? Это у меня не решенный вопрос с Питером, и вмешательство Дина будет не уместным. Вообще пребывание его в моей жизни до этого же момента до сих пор неуместно.

— Спасибо, дальше я сама, — я выскочила из машины следом за парнем. Закрыв свой автомобиль и поставив на сигнализацию, он уже уверенным шагом шел вперед.

— Отдай мне мои вещи! — воскликнула я. Дин шел не быстро, но у него были большие шаги, мне пришлось подбежать к нему. Он остановился на перекрестке и смотрел куда-то вперед. На его лице играла самодовольная ухмылка. Когда я повернула голову и посмотрела туда же, куда и он, то мой рот просто непроизвольно открылся от изумления. То, что предстало перед моими глазами сначала показалось мне нереальным, всего лишь моей выдумкой. Мне пришлось даже часто моргать, но этот вид никуда не девался.

На фоне массивных гор, внизу раскинулся палаточный городок. Горы были заслонены легкой дымкой тумана, и от этого городка их отделяла лесная полоса. За лесом я также сумела увидеть что-то голубое. Я даже приподнялась на носочках, чтобы рассмотреть, что это было. Это был пляж, усеянный пальмами, которые оттеняли кристально-голубую воду.

— Это всё один фестиваль? — как-то невнятно и тихо произнесла я. Дин лишь тихо промычал мне утвердительный ответ.

Люди были как муравьи. Они сновали везде, где только можно было. И их было так много. Это натолкнуло меня на мысль, что здесь легко потеряться, если остаться одной. Это стало мне объяснением тому, почему Дин решил и тут сопровождать меня.

Здесь было множество палаток, которые были на расстоянии друг от друга. Какие-то были больше, какие-то — меньше. Также здесь были различные аттракционы, среди которых, конечно же, выделялось колесо обозрения.

Также я заметила установленную сцену, возле которой было больше всего народу. Я

вытащила из кармана телефон и взглянула на время. Сейчас как раз должна уже выступать группа Питера, но присмотревшись, я поняла, что это были не они. Там вообще девушка поет.

— Пойдем! — я подпрыгнула на месте и быстрым шагом спешила вниз, словно маленький ребенок, ведущий своих родителей к какому-то аттракциону.

Спустившись вниз, теперь я чувствовала себя муравьем. Я чувствовала себя немного не своей тарелке, так как была одета не по дресс-коду. Многие парни здесь были в легких летних рубашках, расстегнутых настежь, или же вообще без них. И в шортах. Здесь довольно-таки жарко, поэтому я даже представить себе не могу, как Дин чувствует себя в этих штанах. Девушки же здесь были все как одна одеты в стиле бохо. Широкие шляпы, вязанные туники, короткие топы и джинсовые шорты. Я почувствовала себя немного неловко.

— Простите, пожалуйста, — я схватила за локоть девушку, проходящую мимо. Я сразу же отпустила её, когда она повернулась ко мне и почувствовала, что мне не стоило этого делать так, как это было слишком уж невежливо.

— Чем могу помочь? — вместо того, чтобы кричать на меня она мило улыбнулась. Почему-то я обернулась к Дину, будто бы он мог помочь мне понять, зачем мне вообще нужна помощь это девушки. Но я заметила, как парень отошел немного в сторону и вел с кем-то весьма напряженный телефонный разговор.

— Да. В расписании фестиваля написано, что в это время выступает другая группа, — неуверенно начала я ей объяснять.

— А, ясно. «Alice in the Hunterland» уже выступили. Группа, что выступала перед этим, отменила своё выступление, поэтому так вышло, — она снова мило улыбнулась, а затем, засунув себе в рот леденец, которого я даже и не заметила до этого в её руках, виляя бедрами, прошла мимо Дина, который как раз подходил уже ко мне.

— Ну что? — парень кивнул головой. Но вместо того, чтобы дать какой-либо вразумительный ответ я просто быстрым шагом направилась вперед. Я услышала тяжелый вздох Дина, который поплелся следом за мной.

Я направлялась к сцене. Точнее быть, моим планом было зайти за сцену, где ещё мог быть Питер со своей группой. Я всё ещё помню, с чего всё начиналось. После школы Питер собирался со своими друзьями играть в гараже отца Бартэля (который играет на барабанах и, как бонус, является лучшим другом Питера). Я проводила время вместе с ним, слушая их игру, порой снимая их репетиции на камеру. Это было время, когда я не хотела возвращаться домой и видеть фальшивые улыбочивые лица своих отца и матери, что повторяли скорее для самих себя, нежели для меня, что всё нормально.

Мне вспомнилось, как Питер посвятил мне песню. Он спел мне эту песню на первую годовщину наших отношений. В тот же вечер, Питер впервые признался мне в любви.

Сейчас всё это лишь какие-то воспоминания, что стали горьким осадком в моей душе. Мне даже немного жаль, что я больше не чувствую приятного греющего душу светлого чувства, которое обычно испытывала, лишь услышав его имя.

Интересно, они ещё исполняют эту песню?

Я обошла толпу молодых людей и направилась уверенным шагом за сцену. Конечно же здесь была перегородка, возле которой как приложение стоял большой громила с выражением лица таким, будто он съел лимон. Я заметила, как к нему подошли какие-то два парня, но он их не пропустил. Но это не остановило меня.

— Вход посторонним запрещен, — строгим голосом, словно у робота произнес он, даже

не взглянув на меня.

— Я не посторонняя, — выпрямив спину и подняв гордо подбородок вверх, произнесла я.

— Тогда покажите мне ваш пропуск, — заявил громила. Он опустил глаза вниз и начал оценивать меня взглядом.

— Поймите меня, я не фанатка! Я ищу здесь своего парня! Питер Фэллер, позовите его, пожалуйста. Скажите, что его зовет его девушка Каролин ван дер Берг!

— Может, ещё предупредить его сразу, что его зовет английская королева, — охранник нахально ухмыльнулся, будто сказал что-то мега-остроумное. Это меня вовсе вывело из себя. Может, это и не было написано на моем лице, но я вся кипела от злости. Как он не может понять, что это так важно для меня? Хотя, конечно же, откуда ему знать. Он то и видит меня впервые в своей жизни.

— Позовите этого парня, если девушка просит, — обозвался Дин. Он вышел вперед, протянув охраннику свою визитку. Я заметила на лице мужчины некое смятение. Взглянув на Дина, я не увидела на его лице и капли удивления от того, что его имя вызвало такую реакцию.

— Мистер Браун, — дрожащий голос взрослого мужчины вызвал у меня сначала смех, — я сейчас спрошу об этом парне.

Пока он по рации связывался со своим напарником, я выхватила у Дина его визитку. Может, там просто написано «Я убью вас, если вы не сделаете того, что я вам говорю» и фото последней его жертвы? Странно, но вместо этого, я увидела самую обычную визитку, которая есть практически у всех занятых людей. Золотыми буквами была выгравировано название фирмы, где предположительно работал Дин, а снизу чёрным обычным шрифтом было написано его имя.

Хмыкнув, я отдала ему клочок картонной бумаги. Похоже, что это действительно имеет какое-то значение, но не для меня.

— Хочу вас огорчить, но группа уехала, — произнес охранник, чем сразу привлек наше внимание.

— Куда?

— Я не знаю, — искренне ответил мужчина, невинно пожав плечами.

— Чёрт! Чёрт! — кричала я на нидерландском. Сказать, что я была разочарована, это не сказать ничего. Я перелетела через океан, чтобы увидеться с этим парнем, а он просто исчезает у меня из-под носа. Нет, я не разочарована. Я подавлена.

— Я не знаю, что мне делать дальше. Честно, — произнесла я, глядя на Дина. И не успела я что-либо ещё сказать, как он обнял меня. Я уткнулась носом ему в грудь, но не плакала. Я тяжело дышала, будто мне не хватало воздуха. И мне было так хорошо в его объятьях, что я даже почувствовала себя немного неловко от этого. Я сразу начала успокаивать себя тем, что у меня просто давно не было парня, и я уже отвыкла от этого. Ничего больше.

Спустя некоторое время, когда я уже немного успокоилась, то мы сидели с Дином на холме и наблюдали за уходящим солнцем. Мы сидели на траве и пили пиво из горла. Мне показалось, что это немного не для Дина, немного не в его стиле, но похоже его это не волновало. Он выглядел расслабленным, поэтому я тоже решила не думать об этом.

— Этот Питер ещё тот засранец, — сказал Дин, когда я закончила свой рассказ, где пояснила ему, что именно делаю здесь и почему мне так срочно нужно увидеться со своим

парнем.

— У меня, наверное, иначе и быть не могло, — я усмехнулась. — Я не весьма везучая по жизни. В последнее время особенно.

Я сама не знаю, зачем я начала рассказывать Дину это. Я наблюдала за ним, пока говорила и заметила, что он действительно внимательно слушал меня, будто для него это имело значение. Мне было даже в некой степени приятно разделить это с кем-то. Он сочувственно кивал головой каждый раз, когда я делала паузу. Это было даже непривычно для меня. Всегда, когда я хотела излить душу Агнесс, она сотню раз перебивала меня, сбивая совсем с толку, и мне кажется, что она слушала меня лишь потому, что это была её прямая обязанность, как лучшей подруги.

— Ты, кажется, говорила, что ещё нигде не бронировала номер? — совершенно внезапно спросил парень. Отпив глоток пива, я кивнула ему в ответ. — Можешь остановиться у меня на ночь, а потом уже придумаешь, что будешь делать дальше.

Я поперхнулась пивом. Это он серьезно? Я и так отняла у него немало времени, а теперь и вовсе. Это как-то даже неудобно для меня. Мы ведь познакомились не больше чем двадцать четыре часа назад.

— Может, просто отвезешь меня в какой-то мотель, где есть вай-фай?

— Ты меня боишься?

— Нет, просто... Ты ведь, наверняка, дома не один живешь, — на ходу я начала придумывать отговорки, прикрывая свою ложь глупой улыбкой.

— Один, — он улыбнулся, глядя на меня. Я почувствовала, как мои щеки покраснели, то ли от осознания того, что я сама до сих пор живу с родителями, то ли от того, что я плохо придумываю отговорки.

— Ладно, только я должна взять с тебя одно обещание, — я сделала свой голос нарочито серьезным, — Обещай мне не смеяться с моей пижамы.

Дин

Я даже сам не соображал, что я делаю. Зачем я везу совершенно незнакомую мне девушку к себе домой? Зачем я пытаюсь помочь ей, когда не в силах помочь самому себе? Наверное, потому что с ней я забываю о том, что требую помощи.

Мы едем в абсолютной тишине. Когда я понимаю, что она не собирается мне что-либо говорить, я включаю радио. Мы оба изрядно подустали. Лично я точно нуждался в душе и во сне. Перелеты в самолете являются неотъемлемой частью моей работы, и хотя для меня это уже привычно, я всё же чувствую усталость. Из радиоприемника сразу же начинается горланить какая-то поп-звезда, что медленно взбирается на свой пьедестал, выкрикивая бессмысленную вереницу слов под въедающуюся в мозг мелодию. Краем глаза я заметил, как Каролин выстукивала ритм пальцами по своей коленке.

Мы выезжаем на одну из улиц пригорода Лос-Анджелеса — Пасадена. Мы проезжаем мимо милостивых кирпичных домиков, что спрятаны за цветочными садами, за которыми ухаживают хорошие хозяева. Запах цветов висит в воздухе, стоит лишь вдохнуть, и ты уже чувствуешь, как всё здесь благоухает. Здесь по-прежнему тихо, лишь отдаленный звук газонокосилки доносится до меня через открытое окно машины. В конце улицы, я замечаю струящийся кверху дымок, что растворяется на полпути к небесам. Кто-то жарит барбекю. Отчасти я завидую этим людям, потому что они выглядят такими беззаботными и уютными, будто созданы для этого прекрасного места. Я не вписываюсь сюда своими угрюмыми, но, тем не менее, весьма реалистическими взглядами на жизнь. Но, глядя на Каролин и её восторженный взгляд, когда мы проезжаем по этой улице вниз, я почему-то задумываюсь о том, что она подошла бы для этого.

— Только не говори, что ты здесь живешь? — её глаза были широко распахнуты. Неужели девушка, что живет в таком удивительном городе, как Амстердам, может ещё чему-то и удивляться? Это и в половину не прекрасней той архитектуры, что я видел на улицах этого города любви и греха.

— Ладно, не буду говорить, — я улыбнулся, украдкой глядя на неё. Кажется, она не оценила моей шутки, так как была ослеплена шиком, который распростёрся у неё перед глазами.

Медленно мы остановились напротив моего небольшого летнего домика. Я здесь не был довольно-таки давно. Наверное, я приезжал сюда ещё зимой на Рождество. Это место как раз подходит для проведения каких-либо праздников, что заставляет тебя на некоторое время ощутить себя дома, где есть семья. Даже если этого на самом деле нет, это место хотя бы создает для меня такую иллюзию.

Маленький кирпичный домик выглядывает из-за больших кустов ярких красных роз. Моя мать живет на соседней улице, в самом её конце и с удовольствием ухаживает за ними. Кажется, после ухода отца она стала помешана на цветах.

На время пока меня не было в городе, за домом ухаживала моя экономка Линда. Замужняя женщина, которая от каждого моего взгляда в её сторону сразу же начинает краснеть. Хотя, она вовсе не в моем вкусе. Она похожа на тот тип женщин, которых потаскала жизнь. Её муж-пьяница, трое детей на руках. Порой ловлю себя на мысли, что взял её на работу лишь из жалости, так как справляется она с ней не весьма хорошо. Но в

каждом доме должны быть женские руки. А дом, который я посещаю два или от силы три раза в год, особо требует ухода.

— Обожаю розы, — блондинка мило улыбнулась, и когда мы всё же остановились, она быстро отстегнула свой ремень безопасности и выпрыгнула из машины. Я выключил радио и заглушил мотор. Из машины я мог наблюдать за тем, как Каролин уже оказалась уже за воротами, так как будучи худощавой, пролезла сквозь железные перегородки.

— Ты часто так делаешь? — спросил я, вышел из салона автомобиля. Я достал из кармана брюк ключи. Они громко брязгнули, что сразу же привлекло внимание девушки.

Она держала розовый бутон и вдыхала приятный цветочный аромат. Только сейчас я заметил, какие же у неё длинные пальцы. Она, должно быть, играет на фортепиано. Мне так легко представить её маленькую фигуру за этим большим инструментом.

— Нет, — девушка засмеялась. На её правой щеке я заметил ямочку. — Прости. Чёрт. Это одна из моих плохих привычек из прошлого.

Я открыл ворота настежь. Каролин отпустила бутон ещё не до конца расцветшего цветка. На бледных тонких пальчиках я заметил кровь. Девушка поднесла пальцы ко рту и просто облизала их, как ни в чем не бывало.

По белой гравированной дорожке я пошел вперед. Я встал на крыльцо и заметил письмо, что лежало здесь. Странно, что оно лежит не в почтовом ящике. Развернув конверт тыльной стороной, я увидел знакомый почерк. Я почувствовал, как у меня кольнуло в груди, словно пчела укусила в сердце. Но, тем не менее, я не спешил раскрывать его, тем более в присутствии Каролин, так что просто скомкал его и спрятал в карман.

Крыльцо было немного присыпано уличной пылью. На скамейке у дома лежали садовые перчатки и лопатка. Это, видимо, мама оставила. Открыв двери дома, я остановился, чтобы пропустить Каролин вперед.

— Прошу, — я обратился к ней, но она всё ещё была занята рассматриванием всего вокруг. Никогда ещё не видел человека, что мог бы настолько восторгаться этим местом.

— Так, ты заходишь или останешься снаружи? — спросил я, повысив голос.

— Ой, прости, — девушка неловко улыбнулась, а затем всё же забежала внутрь.

Первым делом она разулась. Вот это называется воспитание. Обычно, я разрешаю своим гостям ходить по дому в обуви, порой даже сам так и делаю, но Каролин просто сняла свои кеды и аккуратно сложила их.

— Ты не мог бы принести мне мой чемодан. Мне нужно переодеться, — попросила девушка, когда я успел снять лишь только один свой ботинок. Я лишь тяжело вздохнул, но всё же понимал, что я действительно протупил, забыв о багаже.

Это не заняло много времени открыть машину, взять багаж, закрыть машину, а затем ещё и запереть за собой ворота. Когда я вернулся, то обнаружил уже и включенный свет на кухне. Я заметил фигуру Каролин, что стояла возле одного их снимков, что висели на стене.

— Кто эта девушка? — спросила она, не отрывая глаз от снимка. Фотографии действительно завораживающие, я всё ещё помню, как много они для меня значили когда-то, но теперь уже не значат ничего. Нужно будет их вовсе снять со стен и купить что-то новое.

— Это... Просто снимки. Я не знаю, кто это, — пробурчал я, ведь не хотел задевать эту тему.

— Снимки этой девушки висят по всему дому, ещё и обрамлены рамками. Мне кажется, это больше чем просто снимки, — Каролин подмигнула, лукаво улыбнувшись, — Это ведь твоя девушка?

Я поднял глаза вверх, где висело ещё одно чёрно-белое изображение. Тонкая девичья фигура, что прогибалась в спине, поднимая одну руку вверх, а вторую отставив в сторону. Её лицо выглядело таким расслабленным, словно удерживать эту позу не составляло ей даже труда. Ключицы выпирали из-под натянутой бледной кожи. Её тонкие губы, которыми она постоянно была недовольна, были немного приоткрыты, а глаза наоборот — закрыты. Даниель была для меня больше, нежели просто девушка. Я находил в ней смысл жизни когда-то.

— Что-то вроде того. Моя бывшая.

— Она красивая, — тихо произнесла Каролин. Я ничего ей не ответил, потому что знал это. За это я её и полюбил. За соответствие внешней красоты внутренней.

Больше Каролин не затрагивала эту тему, ведь мы договорились с ней о том, что не будем касаться темы личной жизни. Я рад, что она всё же не нарушает правила нашей столь маленькой и незначительной договоренности.

— На втором этаже две гостевые спальни, выбирай любую. Там же ты найдешь и ванну для гостей. Моя комната на первом этаже, это на всякий случай. Кухня, гостиная тоже здесь. Вроде, всё, — я выдавил из себя улыбку. Девушка слушала меня, но в то же время продолжала рассматривать фотографии на стенах. Её интерес было не унять. Мне это нравилось, но всё же я не хотел отвечать на вопросы, что вероятно уже возникли в её светлой (в прямом смысле этого слова) голове.

Когда девушка поднялась наверх, я поставил чайник. Мои ноги прикипели к полу. Я думал, что если я сбегу ото всего этого, то смогу спастись от давящего чувства боли. Я думал, что смогу позабыть о ней. Но забыл, как много было её в моей прежней жизни. Я явно переоценил свои силы.

За время, что я был с Каролин, я действительно позабыл о Даниель. Позабыл о том, что её снимки развешены по всему дому, что вся эта мебель была выбрана когда-то ею, что в этом месте мы были счастливыми вместе.

Свист чайника и тишина вокруг. Каролин даже не слышно на втором этаже, будто её здесь и нет. А может её и вовсе нет, и эта язвительная девушка всего лишь плод моего воображения?

Выключив чайник, я забыл об идее сделать себе крепкого чаю, и вместо этого поплелся в душ. Этот день был действительно трудным и мне стоит смыть его с себя, освободится от сегодняшних забот.

И вновь я не мог перестать думать о Даниель. Когда леденящий поток воды обволакивал моё тело, меня согревали воспоминания о том, как мы принимали душ вместе. Я помню, как она мило смущалась, закрывала волосами лицо, когда замечала, что я фотографирую её и какой забавной она была, когда мы делали что-либо вместе.

Когда я вышел, то обмотал нижнюю часть своего тела полотенцем. Присев на краешек ванны, в мою голову полезли теперь совсем другие мысли и воспоминания, которые охладили мою душу. Я купил кольцо и два билета в Амстердам. Придя домой вечером, я не мог дожидаться момента, когда сделаю ей предложение и услышу заветное «Да!», но вместе этого я застал Даниель в нашей общей спальне, собирающую вещи. После слов «Я тебе изменила, мне жаль», я больше ничего не слышал.

Это был худший день в моей жизни. В один момент, абсолютно вся моя жизнь разбилась на сотни маленьких осколков. Я перестал жить. Я просто думал о том, как бы мне выжить.

Полетел в Амстердам я один. Среди кучи алкоголя, легальных наркотиков и развратных девиц я пытался забыться. Две недели в абсолютном забытие, вдали от дома, от друзей, от неё. В последние разве что два дня, я просто остепенился, старался взять себя в руки и стать старым Дином, каким я был раньше.

Вернувшись на кухню, я всё же сделал себе чай с мелиссой. Это отчасти успокаивает. Он не был достаточно горячим, чтобы разжигать моё горло, но в нем всё ещё оставались остатки тепла, что мягко грели меня. Я всё ещё чувствовал в теле усталость. Мои глаза слипались, хотя в самолете я должен был бы выспаться.

Сделав несколько жадных глотков, я оставил кружку с охладевшей жидкостью. Я оставил кухню и пошел в свою комнату. Переодевшись в удобную домашнюю одежду — серые треники и чёрную облегающую футболку, я захватил свой ноутбук и хотел было вернуться на кухню, но внезапный телефонный звонок заставил меня немного изменить своё решение.

Взглянув на стеклянный экран, я тяжело вздохнул. Это был мой отец.

Прошло уже пять лет с момента, когда мои родители развелись. Мне было двадцать, так что мои чувства были не очень сильно задеты, когда я лишь узнал эту новость. Конечно, это было немного неожиданно после того, как они прожили вместе больше двадцати лет. Папа даже купил маме отдельный домик и дал ей достаточное количество денег, чтобы обеспечить её на некоторое время. Тем не менее, моя мать всё же была упрямой женщиной, поэтому на работу она так и не пошла. Таким образом, можно сказать, что отец перекинул её на мои плечи, ведь сейчас её обеспечением занимаюсь я, скидывая ей ежемесячно на карточку немалую сумму денег. Тем не менее, в последнее время она стала более уязвимой. Этот развод немного подкосил её и, кажется, это действительно задело её до глубины души. Порой мне кажется, что смотря на меня, она продолжает видеть во мне моего отца. Она по-прежнему его любит.

Сейчас мой отец женится на девушке, что вдвое младше него и является моей одногодкой. Его такая разница в возрасте, похоже, не смущает. Уже несколько недель подряд он звонит мне в попытке уговорить меня прийти на торжество, что случится уже через неделю. Подавленный своим собственным горем, я даже не сообщил отцу, что мы с Даниель расстались. Она точно должна быть на этой свадьбе, ведь её имя есть в списке приглашенных, как и всей её семьи. Я просто сказал ему, что не приду, так как не хочу задеть чувства матери и всё. В этом тоже была доля правды. Может, я вру самому себе, а может, так есть и на самом деле.

Я несколько секунд колебался, но всё же принял вызов, продолжив свой путь на кухню.

— Дин, это ты? — я услышал до этого незнакомый мне женский голос. Я мог лишь догадаться о том, кому он мог принадлежать. Ребекка, невеста моего отца и по совместительству моя будущая мачеха.

— Да, — ответил я, тяжело вздохнув. Что вообще за тупой вопрос? Конечно же, это я. Это не сложно догадаться, когда звонишь на мой мобильный.

Зашел на кухню, я сразу же поставил ноутбук на стол и нажал на запуск. Затем ожидая, когда он включится, я повернулся и смотрел в окно. Когда это уже закончится? Почему они просто не могут отстать от меня?

— Надеюсь, ты догадываешься, почему я звоню, — у неё уже был тон, как у мамочки. Единственной её проблемой было то, что я не был её сыном. Скорее я мог бы стать для неё братом. Я начал смотреть на своё отражение в окне. Как быстро за окном потемнело. День

прошел так быстро, что я и не заметил, как он начался и как теперь медленно приближался к концу. Ощущение, будто этот день просто прошелся по мне.

— Я, кажется, уже сказал отцу о своем решении. Думаю, моё присутствие не отыграет большой роли в этой всей процессии, — немного грубо ответил я. Внезапно в окне я увидел отражение фигуры девушки, что совсем тихо зашла на кухню. Каролин стала возле стола и переминалась с ноги на ногу. Я заметил на её лице некое замешательство. Видимо, ей не часто приходится останавливаться ночевать у парня. Я даже улыбнулся краешком губ, пропустив мимо ушей последние слова, что произнесла Ребекка.

— ... Для него это очень важно.

— Я ещё подумаю над этим, — немного растеряно произношу я, что даже не похоже на меня. После этих слов я отключаюсь и резко поворачиваюсь. Глаза девушки широко раскрыты от удивления, видимо, она не ожидала этого, поэтому испугалась. Но уже через несколько секунд её удивление сменилось улыбкой на лице.

Я окинул её взглядом. Её мокрые длинные волосы были распущены, и ткань, что лежала на её аккуратных плечах была намокшая. Рукава её кофты, на которой была нарисована героиня какого-то диснеевского мультфильма для девочек, были закатаны. Короткие зеленые шорты открывали её бледные ноги. На её лице не было ни капли косметики, и такой она нравилась мне ещё больше. Я мог заметить веснушки на её лице, они сверкали даже под светом люминесцентной лампочки.

— Прости, я могу воспользоваться твоим ноутбуком? У меня интернет закончился на телефоне, — девушка поднесла руку, и только сейчас я заметил у неё мобильный телефон. Она небрежно бросила его на стол, словно не боясь, что он разобьется.

— Да, конечно, — ответил я. Я быстро ввел пароль. Вспомнив о том, что это дата рождения Даниель, я сразу же подумал о том, что таки стоит сменить его.

— Он в твоём распоряжении, — я поворачиваю его к девушке и получаю в ответ благодарную улыбку.

— Тебе нравятся блондинки? — слышу насмешливый тон в её голосе. Она не смотрит на меня, а на монитор. Её тонкие пальцы висят над тачпадом, Каролин видимо ждет, когда прогрузится браузер. Только сейчас я вспоминаю о том, что на заставке у меня стоит фотография Даниель. Мы были в Греции позапрошлым летом, и я сфотографировал её на пляже вечером при розовом закате, когда она была в коктейльном платье, немного пьяная то ли от вина, то ли от любви, и это был такой чудесный момент, когда я просто запечатлел это. И пусть это фото не было самого высокого качества, но стоило мне на него посмотреть, как воспоминания вихрем пронеслись в моей голове, заставляя вспоминать эту ночь, едва ли не как самую лучшую в моей жизни.

— Только не милированных, — язвительно произнес я. Улыбка сползла с лица девушки. Она одарила меня взглядом полным ярости. На самом деле, там была лишь капля зла, но, тем не менее, мне показалось, что в этом взгляде было скоплено всё зло, что находилось внутри этой маленькой, хрупкой девушки.

— Будешь продолжать охоту за своим «парнем»? — спросил я, в тоже время, открывая холодильник. Да уж, стоило позвонить Линде и предупредить о своем приезде, чтобы она закупила продуктов.

— «Охота»? — я уловил нотку иронии в её голосе. — Я ведь не собираюсь его убить. По крайней мере, я так думаю.

— Но я бы на твоём месте таки убил, — я захлопнул холодильник и повернулся к ней.

Её лицо освещалось монитором ноутбука, её глаза бегали по строчкам, пока пальцы остановились на клавиатуре, не прикасаясь к ней. Её рот приоткрылся, когда она читала кое-что, что заметно заинтересовало её.

— Будешь пиццу? — я взял в руки телефон и хотел было набирать номер доставки пиццы. Это не весьма здоровая еда, но у меня сейчас даже нет настроения для того, чтобы заказывать изысканную еду из ресторана. Я так давно не ел вредной пищи. Наверное, ещё со времен, когда был всего лишь подростком, который идет наперекор известной фамилии и проводит время с друзьями, как обычный тинэйджер. Уже обучаясь в Оксфорде, я начал понемногу прогибаться под грузом своей фамилии, и нести этот крест мне казалось уже и не так сложно. Теперь, рядом с этой девушкой в нелепой пижаме и не расчёсанными мокрыми волосами, что спадают с плеч, я снова чувствую себя обычным.

— А? Что? — Каролин подняла глаза на меня. Прикрыв рот, она облизнула свои сухие губы.

— Ты будешь пиццу? — повторяю ещё раз и улыбаюсь. Есть в ней всё же что-то очаровательное, милое и по-детски наивное в очертаниях лица и нелепых движениях.

— Закажи, пожалуйста, китайскую еду. Если можно, — произнесла блондинка, а затем вновь потупила свои глаза в экран ноутбука.

Я набрал номер доставки китайской еды из ресторанчика, что находится в другом районе. Я был там ранее два раза с Даниель, когда мы исследовали места моей юности. Честно говоря, я почти был уверен, что это место уже давно закрылось, так как с санитарией у них было далеко не всё в порядке, но всё же каким-то чудом (скорее всего дело в чёрной магии) это местечко всё ещё существует. Сделав заказ, я вновь вернулся к Каролин.

— Через неделю у них будет какой-то закрытый концерт в Нью-Йорке, — несколько грустно произнесла девушка. Но уже спустя секунду в её глазах заиграли лихие чёртики. Лихой огонёк искрился из неё и обжигал меня.

— Только не говори, что...

— Закажи мне билет на автобус или на поезд. Я завтра же уеду! — она живо подскочила с места. Подхватив со стола мой телефон, она протянула его мне, чтобы я немедленно сделал это.

— Сейчас половина десятого. Думаю, кассы на вокзалах уже закрыты.

— Тогда завтра утром. Пораньше, чтобы я уже завтра могла выехать отсюда, — поток слов вырывался из её рта. Похоже, она действительно загорелась этой идеей. Хотя, честно говоря, я понадеялся на то, что Каролин оставит попытки найти своего парня. По её рассказу я понял суть, он и правда мудака. Я не знаю, чем он руководствовался, когда оставлял свою больную мать на свою же девушку, а затем ещё и не появился на похоронах первой. Он оставил её, а она тщетно пытается найти его. Порой девушки ведут себя так глупо, надеются на что-то, что уже наверняка не произойдет. Они ждут чего-то, что навряд ли произойдет. К сожалению, Каролин одна из таких же девушек, но всё же это мне каким-то образом это в ней нравится.

— Боюсь, что все кассы сейчас закрыты. Поэтому лучшим решением будет купить билет завтра утром, — сказал я. Девушка подняла на меня свои серые с голубой дымкой глаза и так преданно смотрела. Похоже, теперь все свои надежды она возлагала на меня. Каким-то образом этот груз на моих плечах показался мне необычайно легким.

Я лишь слегка кивнул.

— Ладно, — блондинка зевнула, при этом, даже не закрыв рот ладонью, что меня даже

рассмешило. — Позовешь меня, когда доставка приедет. Мне нужно кое-кому ещё позвонить, — она слабо улыбнулась, а затем пошла обратно наверх в свою комнату.

Подойдя к ноутбуку, я заметил, что все закладки были закрыты. Тем не менее, мной руководил интерес, и я зашел в «историю» браузера, надеясь на то, что Каролин не додумалась до того, чтобы очистить её. Всё же всё оказалось вполне предсказуемым. «История» была не очищена.

Первым в списке был какой-то фан-аккаунт. Открыв его, я заметил сразу же фотографию парней, что была обрамлена надписью с красивым шрифтом «Alice in the Hunterland». Впервые вообще слышу об этой группе. Может, они популярны среди подростков, потому что я немного олдскульный в плане музыки. Мне больше по душе «Нирвана» или «The Smiths» или же что-то в этом роде. Современная музыка просто не для моего сознания. Порой, когда включаю радио, то чувствую, как мой мозг медленно плавится под биты попсовой музыки.

Захожу в раздел «Участники». Здесь есть краткое описание каждого из них. Я нахожу Питера сразу же, потому что он первый в списке. Он всё ещё выглядит как подросток, хотя этому парню по идее уже должно быть уже около двадцати. По меркам девочек-подростков он был бы идеальным парнем (я могу об этом лишь догадываться, так как никогда не был девочкой-подростком). Веселый парень с очаровательной улыбкой, проколотой нижней губой и зачёсанными назад волосами. У него даже на щеках были ямочки. Это точно должно привлекать девушек. Одет он был точно как плохой мальчишка. На голове, почти что на лбу, была завязана бандана, чёрная майка висела на тощем теле, а чёрные джинсы плотно облегли худые ноги. Да уж, стиль у этого паренька, конечно, специфический. Читать о нем я не стал. Всё самое важное я уже узнал от Каролин. Этого мне было достаточно, чтобы сложить своё мнение о нем.

Ещё одна ссылка в истории ввела на Тумблер. Сначала я уже подумал о том, что Каролин и здесь искала информацию о Питере. На самом деле, это едва ли не лучший ресурс, где можно найти много чего. Не всё конечно, но даже я в подростковые годы часто сидел здесь. Но вместо очередного фан-аккаунта я вышел на страничку Каролин. Или не Каролин. Фото, что высветилось на профиле лишь смутно напоминало мне девушку, что я знал. У Каролин были светло русые волосы, которые хотя бы естественно выглядели, в отличие от окрашенных в белый цвет прядей сейчас. Она была в каком-то поле, выглядывала из-за красных тюльпанов, ярко улыбаясь. Затем я начал листать её стену и обнаружил большое количество подобных фото. Это были довольно-таки качественные обработанные фотографии. На каждой из них она выглядела так живо, что ли. Это сложно объяснить. Улыбка на её лице вовсе не выглядела вымученной или саркастичной, а действительно настоящей. Она выглядит счастливой, и именно это делает её прекрасной.

Фотографий было так много, словно кто-то устроил целую фотосессию для девушки, а то и не одну. В конце концов, не домотав даже и до конца, я замечаю под её профильной фотографией подразделения. Что-то вроде «вопрос/ответ», репосты, фото и блог. В первую очередь я решил почитать её блог. Интересно, она написала о Питере здесь? Последняя запись в блоге датируется «14.04.2010» и начинается так:

«Случилось кое-что ужасное. Я не знаю, как мне продолжать жить дальше, когда худшее, что лишь могло случиться, уже случилось!

Не буду медлить. Скажу сразу кое-что, что заставит каждого из вас нажать на кнопку отписаться в лучшем случае и в худшем случае — возненавидеть меня. Я убила человека...»

Каролин

Я проснулась от того, что назойливое солнце просачивалось через приоткрытые шторы и ослепляло меня. В эту же минуту я почувствовала боль в мышцах, что внезапно пронзила моё тело. Открыв глаза, я несколько минут просто смотрела в потолок, пытаюсь осознать всю серьёзность ситуации, в которую меня попутным ветром занесло. В голове пронеслись события, что случались со мной последние двадцать четыре часа — знакомство с Дином, потеря Питера и ночь в доме первого. Да уж, вчерашний день был весьма насыщенным.

Я потянулась в постели и вновь почувствовала боль. Моя нога, свисавшая с кровати, затекла, и я мысленно проклинала начало этого дня. Но, тем не менее, это была пока что единственная вещь, которой я была расстроена с утра. Кровать была такой мягкой, что мне показалось, что я буквально утонула в ней. Моё тело растворилось, и я не могла найти сил, чтобы поднять его.

На самом деле, я онемела, как только увидела не то что этот дом, а вообще весь этот район. Здесь всё кажется таким правильным, что вызывает у меня едва ли не тошноту. Идеально стриженные газоны, милостивые домики из красного кирпича, которые все как один. Проезжая по широкой улице, проложенной брусчаткой, я чувствовала, будто попала в параллельный мир, такой близкий к идеалу и далекий от реальности.

Ранее я могла лишь подозревать о денежном состоянии Дина, но проникнув в его среду обитания, теперь у меня не оставалось догадок. Теперь я была уверена в том, что Дин был состоятельным человеком. Или же его родители состоятельные люди. Сути это, впрочем, не меняет, ведь результат на лицо. Внутри дом оказался достаточно практичным. Если снаружи его обрамлял прекраснейший сад из роз (за которым наверняка ухаживал не Дин), то внутри я заметила прагматичный минимализм. Чёрно-белые фотографии были единственным обрамлением к серым стенам. Похоже, либо у самого Дина, либо у дизайнера была депрессия на момент ремонта. Фотографии, безусловно, прекрасные. Когда я узнала, что на них изображена бывшая девушка Дина, то это даже вызвало у меня некое изумление. Питер любил говорить мне о том, что я красивая, написал мне песню, но всё же я не замечала столько любви в его словах, сколько видела в этих простых фотографиях.

Кухня была полна встроенных в стену шкафчиков, за маленьким столиком могло поместиться не больше двоих людей. В гостиной стоит длинный белый диван. У моей мамы была бы истерика, если бы подобный стоял у нас дома и кто-то из нас (папа или я) разлил бы что-то на этот диван. Мне даже было страшно садиться на этот диван, когда Дин предложил поужинать при просмотре какого-то фильма с большого экрана плазмы. Вообще в этом доме мне даже страшно ходить по этому идеально отполированному полу, в котором я могу рассмотреть своё размытое отображение. Я привыкла к маленькому беспорядку, который находится в рамках моего маленького уютного домика, а здесь стены сами по себе отдают холодом.

Нахожу в себе силы подняться с кровати. Беру телефон, что лежит на маленьком прикроватном столике и замечаю, что уже... Одиннадцать часов дня! Какого чёрта? Не переодевшись и не приведя себя в человеческое состояние, я бегу вниз. На винтовой лестнице я едва ли не падаю вниз, но вовремя беру себя в руки и немного остепеняюсь.

Я нахожу Дина в гостиной. Он сидит расслаблено на диване и щелкает пультом в

поисках чего-то интересного.

— Ты заказал мне билеты на автобус? — спросила я. Он посмотрел на меня в недоумении, и лишь после этого я поняла, что я говорила по-нидерландски. После этого уже более спокойно я спросила то же самое, но уже по-английски.

— Нет, я придумал кое-что другое, — отвечает мне парень и моё лицо сразу же обретает дебильное выражение, что говорит само за себя «Притормози, парень, почему ты не сделал этого?». Но Дин выглядит расслабленным до такой степени, что меня это даже бесит. А это всего лишь утро.

— Ты можешь попытаться мне объяснить это, но я не обещаю, что ты получишь моё одобрение, — я продолжала стоять на месте, словно прикипела, сложив руки на груди.

— Я вспомнил о том, что мне тоже нужно в Нью-Йорк, поэтому мы просто можем поехать на моей машине, — продекламировал парень. И честно говоря, я была не мало удивлена такому заявлению. — Если только ты не против провести ещё несколько дней в моей компании? — добавил он.

Я не могу понять мотивацию действий Дина, потому что, как по мне, это нелогично. Может, он просто думает, что я могу легко попасть в неприятность, но последний раз, когда я попадала в неприятность было... Когда я встретила Дина. Так что я даже не знаю, к лучшему ли будет для меня и для него провести ещё несколько дней в компании друг друга. Мне очень просто и легко рядом с Дином, но я боюсь, как бы это не перерасло во что-то большее. Я не готова к отношениям. Или по крайней мере, убеждаю саму себя в этом. Сути это не меняет, отношения с парнем из другой страны, который совершает чертовски странные поступки, мне совсем не нужны.

— Я тебе уже и так должна по гроб жизни, — с легкой и немного растерянной улыбкой на лице ответила я. Действительно, я была Дину уже так много должна хотя бы за то внимание, что он мне уделил, не говоря уже о ночевке в его доме.

— Ну, на самом деле, подвезти тебя мне ничего не стоит. Мне в любом случае нужно в Нью-Йорк, а с тобой эта поездка будет веселее, — я заметила ухмылку на его безупречном лице. Все мои иллюзии о том, что Дин заигрывает со мной и что, возможно, я ему нравлюсь сразу же развеялись. Чёрт, ему ведь просто скучно! Как я сразу не могла догадаться?

— Ладно, только прошу тебя. Один час и мы выезжаем, ладно? Я должна успеть прибыть в Нью-Йорк в субботу, — сказала я и уже направлялась обратно в свою комнату.

Дин что-то крикнул мне в ответ, но я его уже не слышала, так как успела хлопнуть дверьми быстрее, чем его голос донесся до меня.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я быстро привела себя в порядок, приняв душ, почистив зубы и причесав непослушные пряди волос. Я закинула белую блузу куда подальше, достав из чемодана белую футболку, на которой был напечатан принт с Симпсонами. Совершенно нелепая вещь, но: во-первых, я не собиралась нравиться Дину, а во-вторых, это футболка такая удобная. Чёрным шортам я дала второй шанс, не взирая на то, что они по-прежнему поджимали мне в области живота. Надеюсь, что к концу этого путешествия я всё же похудею.

Когда я спускалась вниз, таща за собой чемодан, то снова заметила Дина на диване. Похоже, что он даже и не сдвигался с места.

— Дин! — крикнула я, чем сразу же привлекла его внимание. — Ты ведь уже собрал вещи?

— Я их и не разбирал, — сказал парень, тяжело вздохнув. Я, в принципе, сделала то же

самое. Разве что немного натворила бардак, перебрав несколько вещей, которые я затем небрежно забросила обратно в чемодан. Да уж, аккуратности мне стоило поучиться у Агнесс, но за время нашей дружбы я так и не научилась этого у неё.

Выключив телевизор, парень бросил пульт на диван, а затем поднялся с места. Он подошел ко мне, и я сразу же могла почувствовать запах его парфюма вперемешку с гелем для душа. От него так приятно пахло, что мне хотелось просто повиснуть у него на шее и вдыхать этот приятный пряный аромат. Когда Дин подошел ко мне немного ближе, мне даже стало немного стыдно за то, как отвратительно пахнет от меня. Я надушилась сладкими духами, что подарила мне на день рождение Агнесс. Они были не совсем в моем вкусе (я не большой любитель запаха жасмина и малины), но я привыкла наносить их лишь из-за солидарности к своей подруге. Или потому, что она всегда обижалась, когда я не душилась ними. Но это уже не так важно. Сейчас Агнесс не рядом со мной, но я всё же будто чувствую её присутствие рядом и, кажется, даже слышу её восторженный голос «Боже, какой же он красивый!». Или же это мой внутренний голос сводит меня с ума? А может, просто дело в Дине, запах которого буквально сводит меня с ума.

Он берет мой чемодан и идет к выходу, где сталкивается с какой-то женщиной.

— Боже мой, мистер Браун! Когда Вы приехали? Почему Вы не предупредили меня о своем приезде? Мисс Даниель с Вами? — тонкий женский голосок завопил так, словно сирена. Женщина, гораздо ниже ростом, чем Дин, пыталась выглянуть из-за него, чтобы посмотреть, кто же там с ним. Я немного растерялась, потому что, похоже, что на моем месте должна быть какая-то мисс Даниель. И вообще, кто эта женщина?

Я застыла на месте, будто мои ноги прикипели к полу.

— Линда, я уже уезжаю. И прошу тебя в этом доме больше не говорить о мисс Даниель, — прошипел парень, а затем, небрежно задев беднягу своим крепким плечом, прошел мимо неё.

Она тоже осталась стоять на месте, разглядывая меня.

— Здравствуйте, — я неловко улыбнулась. — Меня зовут Каролин, — я сделала шаг навстречу ей и сама не знаю зачем, но протянула ей ещё и руку.

Она легонько одними лишь пальцами сжала кончики моих пальцев, продолжая испуганно осматривать меня. Ничего не ответив мне, она быстрым шагом направилась на кухню. Закатив глаза и громко выдохнув, я последовала на улицу вслед за Дином. Солнце уже во всю палило, да так сильно, будто у кого-то наверху был особый план превратить всю человеческую расу в барбекю (или, по крайней мере, ту часть, что жила в этом городе). Он стоял возле машины, раскуривая сигарету.

— Всё в порядке? Кто эта женщина? — спросила я, не спрашивая уже о том, кто такая мисс Даниель, о которой он не хочет и слова слышать.

— Это моя экономка. Линда. У неё есть ключи от дома, она следит за ним, — ответил мне парень. Вымученная улыбка совершенно не украшала его лицо. Я поняла, что сейчас передо мной вновь предстала эта пока ещё не разгаданная личность Дина Брауна. И меня это совсем не радовало.

— Всё ведь в порядке, да? — спросила я, скорее у себя.

— Конечно. С чего ты вообще взяла, что что-то не в порядке? — он слабо улыбнулся, заглянув мне в глаза. Я почувствовала себя неловко от этого. Дин не просто смотрел мне в глаза, он будто заглядывал мне в самую душу, задавая немой вопрос. Словно искал в моих глазах правду, но я пока что даже не могла понять какую. Может, это всего лишь моё

предубеждение и ничего особенного в этом взгляде не было? Но у меня скрутило живот от пронзительности его голубых глаз.

— Мы можем ехать? — спросила я, отведя взгляд.

— Да. Скажу несколько слов Линде и поедем. Садись в машину пока что.

Я послушалась Дина и села на переднее сидение. В салоне было прохладно. Видимо парень заранее включил кондиционер, чтобы немного охладить воздух внутри. Неужели я так долго собиралась, что он успел собраться, ещё и проделать это? Закрыв двери, я умостила на мягком сидение, откинув голову назад.

Мои глаза были закрыты, мое сознание было безоблачным, и мне почему-то было очень спокойно. Но мой покой разрушился ровно в тот же момент, когда Дин громко закрыл двери, сев на своем месте. От него веяло неким напряжением, поэтому тишину, что внезапно образовалась между нами, я не решалась нарушать.

Мы выехали по той же дорожке, по которой мы ехали сюда. Дин включил радио, но музыка из приемника не заполнила пустоты, что внезапно образовалась между нами. Я не знала, что происходило, но, тем не менее, я и не спрашивала у парня об этом. Хотя, у него должен быть ответ.

Я смотрела в окно, за которым проносились сначала городские пейзажи с присущими ему одинаковыми домами, парками и множествами людей, которые куда-то спешили. Но вскоре этот пейзаж сменился противоположным ему. Сухая земля, что нуждалась в какой-либо пропитке. Бесконечные каньоны простилались перед моими глазами.

— Ты часто едешь на машине так далеко? — спросила я, не в силах больше молчать. Эта тишина давила на меня изнутри и мне больше было невтерпеж сдерживать в голове все вопросы, количество которых только росло в моей голове.

— На самом деле, нет. Но порой, когда хочу отдохнуть от всего, то делаю это, — он не отводил взгляда от дороги.

— И часто ты «отдыхаешь» таким образом? — я немного расслабилась, когда поняла, что разговор пошел. Я вышла с ним на контакт и лишь один этот факт меня уже радовал.

— В последнее время, да, — он тяжело вздохнул. — Расскажи мне о себе.

Я просто рассмеялась. Дин определенно застал меня врасплох. Обычно, когда меня просят рассказать о себе, у просто не хватает слов и в тот же час появляется ощущение, будто я сама себя не знаю. Хотя, кого я обманываю. Последний человек, который просил меня рассказать о себе, был Питер. После этого любой парень, который хотел со мной просто познакомиться, не мог узнать от меня даже имени.

— По-моему, ты знаешь обо мне даже больше, чем тебе следовало бы, — я улыбнулась.

— Я знаю причину, по которой ты здесь. Но я всё ещё не знаю тебя. Кроме того, конечно, что ты любишь чёртов растворимый кофе, — на его щеках заиграли ямочки. В этот раз он мельком скользнул по мне любопытным взглядом. — Начни хотя бы с того, с чего обычно начинается твоё утро.

И я начала. Я рассказала ему о том, как просыпаюсь в 7.40 утра, едва ли успеваю почистить зубы и одеться, как бегу на остановку, так и не успев позавтракать. Затем я забегаю в лавку и слышу очередное замечание Джелла о том, какая я несобранная, но, тем не менее, он не уволил меня до сих пор лишь потому, что у меня будто бы милое личико. На самом деле, претендентов на эту работу не так уж и много, если не сказать, что их вообще нет, потому что это самая скучная работа в мире. Затем я рассказала ему, как провожу весь свой обеденный перерыв в булочной. Хорошо, когда у Агнесс каникулы, и мы проводим

время вместе, но когда она уезжает, то для меня всё равно действует система скидок (стоцентная скидка на лучшие в городе булочки с корицей, неплохо я устроилась, правда?). А потом, как я снова возвращалась в лавку и коротаю там целые часы, не углубляясь в мысль, как я на самом деле хочу провести всю свою жизнь. А затем, по окончании рабочего дня я возвращаюсь домой пешком, потому что люблю просто прогуливаться по городу. Люблю проходить через мост, люблю заглядывать через окна пряничных домиков и, конечно же, я никогда не забывала заглянуть через витрину антикварного магазина, который так обожает моя мать.

Дин неоднократно цокал недовольно языком и мотал головой, словно осуждал меня. Хотя, действительно, право это у него было. Его жизнь была куда разнообразнее моей, так что неудивительно, что моя пришлась ему не по душе. Парень постоянно вставлял свои колкие шуточки в мой рассказ, посмеиваясь надо мной время от времени.

— Честно говоря, я с утра ещё ничего не ела, поэтому было бы неплохо, если мы где-то остановились бы, — предложила я, когда мне уже было самой стыдно за то, насколько никчемной была моя жизнь.

— Мы проехали Неваду и на подходе уже Юта. Я знаю отличный отель в Сент-Джордже. Там же есть и отличный ресторан.

— Мы проехали сотню придорожных кафешек, не остановившись ни разу. Я уверена, что мы по пути проедем ещё сотню. Так почему бы нам не остановиться и не поесть?

— Скажи мне, что ты шутишь сейчас, — взгляд Дина был таким прожигающим, что я даже задумалась над ответом. По-моему, ничего плохого я не предложила.

— Что-то не так с моим предложением перекусить? — я чувствовала себя тупицей, ведь действительно не могла понять, что с этим не так.

— Забудь, — он тяжело вздохнув, потерев уставшие глаза рукой. — Просто потерпи ещё немного и всё.

И снова я всё испортила. Правда, я не могла понять каким образом, но я всё же смогла это сделать. Атмосфера в салоне была довольно-таки напряженной, а от музыки уже болела голова. Я смотрела упорно в окно, не осмеливаясь посмотреть на Дина. Я не могла понять, что он чувствует или о чем хотя бы думает. Этот парень был для меня закрытой книгой. И страницы этой книги такие острые, что я просто резала пальцы, переворачивая тяжелые страницы.

Сумерки медленно опускались на землю. Я и не заметила, как внезапно Дин сбавил скорость, а вскоре и вовсе остановился. Я перестала считать города, через которые мы проехали, поэтому не могу точно сказать каким по счету был город Сент-Джордж.

Гостиница, возле которой мы остановились, выглядела поистине дорогой. Золотые огоньки освещали мощенную дорожку к массивным дверям, за которым уже стоял швейцар. Пока Дин расплачивался за парковку и доставал наши чемоданы из багажника, я просто застыла в изумлении. Большое многоэтажное здание, в окнах которого кое-где горел свет. Посаженные вдоль ели ровно стояли, словно несли службу. По обеим сторонам от дорожки виднелись посаженные цветы, что изображали какой-то рисунок, что в темноте я не могла хорошо разглядеть. Я сразу же мысленно подсчитала свой бюджет и предположила, что все мои карманные деньги уйдут на одну ночь в этом месте.

— Я подумала, что могу поспать и в машине, честно говоря. Для меня это не проблема, — я едва ли успела идти за парнем, один шаг которого был равен моему одному. Я лишь мельком могла видеть его лицо, с которого не исчезала та самая самоуверенная

улыбка, что часто украшает его.

— Если у тебя нет денег, то для меня это не проблема. Мне хватит, чтобы заплатить за двоих, — ответил он. Я даже и понять не успела, как быстро он попал в точку. Похоже, Дин не только ходит быстрее меня, а ещё и думает.

— Вопрос исчерпан? — парень остановился перед самой дверью, но, прежде чем зайти, обратился ко мне. Я лишь молча кивнула, когда его голубые глаза почти что просверлили во мне дыру. Только этот вопрос не исчерпал себя — что я буду должна тебе за это, Дин?

Перед нами успел пробежать молодой парень, что тащил на себе чемоданы. Я и не заметила, откуда он успел появиться, не говоря уже о том, откуда у него в руках уже был мой чемодан? Затем Дин пропустил меня, и, в конце концов, поздоровавшись со швейцаром, словно со старым другом, зашел следом.

Из маленького коридорчика мы сразу же вышли в огромный холл. Даже не просто огромный, а громадный! Один этот холл вмещал в себя два моих дома, или же даже три. Это было невероятно. Всё вокруг блестело и совсем на миг я почувствовала себя какой-то принцессой, что внезапно нагрязнула на бал. Но здесь не было музыки, танцев и прекрасных принцев. Хотя, Дин вполне сошел бы за последнее. Большая люстра висела, прозрачные камушки весело переливались на свете. Опустив глаза в пол, я поняла, что это был мрамор. Самый настоящий мрамор. Чёрт! Мне так и хотелось поскользнуть ногами по нём, но когда я словила на себе взгляд женщины в широкой чёрной шляпе и выразительно обведёнными красным контуром губами, я просто постеснялась сделать это.

Ранее я имела возможность быть на экскурсии в каких-то замках в Англии или же в Нидерландах, но это всё было изысканное старье. А сейчас находясь именно здесь, в этом месте, я сама невольно почувствовала себя частью этого места. Хотя, мне оно и не принадлежало.

Мы подошли к стойке регистрации. Похоже, что девушка с рецепции узнала Дина, это было ясно по милой улыбке на её лице и смущенному взгляду, которым она его оградаила. Но стоило ей взглянуть на меня, как сами черты её лица будто стали острее и жестче. Она смотрела на меня как на недоразумение, но козырь был в рукаве у меня — Дин стоял бок-о-бок со мной, когда она только и сидела за этой дурацкой стойкой. Честно говоря, я даже мысленно показала ей язык.

Дин оформлял нам два отдельных обычных номера (хотя, в этом месте могут быть обычные номера?), пока я продолжала рассматривать всё вокруг. Это место действительно поразило меня до глубины души. Я невольно подумала о том, что если в этом городке под названием Сент-Джордж есть такое место, что просто засело мне в душу, то какие гостиницы в Нью-Йорке или в том же Лос-Анджелесе, где я была ещё несколько часов назад. Что находится там, когда уже здесь у меня кружится голова от восторга?

— Ужин в номер, пожалуйста. Мне как обычно. Каролин? — услышав своё имя, я будто опустилась с небес на землю.

— А? — переспросила я. Мне кажется, в этот момент я ещё больше взбесила девушку. У неё в голове, наверняка, пронеслась мысль вроде «Как он мог выбрать эту дурочку?».

— Ужин. В номер. Что ты будешь? — спросил он так, будто я знаю, что вообще есть в меню ресторана этого отеля.

— Эмм... Я буду тоже, что и ты, — я поджала губы, мне как-то стало неловко от этого.

— Хорошо, — ответила девушка, продолжая стучать тонкими пальцами по клавиатуре планшета.

Затем Дин протянул ей свою кредитку. Я хотела бы взглянуть сколько ему пришлось потратить на меня, но, к сожалению, мне не удалось этого сделать. Заметив моё беспокойство, Дин просто приблизился ко мне ближе и тихо прошептал на ухо, прожигая своим горячим дыханием мне кожу:

— Ты не должна заботиться об этом.

Я выдавила из себя слабую улыбку, но это по-прежнему меня беспокоило. Интересно, его бывшая девушка тоже сидела на его шее? Если да, то я её осуждаю. И себя сейчас я осуждаю. Мне срочно нужно узнать, сколько денег потратил на меня парень, и перечислить ему эти деньги по возвращению домой. Что бы он не говорил, но я намереваюсь сделать это.

Пока мы всё оформили, парень с чемоданами испарился прямо перед глазами. Я заметила, как сначала он стоял за нашими спинами, а теперь его просто не было. Чёрт, он как Флэш, только без специального костюма!

Мы зашли в пустой лифт и медленно начали подниматься наверх. Мы пропускали этаж за этажом, пока не остановились на третьем.

— Можно вопрос?

— Только если не глупый, — Дин усмехнулся, хотя меня это немного задело.

— Мы с тобой живем в разных комнатах? — спросила я, ведь пропустила ту часть, когда он оформлял документы и регистрировал комнаты.

— Я же просил. — Пауза. — Чёрт, ты не шутишь? Ты же стояла возле меня! — снова пауза. — Конечно же, отдельно!

Я с облегчением вздохнула. Когда мы подошли к нашим комнатам, Дин протянул мне мою карту-ключ.

— А почему ты заказал еду в номер? — спросила я, стоя уже напротив своей двери, но всё же не спеша её открывать.

— Потому что я устал. И мне ещё надо кое-над чем подумать и кое-что решить, — честно ответил парень. Мне даже понравился этот его спокойный уравновешенный тон, без этих тупых шуточек. Мне нравился уставший Дин, как бы это странно не звучало. Его слабая умиротворенная улыбка на лице, уставшие глаза, которые слипаются от усталости и голос, который звучит ниже обычного.

— Спокойной ночи, — произнесла я, прежде чем открыть свои двери.

— Спокойной ночи, — повторил Дин, и мне действительно стало как-то спокойно и хорошо от этого.

В номере мне очень быстро поднадоело сидеть. Бежевые стены вовсе не успокаивали, а наоборот лишь раздражали мою неусидчивую натуру. Я лениво лежала на мягкой кровати, опустив голову вниз, и щелкала каналы (кажется, уже по третьему кругу). Ужин был довольно-таки сытным, поэтому я чувствовала, будто мой желудок ещё немного и просто лопнет от всего того, что я в него напихала. Запеченный кролик под подушкой из овощей и с булочками оказался моим пределом. Наверное, если я и дальше буду соглашаться заказывать то же самое, что и Дин, то я точно не сброшу ни единого лишнего килограмма, и я не натяну эти чёртовы шорты даже и до коленей. С этим определено нужно что-то делать. Но с другой стороны, этот кролик был таким аппетитным...

Я всё же не выдерживаю и выключаю висящую на стене плазму. Затем подхожу к стене, за которой по идее должна находиться комната Дина. Беру стакан и пытаюсь подслушать что-либо, но не слышу и звука. Может, он уже вовсе спит? Я, похоже, усну не скоро. Бессонница бывает у меня крайне редко, но даже в эти самые редкие моменты я немало от неё страдаю.

Накинув на плечи джинсовую куртку и в пижаме без капли стеснения, я решила спуститься вниз к бару, чтобы выпить чашечку чая. Может, Дин прав, и настоящий чай тоже может быть вкусным? Наверное, теперь моя совесть просто не позволит мне пить чай в пакетиках, ведь при одном упоминании об этом я невольно вспоминаю удивленное лицо парня, и от этого мне хочется смеяться.

Я спускаюсь вниз. Отель ещё не спит. Люди шастают туда-сюда, даже не обращая на меня внимания. Хотя, девушка в пижаме, кедах и накинутой сверху курткой непременно обратила бы к себе внимание где-нибудь на улицах красочного Амстердама. Даже там на такое обращают внимание, особенно когда едва ли не на каждом углу есть вероятность встретить знакомого, который увидев тебя, наверняка, расскажет всем о твоём «нестандартном решении».

Оказавшись на первом этаже, я растерялась. Здесь не было никаких указателей или чего-то вроде этого, что могло бы мне помочь в поисках бара. Поэтому лучшего варианта, чем спросить об этом у девушки с рецепции, у меня не возникло.

Когда я подошла к стойке регистрации, то она сначала не обратила на меня внимания (что меня, в принципе, не удивило), лишь когда я прокашлялась, то она медленно повернула ко мне голову и сразу же вскинула бровями, будто спрашивала «Чего тебе ещё?».

Клянусь, когда я сказала ей, что я не знаю, где находится бар, то у неё в голове, наверняка, пробежала мысль о том, что я ещё и алкоголичка какая-то. Потому что, во-первых, со мной не было Дина, что означало, что он даже и не догадывается о моих ночных похождениях. А во-вторых, мой внешний вид был точно не впечатляющим. Девушка лукаво улыбнулась, пропустив сквозь зубы едва ли уловимое злостное шипение, а затем так объяснила мне вкратце, куда нужно идти.

— Спасибо, — прошептала я, хотя так и не поняла, куда мне всё же стоит идти. В конце концов, я всё же заметила маленькое направление, что указывало в сторону ресторана. Может, там есть и бар. В принципе, это ведь логично, не так ли?

Теперь, если кто-то имеет что-то против женской логики, то должна сказать, что вы чертовски неправы! Я послушалась своей логики и всё же была права, бар находится в

ресторане! Я даже с облегчением вздохнула, когда увидела барную стойку с высокими стульями, за которой даже никого не было. В зале было несколько людей, что наслаждались своим поздним ужином. Я даже заметила ту самую даму в широкой шляпе, и мне вновь стало немного неловко, стоило мне только взглянуть на неё.

Я подошла к барной стойке и опустилась на высоком стуле. Роста мне не убавлять, поэтому я кончиками пальцев всё же доставала к полу. Бармен говорил по телефону, но заприметив на горизонте меня, сразу же сбросил вызов. Надеюсь, он не начнет флиртовать со мной. Чувствую, как попахивает завышенной самооценкой, но, на самом деле, я просто уже привыкла отшивать всех парней, даже тех, которые и не намерены знакомиться со мной, а всего лишь вежливы и уступчивы.

— Чашечку чая. С мелиссой, — сказала я несколько робко, будто заказывала бутылку водки с перцем.

Бармен молча кивнул, и я просто была благодарна ему за это.

— Чай? Ещё и с мелиссой? Кажется, я плохо на тебя влияю, — Дин появляется будто из ниоткуда и садится напротив меня.

— Да, всего лишь на один вечер я решила почувствовать, каково это быть самым занудным молодым человеком в мире. Подумала, что начну с чашки чая, — я улыбнулась.

— На что это ты намекаешь? — парень надул обиженно губы и толкнул меня легко по плечу. Мы оба взорвались от смеха спустя уже секунду.

— Я думала, что у тебя ещё есть дела, — успокоившись, сказала я. Бармен поставил перед нами две чашки чая, видимо решив, что так и должно быть. Дин подвинул к себе свою чашку и обхватил её большими ладонями, когда мне уже совсем не хотелось чая.

— Да, так и есть. Я их уже уладил, — он сделал глоток, а затем выпустил изо рта теплый пар. Лишь после этого мне почему-то и самой захотелось сделать так. Подвинув к себе чашку, я сразу же обожгла пальцы.

— Видишь, быть самым занудным молодым человеком не так уж и легко, — он усмехнулся. Его уставшие глаза заблестели.

— Ты выглядишь уставшим. Думаю, тебе стоит вернуться и лечь спать. Завтра будет сложный день, — отметила я.

— Я не настолько занудный, как ты думаешь. К тому же сейчас только... — Дин взглянул на наручные часы, — Одиннадцать часов.

— Да уж, совсем ещё детское время...

— Может, прогуляемся? — перебил меня Дин. Я едва ли не поперхнулась кипятком, что обжег случайно мои сухие губы. Теперь стоп! Я в пижаме, поверх которой накинута джинсовая куртка, кеды, нерасчесанные волосы и к тому же ни грамма косметики нет на моем лице. Очевидно, что мой ответ...

— Да, конечно.

Оставив невкусный чай, мы вышли на улицу. Холодный ветер сразу же принял меня в свои объятия. Я сразу же попятилась, натянув рукава куртки.

— Это случайно не та пижама, в которой я видел тебя вчера? — Дин оттянул меня за рукав, предотвратив моё столкновение с велосипедистом, что проезжал как раз по обочине улицы.

— Да, та самая, — почувствовав, как наши плечи соприкоснулись, я сразу же отпрянула от парня. Надеюсь, он не подумал ничего дурного, но просто я не хочу... Я не хочу, чтобы каждое движение и слово имели смысл для меня. Если, конечно же, этого ещё не случилось.

— Так ты действительно считаешь меня занудным? — мы идем по улице, освещенной фонарями. Совсем скоро проходим мимо отеля, и мне почему-то становится легче. Хотя, ещё час назад я просто не хотела уходить оттуда. Видимо, эта девушка с рецепции и женщина в шляпе всё же как-то подействовали на меня. Может, они и сглазили меня? Кто знает?

— Честно? Да, — выпалила я, задрав голову вверх. Затем, конечно же, не могло обойтись без того, чтобы я не зацепилась за что-то. Но Дин вовремя схватил меня локоть, потянув на себя. Теперь я была ещё ближе к нему. И всего лишь на секунду. Даже меньше — долю секунды. Я почувствовала. Я не знаю, что это было, но это странное чувство бейсбольной битой ударило по моему сердцу.

— Прости, — неловко произнесла я, немного отступив. Обычно, я не была такой рассеянной. Просто не знаю, что на меня нашло.

— Мне жаль, что ты так думаешь, — продолжил тему парень. — Но ты, пока что, не кажешься мне смелее.

— Что?! — сразу же вскрикнула я. Вся моя расторопность и неуверенность куда-то улетучились. Это он мне сейчас вызов бросил? Серьезно?

— Тогда докажи мне это! Давай, сделай что-то сумасшедшее, чтобы я смог тебе поверить.

Мне кажется, что он делает это нарочно, думая, что я таки ни на что не способна. Раньше мне конечно доводилось совершать плохие поступки, из-за одного из которых я едва ли не попала за решетку. К счастью, всё обошлось. Лишь чувство вины всё же сопровождает меня. Хотя, наверное, в моей жизни и без того очень много вещей, из-за которых я сожалею.

Одним летом, которое я должна была провести у своей бабушки в Англии, ко мне пришло осознание того, что обычные посиделки с пожилыми леди и «светские» беседы за чашечкой чая с молоком меня больше не впечатляют. Я выросла, но ни родители, ни бабушка этого не поняли. После одной из наших ссор с бабушкой, что касались моего «взросления», я просто сбежала с дома. Это было всего лишь утро, но моё настроение уже было хорошенько подпорчено. Я бродила по маленькому городку, в поисках чего-то. Так и не решив для себя, что именно я искала, я неосознанно нашла себе новых друзей. Близняшки Поппи и Молли, буквально, перевернули мой мир с ног на голову.

Я и сама не поняла, как была втянута во всю эту компанию, состоящую из самых крутых ребят города. Честно говоря, я даже и не знала о их существовании, пока не познакомилась с ними. Среди них я и встретила свою первую любовь. Человек, что сподвиг меня на самые ужасные поступки, которые мне лишь доводилось совершать в своей жизни, только бы завоевать его внимание. Я всё ещё ненавижу себя за такую оплошность. Сражаясь за внимания парня, для которого я ничего не значила, я много чего потеряла. К числу этих потерь я могу зачислить и одного родного человека, что так отчаянно пытался спасти меня.

Дин пробудил во мне не только неприятные воспоминания, но и некий азарт. Делать что-то плохое, на самом деле, разжигает большой огонь, что приятно обжигает тело изнутри.

Усмехнувшись, я всё же решила стать совсем на миг на сторону зла и сделать кое-что сумасшедшее. Заметив издалека, возле какого-то тематического рокерского клуба, целую стоянку с мотоциклами, я загорелась. Я вырвалась вперед от Дина и начала ходить вокруг, выискивая хотя бы один из мотоциклов, где могли забыть ключ. Обычно байкеры уверены, что один лишь их вид отпугивает, поэтому не особо беспокоятся о своих «железных конях», оставляя их на улице. Это план был стар, как мир, но почему-то мне показалось, что Дину ещё не доводилось воровать чей-то мотоцикл (или вообще что-либо воровать).

— Чтобы ты не хотела сейчас делать, я не думаю, что это хорошая идея, — я уловила волнение в голосе парня. Это лишь поджигало во мне пыл.

— Есть! — тихо вскрикнула я, когда увидела, как заблестел ключ в коробке зажигания. После этого приключения, Дин точно не посмеет даже и думать о том, что я скучная. Мы немного покатаемся, а затем вернемся мотоцикл на место. Уверена, никто ничего даже и не заметит.

— Знаешь, я думаю, это не лучшая идея, — он неуверенно делает шаг назад, словно маленький напуганный мальчик. Я же, напротив, уверена как никогда. Я мигом оказываюсь верхом на «железном коне» и поворачиваю ключ.

— Давай же, — говорю я. — Только не говори, что никогда не катался на мотоцикле.

— Не поверишь, но на украденном как-то не приходилось, — хмыкает парень. Мотор ревет, и этот звук разрезает воздух. Меня уже начинает раздражать поведение Дина. Почему он против такого маленького ночного приключения? Мы же не делаем ничего плохого. В конце концов, я никого не убила.

— Быстрее, Дин, — уже едва ли не умоляла его я. Чёрт, разве не должно всё быть наоборот? Похоже, не с этим парнем.

— Ладно, только у меня одно условие. Я спереди, — говорит он. Я закатываю глаза (уже который раз за один день), но всё же подвигаюсь. Дин аккуратно садится спереди. Он проводит ладонью по сцеплению. Похоже, что Дин снова утонул в каких-то своих воспоминаниях, но времени на это у нас категорически нет.

— Какого чёрта?! — на улицу выскакивает какой-то рокер прямо из клуба, а за ним я наблюдаю немалое количество и его друзей. Я сразу же прижимаюсь ближе к Дину и просто на автомате обнимаю его за тело. Закрываю глаза и прижимаюсь лицом к его спине. Дин же в это время не теряет (что всё же странно), он нажимает на газ. Мы подпрыгиваем сначала на месте, но уже спустя несколько секунд я чувствую ветер в своих волосах.

Запах парфюма парня заполняет мои легкие, и хотя он имеет несколько терпкий привкус, но я чувствую, как даже моя кожа покрывается цветами. Он такой притягательный. Я вдыхаю его аромат, и мне хочется быть в таком положении дальше, но всё же я заставляю себя открыть глаза. И об этом я тоже не жалею. В лицо бьет ветер. Я чувствую свободу. Долгое время это ощущение притупилось во мне или может просто до этого самого момента я не была подвластна сама себе, но теперь... Я чувствую это.

Я слышу смех Дина. Мне кажется, он чувствует тоже самое. Я тоже улыбаюсь. А что мне ещё остается делать? Я хочу зафиксировать этот момент. Хочу запомнить его на всю жизнь. Не хочу забывать этого. Можно я сотру все свои воспоминания и оставлю лишь это?

Огни города проносятся мимо меня. Дин ловко обгоняет машины. Резкие повороты удаются ему удачно. Кажется, увлеклась не только я. Не знаю, куда мы едем, но не хочу, чтобы эта поездка заканчивалась.

Мы останавливаемся на светофоре, и я перевожу дыхание.

— Не ожидала? — гордо говорит Дин. Мой подбородок лежит у него на плече. Наши губы в миллиметре друг от друга, и я лишь облизываю губы, мысленно отворачивая себя от того, чтобы не совершить ошибку.

Но Дин делает это первым. Его губы совсем легко касаются моих. Я прикрываю глаза и падаю в nirvanу. Кровь бурлит в моих жилах, мои щеки горят толи от стеснения, толи от стыда. Мы не заходим дальше, так как вой полицейской сирены и механический голос прерывает нас. Я не слышу ничего, меня будто оглушило, но в глазах Дина снова блеснул

страх.

— Чёрт, — только и прошептал он. И лишь после этого я поняла, что дела наши действительно плохи.

И только светофор снова показывает зеленый цвет, мы вырываемся вперед.

— Прижмись крепче, — говорит Дин, и я делаю то, что он велит.

Чувство вины приходит раньше, чем я могла бы ожидать (если такого вообще ждут). Это ведь была моя затея украсть мотоцикл. В Англии в маленьком городке это было проще, ведь там все друг друга знают. Я ukrала мотоцикл у одного старика, но вернула уже через час, даже с наполненным баком (настолько меня мучила совесть). В Амстердаме с этим тоже не было проблем. В некоторых районах Амстердама полиция даже не патрулирует улицы. Но какого чёрта я решила сделать это в Америке? Почему мой азарт был сильнее здравого рассудка?

— Поворачивай! — вскрикиваю я прямо над ухом у парня, когда мне кажется, что мы хоть немного отстали от патруля.

Я не знаю, зачем я сказала Дину повернуть. Наверное, просто при первом же повороте я подумала нам удастся увернуться, исчезнуть из поля зрения, но в итоге мы попали в тупик.

Дин резко тормозит, и мы сразу же падаем на землю. Я отпустила Дина, поэтому вышло, что я упала на правый бок, а он на левый.

— И что делать дальше? — спрашивает язвительно парень, когда помогает мне подняться. Я поднимаюсь, отряхивая свою куртку. Асфальт такой холодный и грязный. Я и не заметила, что сказка закончилась, едва ли начавшись.

Перед нами был забор. Он был высоким, но всё же перелезть его было реально. За этим забором мы могли бы спрятаться. Главное успеть.

— Ну, и чего ты молчишь? Давай, иницируй идеи. Ты же в этом мастер, — Дин потрепал свои волосы. Он выглядел напряженным, поэтому я решила, что если я произнесу ещё хотя бы слово, то разозлю его ещё больше. Поэтому я просто молча подошла к забору и начала забираться на него. К счастью, навыки лазанья у меня были неплохие. Ещё в детстве, играя с друзьями в прятки, я очень часто пряталась на деревьях. Я всегда выигрывала, потому что никто не мог найти меня за кронами деревьев, что пестрели зеленой листвой.

— Может, поможешь? — я повернулась к нему. Дин тяжело вздохнул, но всё же подошел ко мне и подсадил. Моя кожа покрылась мурашками, когда я почувствовала его руки на своей коже. Это было так странно, ведь я так часто отвергала парней, а теперь я просто хочу Дина и никак не в силах это желание перебороть.

Как только я перелезла и мои ступни коснулись холодной земли, то я приготовилась к тому, что Дин сделает тоже самое. Но красно-синие огни ослепили меня прежде, чем я успела что-либо произнести. Я сразу же спряталась за стенкой, оставив парня там одного.

Я сразу же начала подслушивать короткий диалог Дина и полицейского. Между этим я смогла уловить там и третий голос, что принадлежал, скорее всего, байкеру, у которого мы украли мотоцикл.

Я громко ударила себя ладонью по лбу. Но кроме меня, похоже, больше никто этого не слышит.

— С тобой ведь была ещё девушка, — говорит рокер, и вместе с его словами я затаиваю дыхание. Я боюсь за себя, боюсь за Дина. Вся эта ситуация, в которую я втянула нас обоих, просто выбила из колеи меня. Зачем я снова сделала это? Я ведь знала, что это может закончиться не так уж и хорошо. Всё как раньше.

— Я был один. Вам показалось, — говорит Дин, но легче мне от его слов не становится. Наоборот, я чувствую так остро вину, что мне становится тошно от самой себя.

Я слышу, как его уводят и мне становится так страшно. Я совершенно не знаю этого города. Я не знаю, где я и где находится гостиница, где я забыла свой паспорт. Я не знаю, куда уводят Дина, без которого я просто не знаю, что мне дальше делать.

Свет больше не мелькает. Сирена умолкла. Его увезли. Я спустилась вниз по стене и обняла худыми руками колени. Сейчас меня меньше всего волнует заболею ли я, холодно мне или нет. Это не важно. Важно то, как мне спасти Дина? У меня, наверняка, даже не хватит денег, чтобы внести за него залог. А ещё мне сначала нужно бы найти гостиницу, ведь мои деньги находятся в номере. Кто мог знать, что обычная ночная прогулка может превратиться в настоящий ужас?

— Псс... Я знаю, что ты здесь, — чей-то голос сразу же спугнул меня. Я впечаталась в стенку, резко поднявшись на ноги. Голос исходил с той стороны забора, где буквально пару секунд назад был серьезный разговор.

— Тебе лучше показаться мне, если хочешь спасти своего парня, — этот парень знает, как убеждать.

Я делаю неуверенный шаг вперед и становлюсь перед ним. Тот самый рокер ехидно улыбается, когда видит меня. Я чувствую к нему некое отвращение. Или же это меня тошнит от самой себя?

— Он не мой парень, но я тебя слушаю, — стараюсь звучать как можно серьезнее. Тем более, мне нечего его бояться. Между нами забор. Его лицо, тускло освещенное фонарями, но, тем не менее, мне оно отвратительно.

— Ты немало подвела парня, не считаешь ли так? — поучительным голосом говорит он. Если секунду назад мне казалось, что сейчас он предложит мне какую-то пошлость, то теперь я просто недоумеваю, чего ему от меня нужно.

— Да, во всем моя вина. Он заступился за меня... Он не виноват, правда... — говорю я, пытаюсь оправдаться. В действительности, я и сама себе не верю. Все эти оправдания такие глупые. Когда Агнесс начинает оправдываться передо мной мне хочется её ударить. Сейчас мне хочется ударить саму себя.

Я прячу взгляд. Мне тяжело смотреть ему прямо в глаза.

— Ладно, что я должна сделать? — это звучит мерзко, но вина лежит на моих плечах. И я постараюсь вытащить Дина из полицейского участка любыми методами.

— Переходи на эту сторону и следуй за мной, — он улыбается и мне от этого становится не по себе. Я сглатываю ком, что образовался у меня в горле и быстрым шагом иду в обход.

Три часа ночи. Я нахожусь в полицейском участке в совершенно другой стране. Копы снуют туда-сюда, словно днем. Кажется, здесь никто никогда не спит. В воздухе витает запах кофе и только это и держит меня всё ещё на ногах.

Сложив руки, я опиралась о холодную стену и дожидалась Дина. Слева в боку у меня боль разжигала кожу. Я ожидала любого предложения, но то, что этот рокер предложил мне взамен на освобождение Дина, просто повергло меня в шок. В конце концов, я всё же согласилась. Нет времени на сожаления.

Я замечаю Дина, которого приводит офицер полиции. Он выглядит таким усталым и злым. Парень потирает запястья. Вероятно, его руки были в наручниках. Я уже краснею от стыда, когда он ещё даже и не замечает меня.

Проходя мимо меня, его взгляд задерживается едва ли на несколько секунд. Он прожигает во мне дыру, и я чувствую, как в боку жжет ещё сильнее. Дин прошел мимо меня, словно мы были незнакомыми вовсе, и это меня даже возмутило. Я осознаю свою вину в случившемся, но всё же считаю такое поведение не оправданным.

Я выбежала следом за парнем.

— Дин! — я кинулась вдогонку за ним. У Дина довольно широкий шаг, особенно, когда он спешит. — Между прочем, это я тебя отсюда освободила.

— Да, но позволь мне напомнить тебе, что из-за тебя я и оказался здесь, — он не остановился, а, кажется, лишь ускорил темп.

Всю дорогу я пыталась оправдаться (стоит завязывать с этим). И не взирая на то, что мои оправдания были не весьма убедительными, я надеялась на то, что Дин поймет меня и простит. Ведь теперь всё в порядке!

— Всё ведь обошлось! — крикнула напоследок я, когда мы уже даже дошли до нашего этажа, и дверь парня хлопнула у меня прямо перед носом.

Боль в боку не прекращалась. Но вместе с этим у меня появилось чувство вины, от которого у меня сосало под ложечкой. Наше путешествие только началось, а я уже сумела испортить свои отношения с человеком, от которого напрямую завишу. Что если Дин уедет отсюда, не сказав мне об этом? Что если он оставит меня здесь? Что мне делать дальше?

Я вошла в свою комнату (или скорее заползла), даже не включив свет. Я снимаю куртку, а затем и футболку. Включаю торшер и подхожу к зеркалу. Этот придурок сказал, что заберет заявление только, если я соглашусь, чтобы он сделал мне тату. Что за специфические вкусы? Мне не дали взглянуть на тату. Надеюсь, что это не его имя или номер телефона. Иначе, я слышала, что удаление татуировки делается ещё больнее, нежели само тату. К этому, я боюсь, ещё не готова. Я едва ли выдержала эту процедуру.

Я поворачиваюсь боком. Снимаю аккуратно большой пластырь, в надежде на то, что мне всё же удастся не содрать вместе с ним кожу. Немалый участок моей кожи горит красным, хотя сама татуировка небольшая. Уже этот незначительный факт меня уже радует. Я поворачиваюсь и уже в зеркале пытаюсь прочитать то, что написал на мне этот придурок.

«Прости меня, Дин, я — дура». Честно говоря, когда он начал расспрашивать меня больше о Дине, я думала это для того, чтобы отвлечь меня от боли, которая тогда пронзала всё моё тело. Но этот фрик просто изуродовал моё тело! Ещё одна неделя и я не увижу Дина никогда, но, видимо, воспоминания о нём умрут вместе со мной. Зато как поднимется

самолюбие парня, когда он увидит это (хотя оно, кажется, и так уже касается потолка). Но Дин не должен это видеть. Никогда. Похоже, мне уже стоит придумывать какую-то глупую ложь для своего будущего парня.

Я тяжело вздыхаю. Это был сложный день. Очень долгий день. Полон приключений день. Теперь мне нужно спать и готовиться к следующему дню, который не обещает быть легче.

***

Звук будильника отбил в моем подсознании. И хотя я поставила на звонок свою любимую песню, но это всё равно никак не способствовало моему пробуждению. В попытке дотянуться к телефону, что лежал на прикроватной тумбочке я просто упала. Утро добрым не бывает. Но, тем не менее, моё падение послужило неплохой разрядкой с самого утра. Едва ли открыв глаза, я таки дотянулась рукой к тумбочке и взяла в руки телефон. Носом я продолжала вдыхать пыль из коврика, ведь моё лицо всё ещё было впечатано в пол. Заметив на часах всего лишь семь часов, я тяжело вздохнула.

Вчера до всего этого недопонимания между всеми нами, мы с Дином договорились, чтобы проснуться в половину восьмого. Я поставила будильник на полчаса раньше, чтобы успеть собраться. Не то, чтобы это занимает у меня долго времени, но просто учитывая мою способность быстро просыпаться, я выделила для себя запас времени.

Поднявшись с пола, я сразу же прищурила глаза, так как солнце ослепляло меня. Именно поэтому я люблю зиму, когда в это время ещё темно. А ещё зимой Рождество... Подарки... Но сейчас не об этом. В июле думать о зиме не весьма правильно, тем более обнадеживать себя тоже не стоит. До зимы ещё далеко.

Почесав затылок, я нашла у себя в волосах маленькое перышко, что, видимо, выбилось из подушки. Аккуратно взяв его, я вышла на балкон. Положив на ладонь, я ждала пока ветер унесет его с собой. Когда это всё же случилось, я по-детски засмеялась, словно это имело для меня значение.

Облокотившись о перила, я наблюдала за жизнью, что пока что только просыпалась, как и я, на улицах этого города. Легкий холодок коснулся меня, заставив меня попятиться. Хотя, солнце по-прежнему светило ярко, но пока что не жарило, а лишь показывалось из-за пролетающих мимо облаков. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. За ночь мой разум очистился от назойливых мыслей, и теперь я начинаю этот день с того, что просто виню себя за то, что наделала.

Улавливаю едкий запах сигаретного дыма и резко открываю глаза. Справа от меня стоит Дин и курит, выпуская в воздух кольца дыма. Он выглядит задумчивым, впрочем, таким я вижу его зачастую. Мне больше нравится, когда Дин выглядит беззаботным, таким, словно его ничего не беспокоит. Таким, каким вчера всего на несколько секунд увидела его я. Когда я поцеловала его, а затем... Это чувство быстро исчезло.

— Эй! Привет! — ненавязчиво подхожу к нему ближе. Между нами всего-то одна перегородка, через которую я без труда могу перелезть, только стоит ли мне это делать?

Дин молчит. Он продолжает упрямо смотреть прямо, словно вовсе и не замечает меня. Как же это глупо с его стороны.

— Дин, ты же знаешь, что я сделала это не нарочно, — опять начинаю оправдываться. Жаль, что в такие моменты нет другой меня, которая била бы меня по рту каждый раз, когда начинается это безумие. — Дин, прости меня. Я просто поддалась импульсам...

— Через полчаса встретимся внизу за завтраком, — парень грубо меня перебивает,

бросает окурок за балкон и уходит.

Я опять остаюсь ни с чем. Впрочем, ничего нового. На этом утренние новости от Каролин ван дер Берг заканчиваются на не весьма позитивной ноте.

Мне хватает как раз полчаса, чтобы почистить зубы, принять холодный освежающий душ, вспомнить о своем тату, ужаснуться и продолжить как-то жить с этим дальше. Я поняла, что все топы, что я захватила с собой, мне предстоит отложить на низ чемодана, так как я в последнюю очередь хочу, чтобы это увидел Дин. Он однозначно простит меня после этого, но в то же время, до конца нашего путешествия будет насмехаться надо мной и подкалывать. К этому я точно не готова.

Стук в дверь застал меня как раз в тот момент, когда я натягивала на себя джинсы-бойфренды. Быстренько подкачав их снизу и поправив свою майку, побежала открывать двери. Дин стоял в чёрной рубашке и джинсах, в карманы которых спрятал свои руки. Сегодня он решил принять образ некоего брутала. Интересно, надолго ли его хватит.

Мы спустились вниз, не проронив по дороге ни слова. Это немного угнетало и в некой степени даже давило на меня. Обычно я не выношу вечного речевого потока Агнесс при каждой нашей прогулке, но сейчас, именно в эту секунду, я понимаю, как же мне этого не хватает.

Я заказала себе овсяную кашу с ягодами. Поставив себе за идею фикс похудение, я решила всё же придерживаться с сегодняшнего дня какого-либо режима. Но это было довольно сложно, ведь завтрак Дина составлял яичницу с беконом и овощной салат с оливковым маслом.

— Перестань смотреть в мою тарелку. Тебе стоило заказать то же самое, если твоя еда тебя не устраивает, — парень посмотрел на меня исподлобья. Я как-то и не заметила, что тарасилась на его тарелку, мысленно представляя всё это у себя во рту. Когда я посмотрела в свою тарелку, то заметила не весьма аппетитную серую субстанцию с розовой пигментацией в виде ягод. Да уж, долго я так не протяну.

— Боюсь, что следующие несколько месяцев это единственная пища, которую я смогу вообще принимать, — фыркаю я. Набираю полную ложку каши, кладу себе в рот и лениво смотрю в окно, в попытке не думать о чем-то жирном, жареном и таком вкусном...

— У тебя проблемы с желудком? — мне показалось, что в голосе парня прозвучала нотка беспокойства. — Просто беспокоюсь о том, чтобы ты не заблевала мне салон, — вскоре пошутил он. Я улыбнулась. Лёд понемногу тает.

— У меня проблемы с весом, — тяжело вздыхаю и набираю ещё одну ложку. Кажется, от этой мути меня сейчас точно затошнит.

— Честно говоря, не заметил этого.

Я ничего ему не ответила. А что я могла ответить? «Боже мой, Дин, спасибо, теперь я буду сметать всю еду, что попадет на моем пути» или же «Ты изменил мою жизнь». Я просто была рада, что мы сменили тему и снова вышли на прежний уровень в общении.

После завтрака мы были готовы ехать дальше. Теперь, когда Дин немного расслабился и перестал (наконец-то) дуться на меня, внезапно грусть прикоснулась и ко мне. Это была такая внезапная грусть, которая берется из ниоткуда.

Я просто смотрела в открытое окно машины и наблюдала за тем, как сменяется пейзаж перед моими глазами. И внезапно меня постигла мысль о том, стою ли я вообще чего-либо в этой жизни? Просто стоило мне выйти за рамки своей зоны комфорта, как я сразу же попала в неприятность. При всем этом моя пятая точка нашла приключения для нас

обоих. Однажды по своей глупости и нерассудительности я уже навредила одному человеку, и теперь, потеряв контроль над собой, я рискую повторить всё вновь.

На время я будто бы притормозила. Я не покидала Нидерланды уже в течение нескольких последних лет, и за это время в моей жизни не произошло ничего плохого. Как и хорошего. Может, такое моё жизненное предназначение? Застрять в сувенирной лавке навсегда и не показываться людям, дабы не вносить в их жизнь неприятные сюрпризы, вроде ареста за угон мотоцикла.

— Ты всё ещё обеспокоена этим? — Дин отвлекает меня. Спасает от собственных мыслей, что норовят свести меня сегодня с ума. — Честно говоря, я подумал, что ты пошутила на счет своего веса, но, похоже, что тебя это действительно сильно беспокоит.

Я немного опешила. Я уж думала, что мы снова начнем мусолить события вчерашнего вечера, о чем я как раз и думала. Но для Дина это уже похоже в прошлом (к счастью).

— Я не думаю, что тебе стоит беспокоиться об этом, — я постаралась улыбнуться. Получилось неубедительно.

— Тогда я могу вспомнить вчерашний вечер, — он лишь на секунду отвлекся специально, чтобы сделать грозный взгляд, который у него, на самом деле, получился таким, будто бы он умолял меня купить щенка. — Между прочим, ты так и не сказала, каким образом тебе удалось освободить меня.

Лучше бы обсудили мой вес. Я вспомнила о татуировке и инстинктивно сложила руки таким образом, чтобы закрыть её (будто Дин мог что-то увидеть через одежду).

— Кажется мне, вчера ты даже не хотел меня слушать, — фыркнула я и отвернулась к окну. Я сделала это в шуточной форме, но если честно я всё ещё обеспокоена тем, чтобы не проколоться Дину и не рассказать о том, что мне пришлось сделать ради него.

— Оставим вчерашний вечер вчера. Сегодня я хочу услышать тебя.

Я поджала губы. Что ему сказать? Раньше я неплохо владела искусством вранья, а сейчас чувствую, будто проглотила язык. Я смотрела на Дина, и он выглядел расслабленным. Его пальцы выстукивали какой-то ритм по рулю. Он выглядел беззаботно и это хорошо.

— Каролин? — парень окликнул меня, когда я поняла, что наблюдаю за его руками. Какая-то я несобранная сегодня.

— Нет, — ответила я и отвернулась к окну. Опустившись вниз по сидению, я чувствовала будто моё тело обрело желеподобную форму, но спустя несколько минут после того, как мой позвоночник подал сигнал, что ему так неудобно, то я вновь выпрямилась.

Мы ехали довольно-таки долго, и жара была нещадная. Даже кондиционер, что работал на всю мощь совсем не помогал. Кажется, что сквозь открытое окно солнце наоборот пробивалось и ударяло мне в голову, поэтому я закрыла его. Дин начал возмущаться, но я не слушалась его. Зато когда он начинал курить, я ругала его, потому что от этого дыма мне становилось только хуже.

Вот целую дорогу мы только то и делали, что спорили. Но это вовсе не напрягало меня, а напротив я чувствовала себя свободно рядом с Дином. Он стал едва ли не первым парнем после Питера, с которым я вообще могу себя свободно чувствовать. Меня это пугает и, в то же время, нравится. Я не должна привыкать к Дину, потому что наше путешествие должно закончиться и на этом закончится абсолютно всё, что связывает нас.

— Где мы? — спросила я, когда за окном начали мелькать изредка и дома, а не только деревья, огромные поля засеяны колосающейся пшеницей.

— Мы в Колорадо! — гордо заявил парень.

— Это здесь находится каньон? — спросила я, вспомнив уроки географии в школе. Наша учительница объездила полмира и всегда с неподдельным восторгом рассказывала нам обо всем.

— Да, но, к сожалению, у нас нет времени съездить туда. В какой-нибудь другой раз, может быть... — начал Дин, но, осознав абсурдность этого выражения, умолк. — Если ты всё же захочешь съездить туда, то я всегда к твоим услугам, — немного тише добавил он, потеряв прежний энтузиазм.

— Это ведь должно будет закончиться когда-то и после этого мы, может, вовсе никогда не увидимся, — я смотрела прямо. Мне не хотелось смотреть на Дина, потому что я не люблю смотреть на него, когда он не улыбается и когда в уголках его глаз нет маленьких едва заметных морщинок и когда на его правой щеке не выступает ямочка.

— Давай, не думать пока что об этом, — он положил руку мне на колено, и я почувствовала, будто меня ударило молнией. Электрический заряд прошелся по моему телу. Ему не стоило делать этого.

Мы заехали на заправку. Я по привычке осталась сидеть в салоне, когда Дин вышел из машины. Я выдохнула даже с неким облегчением. Я не должна чувствовать этого. Просто не должна.

— Эй, ты выходишь или нет? — парень заглянул через открытое окно с его стороны и даже спугнул меня, потому что я этого не ожидала.

— Зачем? Разве мы не едем дальше?

— Я устал слушать бурчание твоего живота. Мы должны взять перерыв и перекусить.

Я немного опешила. Подождите, это точно Дин? Есть в придорожном кафе на заправке? Может, я подумала о чем-то другом и на самом деле это какая-то элитная заправка с пятизвездочным рестораном? Просто другого объяснения таким резким переменам у меня нет.

— Неужели у меня будет возможность заплатить за весь свой заказ, а не только за кусочек хлеба? — Дин точно знает, как поднять мне настроение, ведь даже такой незначительный казался бы жест с его стороны уже немного растормошил меня.

Оказавшись внутри кафешки, я сразу же почувствовала запах вредной пищи. Раньше мы с Питером были частыми посетителями «Макдональдса». Мне не приходилось заботиться о весе, ведь его глупые дружки и без того любили меня. Разве что иногда я чувствовала себя немного неловко, когда Питер сам отбирал у меня еду, аргументируя это тем, что я и так много ем. Вообще до знакомства с ним я не отличалась особой стеснительностью или закомплексованностью касательно моего тела, но отношения с Питером заставили меня задуматься о том, достаточно ли я хороша.

Я выбираю столик прямо у кондиционера. Дин берет меню и садится напротив меня.

— Мне всё равно считаешь ты себя толстой или нет, но ты будешь есть это всё со мной.

— Ты совершенно не умеешь мотивировать, — я улыбнулась, взяв у него одно меню.

Мы заказали два гамбургера, две порции картошки фри с соусом и сырны палочки. На растворимый кофе я не смогла развести Дина, но он заказал колу со льдом, и я подумала, что это уже немалый сдвиг.

— Мне, кажется, я плохо на тебя влияю.

Мы сидим и дожидаемся нашего заказа. Честно говоря, я не ела фастфуда уже давно. Агнесс вечно сидит на всяких диетах, да и я когда замечаю на весах лишние цифры, то тоже страдаю этим. Зато, когда я вижу, что мной сброшено несколько килограмм и достигнуто

оптимального для меня веса, то я снова продолжаю есть всё без разбора. Это как замкнутый круг, который я не в силах нарушить, выбрав что-то одно.

— На самом деле, я всегда хотел попробовать что-то вроде этого, — парень невинно пожимает плечами.

— Подожди. Только не говори, что ты таки ни разу в жизни не ел вредной пищи? — я смотрю на него с таким удивлением, словно заметила у него рога на голове. Чёрт, как вообще можно жить, не попробовав за свою жизнь желтой хрустящей картошки фри или же сочного бургера? Как?!

— Моя мама помешана на органичной пище, так что...

— Нет! Ты убьешь меня, если скажешь, что никогда в своей жизни не нарушал правила, — я просто-таки открыла рот в ожидание ответа.

— В последнее время только этим и занимаюсь, — мимолетная улыбка появилась на его лице.

Совсем скоро Дин забрал наш заказ. Очень странно наблюдать его в роли обычного парня. Не то, чтобы он таковым не являлся, но он не подходит для всего этого. У него даже лицо имеет аристократические очертания и этого никуда не спрятать. В его образ жизни входят дорогие ужины в лучших ресторанах больших городах, где играют оркестры, ночевки в пятизвездочных отелях, где за деньги выполняют любое твоё желание. Дин живет той жизнью, о которой мечтает почти что каждый пятый человек на Земле, но грусть в его глазах не вызывает у меня чувства зависти к нему, а лишь некую жалость.

Я накидываюсь на еду очень резко, как для девушки, что решила похудеть. Но я не хочу думать об этом. Я хочу есть это!

Дин сначала недоумевает, что всё это нужно есть руками. Мне становится смешно, когда приходится объяснять, что нужно делать и как правильно есть. Вскоре наш обед вообще перерастает не в процесс принятия пищи, а в настоящее побоище. Дин обмазал мой нос соусом для картошки, также провел им по-моему лицу, оставив «красные» полосы на моих щеках. Затем мы сделали из него моржа, вставив две палочки картошки таким образом, чтобы они выглядели как клыки. И вовремя всего этого безобразия ещё и устроили своеобразную фотосессию.

Я смеялась так громко, что у меня болел живот, когда Дин пытался сделать так, чтобы котлета не выпала из его бургера, проталкивая её языком обратно в конструкцию между двух булок. Его руки были обляпаны майонезом и кетчупом. Я просто не смогла этого не снять на видео.

— Надеюсь, эти жертвы не были бесполезными?

— Мне показалось, что тебе даже понравилось, — я откинулась на стуле. Мой желудок был наполнен доверху.

— Да, но... Не думаю, что этим стоит злоупотреблять.

— Давай забудем о слове «нет» на некоторое время?

Я выпалила это, не подумав. В который раз.

— Ладно, — ответил Дин, когда я и не успела возразить своим же словам. Но может эта идея больше не приведет к таким последствиям, с которыми мы столкнулись вчера. Может, это даже обещает быть весело?

Сумерки опустились на город. Я и не заметила, как уснула. Моя голова была откинута на сиденье, а рот открыт. Я уверена, что это было довольно-таки забавно, и Дин не упустил возможности сфотографировать меня в таком положении. Когда автомобиль затормозил, то парень всё же разбудил меня.

— Где мы? — спросила я извечно актуальный вопрос.

— Неподалеку Линкольна в Небраске, — Дин потянулся. Он весь день был за рулем, и я уверена, что всё его тело уже затекло. Если бы я умела водить, то я бы с удовольствием заменила бы его, но так как я вожу не лучше любого человека, которому даже не приходилось сидеть за рулём, то ничем помочь я ему не могу.

— Я имела ввиду, где мы остановились? То есть...

— Возле мотеля, как и договаривались. Никаких дорогих отелей.

Я улыбнулась в ответ. До того как я уснула и сразу же после того, как мы продолжили поездку после недлительной остановки на заправке, у нас с Дином завязался очередной спор. В этот раз речь шла о том, где мы остановимся на ночь. Я буквально умоляла его, чтобы это не был такой же отель, как и в предыдущий раз. Не то, чтобы мне не понравилось (кому не понравится прожить хотя бы один день в шикарном номере пятизвёздочного отеля, ещё и за чужой счёт), но свою позицию я аргументировала тем, что: во-первых, я чувствую себя неловко каждый раз, когда Дин расплачивается за меня. Я уже поняла, что денег у него достаточно для этого, но всё же я к этому не привыкла. Во-вторых, та недоброжелательная старушка всё ещё не выходила у меня из головы. Этот взгляд... Брр! Мурашки по коже! И в-третьих, дешёвые мотели имеют свои преимущества, и если мы с Дином согласились на то, чтобы забыть о слове «нет», то я хочу ему показать насколько насыщенным может быть окружающий мир, даже когда у тебя нет денег.

Дин оставил свою машину на стоянке. Его автомобиль значительно отличался от всех других, как минимум, своей дороговизной и презентабельностью. Выйдя из салона, мы оба начали потягиваться. Мои кости неприятно закрипели. Чёрт, а мне ведь всего лишь двадцать. Похоже, с такими успехами уже к сорока от моих костей останется лишь прах.

Естественно, что здесь не было швейцара, который бы смог забрать наши вещи, поэтому взяв свои чемоданы, мы пошли вперед. Мне помнится, как когда-то, когда я ещё была маленькой, папа любил устраивать внеплановые «путешествия». Даже если это было посреди учебного года, его это не волновало. Он, в принципе, всегда говорил, что то, чему нас учат в школе навряд ли мне понадобится когда-нибудь в жизни, поэтому я никогда и не стремилась к хорошим оценкам. Разве это имеет смысл? Но суть опять же не в этом. Мы выбирали какой-либо город наугад и ехали туда. Это было так глупо ехать туда, где мы даже никогда не были и даже не слышали об этом месте прежде. Мы всегда брали с собой большую карту Нидерландов, и папа отмечал на ней дорогу, которой мы двигались. Это было смешно, когда он путался или же мы заезжали не туда. Но больше всего мне нравилось, когда мы останавливались где-то на заправках, придорожных кафешках или мотелях. Бесспорно, дома лучше, но вся эта атмосфера придавала нашей семье даже некой сплоченности. Я была счастлива в те дни. Больше они никогда не повторятся.

Красные неоновые буквы составляли слово «Мотель». Рядом я заметила мини-маркет, который ещё работал. Мне в голову сразу же пришла мысль о том, что неплохо было бы

закупится продуктами не только на сегодняшний вечер, но и на завтрашний день.

Дин помог мне открыть двери, и я не смогла сдержать улыбки. Чёрт, такие парни ещё остались? Несмотря на всю свою внешнюю оболочку из напыщенности и самоуверенности, Дин действительно хороший парень. Странно, но я всё ещё не пожалела о том, что согласилась на эту поездку.

Звоночек сразу же зазвенел, стоило нам переступить порог мотеля. Рыжая девочка лет двенадцати (точно не больше) выбежала нам напротив.

— Привет! — я улыбнулась ей. Её волосы выглядели потрёпанными, общий вид немного нелепый, но, тем не менее, внешне она милая. — Мы бы хотели остановиться здесь на ночь.

— Ты уверена, что она... — сразу же прошептал мне на ухо Дин, но девочка его перебила.

— Да, конечно, — она улыбнулась. Забежав за своеобразную стойку, она сняла с деревянной доски ключи и уже начала делать запись в своем блокноте.

— Подожди, — я придержала её ладонь, чем обратила на себя внимания. — Нам две отдельные комнаты.

— У нас свободна только одна комната, — она закусила нижнюю губу, а в карих глазках заиграли лихие чёртики.

Я сразу же сузила глаза и начала сверлить её взглядом.

— А если я дам тебе денег ещё и на шоколадку? — спросила я и, кажется, она таки задумалась. Не прошло и минуты, как маленькая проказница протянула мне и второй ключ. Я подмигнула ей, когда доставала деньги.

— Ты отлично решила этот вопрос, — с ноткой сарказма подметил Дин, когда мы поднимались на второй этаж. Я шла впереди, поэтому мне не пришлось видеть его усмешку и самоуверенный взгляд.

— У меня не было выбора. Или ты хотел провести ночь со мной в одном номере? — я резко остановилась, из-за чего парень врезался в мою спину и едва ли не пошатнулся и не упал.

— Хороший способ затащить меня в постель, но ты не в моем вкусе, милая, — ответил он. Я понимаю, что это всего лишь шутка, но это не шутку задело моё самолюбие. Я больше ничего не говорила парню. Когда мы добрались к нашим комнатам, то я была невероятно рада, что смогу избежать общества парня.

— Каролин, неужели ты обижаешься на эту безобидную шутку? — сквозь смех произнес Дин. Но мне было не до смеха. Не ответив ему ничего, я просто зашла в свою комнату и громко хлопнула дверьми.

Этот день выдался тяжелым. Как и вчерашний. Наверное, я просто не создана для длительного времяпровождения в дороге. Привыкла стоять на месте и не двигаться, а теперь благодаря моему «любимому» парню я всё время в дороге.

Падаю на кровать. Она, конечно же, не такая мягкая, какой была в прошлом отеле, но я не жалуясь. Так даже лучше. Таким образом, я хотя бы чувствую себя в своей среде (чего, наверное, нельзя сказать о Дине). Я достаю из кармана телефон и открываю галерею. Почему-то именно сейчас меня накрыла волна ностальгии. Я пересматриваю архив фотографий, начиная ещё с того момента, когда мы с Питером были вместе. Меня посещает странное чувство, словно на снимках вовсе не я. Мы с Питером выглядим такими счастливыми, что меня даже не посягает мысль о том, как мы превратились в абсолютных незнакомцев. Не знаем даже самих себя.

Слезы подкатили к моим глазам, но когда передо мной появился наш самый первый снимок с Агнесс, причем сделан в тот же день, что мы познакомились, то в следующую секунду я взрываюсь от смеха. Это случилось на одном из концертов Питера, и Агнесс была девушкой одного из (многочисленных) друзей Питера. Вначале она показалась мне слишком болтливой (какой она, в принципе, является и сейчас), и я даже подумала о том, что с этой девицей я точно никогда не подружусь. Да уж, жизнь непредсказуема.

Похоже, что Агнесс тоже вспомнила обо мне, потому что на экране моего телефона высветилось её имя. Я сразу же приняла вызов.

— Каролин, ты кусок дерьма! — завопила девушка, когда я в свою очередь просто закатила глаза.

— Будем считать, что я услышала «Привет, Каролин. Я так сильно по тебе скучаю».

— Нет, я сказала то, что хотела сказать! Какого чёрта ты мне не звонишь? Вчера я заходила к твоим родителям, и они сказали мне, что ты всё ещё не нашла Питера и колесишь по всей Америке, чтобы найти его. Я возмущена! — этот бесконечный поток слов сложно было перебить, но, в конце концов, когда наступила пауза, я решила вставить и свое слово.

— Я, кажется, говорила о том, насколько серьезны мои намеренья. Я найду Питера, чего бы мне это не стоило!

— Милая, ты ему не нужна! Твои родители обеспокоены, и я тоже. Возвращайся домой, пожалуйста, — я знаю, что Агнесс заботится обо мне, но она могла и мягче выразиться. Для меня самой не новость, что я не нужна Питеру, но не хотелось бы, чтобы мне об этом ещё и напоминали.

Тихий стук в дверь отвлек меня. Не успела я открыть двери, как непрошенный гость сделал это сам.

— Меня не волнует голодна ты или нет, но я ужасно проголодался. И мы должны пойти куда-то перекусить, — бесцеремонность была не в стиле Дина, но, похоже, что он медленно превращается в меня. Даже и не знаю, к лучшему ли это.

Я сразу же хлопнула себя ладонью по лбу.

— Каролин? Кто это?! — я услышала в голосе подруги неподдельный интерес. Теперь она не успокоится, пока я ей не скажу.

— Меня зовут Дин, — громко сказал парень, чтобы Агнесс услышала. Я мысленно закопала себя под землю.

— Дин?! Кто такой Дин?!

— На самом деле, его настоящее имя Идиот, — сказала я, после чего сразу же получила пинок от Дина. — Агнесс, прости, мне пора. Когда я найду где-то WiFi, то обязательно наберу тебя в Скайпе, — не успела она и возразить, как я отключила звонок.

— Теперь ты свободна? — Дин сидел на краю моей кровати, удобно оперевшись об моё хилое тельце, что скорее напоминало бревно в таком положении.

— А если бы это были мои родители?

— Думаю, в таком случае, они бы не хотели, чтобы я был их будущим зятем, — сегодня настроение парня было на высоте, и трудно было не заметить его попытки поднять и моё настроение, что внезапно подупало.

— Я бы и сама не порекомендовала никому такого ничтожного зятя, — я показала ему язык, после чего Дин начал щекотать меня. Сначала мне было смешно, но потом когда его руки прикоснулись к моей оголенной коже в том месте, где приподнялся топ, то я просто начала отбиваться в попытке оттянуть ткань вниз. Наверяд ли он вообще понял, что я

пытаюсь сделать.

— Не говори, что тебе это всё не нравится, — его руки задержались на моей талии, пальцы мягко вдавливались в мою кожу. Его лицо было в сантиметре от моего. И мне кажется, или Дин снова в шаге от того, чтобы поцеловать меня? Я чувствовала этот посыл изнутри, и желание поцеловать его показалось мне не переборным, но я сумела остановить нас обоих, когда его губы почти уже коснулись моих.

— Ты говорил, что проголодался?

— Да, точно, — он сразу же выпрямился, и у меня появилась возможность потянуть вниз топ, пока Дин ничего не заметил.

Мы спустились вниз. Девчонки уже не было на месте. Вместо неё была пожилая женщина, что скорее всего являлась бабушкой девчушки. Она выглядела довольно-таки мило, спросила нас, те ли мы двое молодых людей, что «поссорились и не хотят жить вместе». Я сразу же пояснила, что мы не пара, а всего лишь друзья, но по вздоху старушки можно было понять, что она в это слабо верит.

— Просто дети такие впечатлительные. Даниэль, видимо, уже пересмотрела своих сериалов, вот и видит то, чего нет, — ответила мило женщина, на что я ей лишь неловко улыбнулась. Хотя я и работаю в магазине, но диалог у меня получается поддерживать плохо.

— Пошли уже скорее, — шепчет мне на ухо Дин, и я чувствую, как его рука обхватывает меня за талию и тащит за тобой.

— Простите, мы в городе не надолго, поэтому решили прогуляться, — уже на пути к выходу я продолжала говорить с женщиной, чтобы как-то объясниться перед ней и хотя попытаться сделать вид, что мне так жаль, что я не могу ещё поговорить с ней, ведь мы так спешим. Чёрт, Америка открывает во мне всё больше плохих качеств.

— На самом деле, спасибо, что спас меня от неё, я уже и не знала, о чем можно с ней говорить. Это было немного неловко, — говорю я парню, который теперь спрятал руки в карманы. Его голова была опущена вниз, из-за чего отросшая челка полностью закрывала мне его лицо. Но даже сквозь эту ширму я уже чувствовала плохое настроение Дина.

Я не хотела спрашивать, что случилось. По-моему это и так очевидно. Он, наверное, обижен на меня за то, что я его отвергла. Может, не стоило так резко делать этого? Может, один поцелуй никому не навредил бы? Может, мне нечего бояться?

Я не знаю, чем руководствовалась, но внезапно я просто набросилась на Дина и прильнула своими губами к его. Естественно, что для него это было полной неожиданностью (как и для меня), но мне не пришлось долго ждать, когда его руки вновь оказались под моим топом, а язык у меня во рту. На это я точно не рассчитывала. Мой поцелуй должен был быть более невинным чем это. Кто-то из нас таки перешел эту черту.

— А теперь, пожалуйста, объясни, что это было? — отстранившись от меня, спросил парень. Облизывая губы, на которых ещё остался вкус его, я переводила дыхание. Как же хорошо он целуется. Либо у меня опыта в этом мало, либо у Дина этот опыт действительно велик.

— Запоздалая реакция на то, что должно было произойти ещё у меня в комнате, — я словила на лице парня легкий оскал. Его настроение меняется со скоростью света.

Мы зашли в мини-маркет неподалеку от мотеля. Кроме нас здесь был ещё парень-кассир, который не был заинтересован в том, чтобы привлечь покупателей (впрочем, я его понимаю). Он сидел за своей стойкой и читал какую-то книгу, даже не обратив на нас внимания. Мы с Дином скользнули внутрь и потерялись между полок с продуктами. Мы

пошли разными путями, договорившись встретиться через десять минут у кассы.

Громкие звуки, которые издавали холодильники, грязные и старые полы, мигающий свет возле полки с содовой пугали меня. В одной руке я уже держала большую бутылку кока-колы, а другой проводила по картонным коробкам кукурузных хлопьев. Выбор здесь конечно куда больше, нежели в том магазине, что я обычно покупаю продукты, но проблема выбора была для меня вечной.

Дойдя к концу ряда, я споткнулась обо что-то, но в то же время чьи-то руки, поддерживающие меня не дали мне упасть. Если это Дин, то я убью его! В прямом смысле этого слова!

— Прости, милая. Стоит быть осторожнее, — парень с голливудской внешностью, ослепительной улыбкой и кубиками пресса, что выглядывают через майку, предстает передо мной. Я просто потеряла дар речи от его ослепительной улыбки. Что-то заставляет меня потянуться рукой к волосам, чтобы поправить их и неловко при этом улыбнуться.

— Кэмерон, ты уже нашел нам компанию? — откуда-то возле парня возникла девушка. Ростом они были приблизительно одинаковы. Я не чувствовала себя ущемлённой, ведь ростом от них не отставала. Её руки заключили кольцо вокруг его талии, и я даже немного приуныла. Не то, чтобы я рассчитывала на что-то, но какой девушке не будет приятно, если кто-то таки клюнет на неё? А ведь это была бы почти отличное начало истории любви. Обязательно расскажу об этой потомкам, с отметкой о том, что эта романтическая шестисекундная история не имеет отношения к их отцу.

— Меня зовут Линдси, — девушка улыбнулась во все тридцать два и протянула мне руку для пожатия. Они были такими разными, что я уже во второй раз потеряла дар речи. Если у Кэмерона был образ какого-то тупого качка (прости меня, Господи, за этот стереотип), то Линдси выглядела, как неформалка. Пирсинг в щеке и носу ярко выделялся на её бледной коже. Татуировка в виде куста роз тянулась от груди к шее. Выкрашенные в серый цвет волосы были собраны в небрежный хвост.

— Каролин, — я пожала руку девушки, улыбнувшись ей в ответ. — А для чего вам нужна компания? — слова вылетели из моего рта быстрее, нежели я успела их обдумать.

— Мы нашли в городе скейт-парк и ищем интересную компанию для похода туда. Ты умеешь кататься на скейте?

Я закусываю нижнюю губу, затрудняясь ответить. Вообще-то в последний раз я вставала на скейт ещё в тот злосчастный год и даже не знаю, смогу ли я встать на него теперь. Но в то же время эта пара разожгла во мне желание таки сделать это.

— Я вижу в её глазах сомнение, — обозвался парень.

— Это значит, что она хочет это сделать, — подхватила Линдси. — Давай же, Каролин!

— Да! Ладно! — я не выдерживаю этого давления. Это ведь действительно должно быть круто. Тем более ни у меня, ни у Дина не было планов на этот вечер, а это не такой уж плохой способ скрасить его. Как минимум, это должно быть легально. Только согласится ли Дин...

— Только знаете, есть одна проблема, — я начала заглядывать за спину пары, пытаюсь высмотреть Дина, который продолжал. — Мой друг, с которым я здесь, навряд ли умеет кататься на чем-то помимо дорогих машин, поэтому я боюсь, что ему эта идея совсем не понравится, — я неловко улыбнулась.

— Линдси умеет уговаривать людей. Не переживай на этот счет, — сразу же ответил парень, приобняв свою девушку.

— Ладно, тогда давайте лучше встретимся на улице. Я должна его морально подготовить к этому.

На этом мы разошлись. Признаюсь, это было довольно-таки странно. Последним моим спонтанным знакомством было знакомство с Питером. На этом я завязала. Незнакомцы опасны, и я выучила этот урок уже давно. Им нельзя доверять. Но идея этих ребят такая безобидная. Мысленно я снова вернулась в прошлое.

Одним летом я познакомилась совершенно случайно с парнем по имени Эван. Ангельская внешность и демонически чёрная душа чем-то даже очаровали меня. Мало кто понимал Эвана, но для меня было целью понять его. Я хотела быть единственной, кто мог знать его. В результате всего этого я сама пустила свою жизнь на самотек. Точнее отдала её в неумелые руки парня. Тем не менее, то лето претендовало стать лучшим в моей жизни, если бы не один резкий поворот, что сделал его самым худшим, тем, которое я даже вспоминать не хочу.

Иногда мне кажется, что чувства к Эвану всё ещё живы в моем маленьком хилом тельце. Питер отвлек меня от этого, но те чёрные глаза, в которых я была способна увидеть своё отражение... Кажется, я по-прежнему их боюсь.

Может, я согласилась не потому, что это обещает быть весело. Не потому, что мне хочется забыть о всех проблемах и отдаться ненадолго играм молодости. И вовсе не потому, чтобы показать Дину, что такое настоящая жизнь, насыщенная приключениями. В своё время этих приключений у меня было предостаточно и теперь... Я хочу вспомнить. Хочу вспомнить тот ужасный год, повторить те моменты, за которые я себя винила. Хочу побыть той старой Каролин и узнать для себя, в какой момент я сделала ошибку.

Я замечаю Дина возле кассы. Он взял бутылку белого вина и соленые крекеры с сыром. Это вызывает улыбку. Дин вовсе не похож на тех парней, с которыми мне приходилось вообще когда-либо общаться. Он кажется мне таким отдаленным от всего того, что присуще мне и моему окружению, что порой у меня складывается впечатление, что мы из разных миров. Хотя, наверное, так и есть.

Он замечает меня, и его взгляд сразу же падает на мой набор продуктов. По его выражению лица можно сказать, что он не удивлен, но вместе с тем недоволен. Я показываю ему язык и ничего не говорю больше.

Расплачиваясь за свои покупки, мы выходим на улицу. Дин снова идет впереди, но в этот раз я специально торможу. Смотрю назад и вижу, как Кэмерон и Линдси уже тоже стоят возле кассы, расплачиваясь за две бутылки пива и пачку чипсов. Какая же знакомая ситуация.

— Дин, постой! — кричу я. Парень оборачивается. Видимо, он о чем-то рассуждал до этого, но я не слышала о чем именно, но теперь, когда я обратила его внимание на себя, то поняла, что это в принципе было и не важно. — Ты ведь умеешь кататься на скейте? — начинаю издали. Хотя, ответ мне очевиден, но мало ли.

— Здесь темно, но я вижу по твоим глазам, что ты что-то замыслила, — Дин шурится. Он подходит ко мне ближе. Чёрт, парень, ты даже не представляешь, что именно я замыслила.

— Каролин, это твой друг? Привет, меня зовут Линдси, — пара выходит из супермаркета и сразу же подходит к нам. Линдси идет впереди и сразу же протягивает свою руку Дину. Он продолжает сверлить меня взглядом. Ему это не по душе.

— Каролин сказала, что ты не умеешь кататься на скейте, но это плёвое дело. Мы тебя

быстро научим, — к беседе подключается и Кэмерон. Я мысленно приставляю револьвер к своему виску.

— На самом деле, я умею кататься, — прочистив горло, произнес Дин. Это прозвучало как-то неуверенно, и я даже подумала о том, что он просто боится признаться в этом. Не удивлюсь, если Дин, ничего не объяснив, просто откажется кататься.

— Вот и отлично! Скейт-парк неподалеку отсюда, поэтому мы доберемся пешком. Между тем, я расскажу всем правила.

Мы начали свой путь. Линдси шла впереди задом наперед, одновременно рассказывая правила «игры», которую она любит играть со своими друзьями. Я слушала её краем уха, между тем наблюдая за Дином, который был на полпути к тому, чтобы открыть бутылку вина и начать пить, только бы мысленно не быть здесь. Мы шли немного отдаленно друг о друга. Даже Кэмерон, что шел по другую сторону от меня, и то был ко мне ближе, что меня даже смущало.

У нас было два скейта. И правила так называемой «игры» заключались в том, чтобы сначала выехать вверх по улице, что как раз шла вверх, а затем на всех ветрах съехать вниз. Кто быстрее, тот в выигрыше. Линдси назвала это «разминкой» перед скейт-парком. Действительно, потренироваться мне не помешало бы, ведь я не стояла на скейте уже давно.

— Первые парни! — говорит Линдси. Я сразу бросаю взгляд на Дина, быстро подхожу к нему и хватаю за локоть.

— Ты ведь не умеешь кататься. Тебе лучше признаться сейчас, — прошипела я. Порой эта смена настроения у парня просто сводит меня с ума и порядком раздражает. Я уже даже стараюсь подстраиваться под эти перемены, но это выматывает. Дин ничего мне не отвечает, и я решаю, что стоит взять инициативу в свои руки.

— Кажется, Дину нужно вернуться в мотель. Дин, ты забыл кое-что важное, — пытаюсь как-то исправить ситуацию, но врать у меня получается так же плохо, как и поддерживать разговор с пожилыми милыми дамами на рецепции.

— Я ничего не забыл, — парень отодвинул меня в сторону и вышел вперед. — Ты, видимо, что-то перепутала.

Дин берет скейт. Линдси делает отсчет. Я закрываю глаза, когда понимаю, что всё началось. Но... Вроде бы ничего не происходит. Я открываю глаза и вижу, что Дин действительно едет на скейте вверх. Кэмерон опережает его, но меня это вовсе не волнует. Они приближаются к верхушке. Я затаиваю дыхание. Кэм уже летит вниз, дикий рык вырывается из его груди. Непередаваемое чувство свободы заполняет его легкие, полностью выжимая из них весь воздух. Приблизившись к верхушке, Дин останавливается. Я не могу понять по какой схеме он действует, но мне кажется, будто он борется со страхом. Старым, словно ржавый гвоздь, который так тяжело достать, страхом. Моё волнение усиливается. Я мысленно прошу Дина о том, чтобы он остановился. Но его нога отталкивается от земли, и он летит вниз.

— Вот чёрт! — выкрикивает Линдси, а я просто мысленно закапываю себя в могилу.

Дин

Я терпеливо ждал, пока доктор замотает мою ногу эластичным бинтом. «Вам не стоит беспокоиться, это всего лишь растяжение мышц. Скоро Вы сможете нормально ходить», — сказал мне врач, но беспокоиться на самом деле мне было о чем. Например, о том, как мы продолжим наш путь дальше. Я же не смогу сесть за руль ближайшие два дня точно. Я сомневаюсь, что Каролин умеет водить машину. Хотя, она не раз меня удивляла, но всё же в этом я точно не уверен.

Она сидит на стуле рядом. Голова опущена вниз, а плечи поникли. Она винит в себя в том, что случилось, и меня это отчасти забавляет. Вина здесь только моя. Иногда мне стоит быть менее самоуверенным, иначе это может привести не только к этому, но и к чему-то намного худшему. Но смотреть на опечаленное лицо Каролин, которую пожирает изнутри чувство вины, это просто поднимает мне настроение. Наверное, это неправильно, но мне нравится эта её некая ранимость. Это... мило?

С Каролин мне каким-то образом удалось на время забыть о Даниель. Это имя заставило меня невольно вспомнить о своей старой любви лишь, когда я услышал его в том мотеле. Это словно мой старый едва заживший шрам снова разворошили, подсыпав ещё немного соли на открытую вновь рану. Но сейчас, когда я смотрю на Каролин, я вновь забываю о той боли, что мне принесла Даниель, и просто удивляюсь тому, почему мне снова хочется поцеловать её.

Мне нравится то, что Каролин не знает меня. Она не пытается показать мне свои лучшие стороны, затащить меня в постель и содрать как можно денег за ужином в дорогом ресторане. Она не пытается произвести на меня впечатление, только бы быть ближе к деньгам моего отца и заполучить фамилию, что постоянно фигурирует во всех газетных заголовках, которая всегда записана в списке приглашенных гостей на самые званные вечера в мире. Как же я рад, что в Европе Брауны ещё не успели нашуметь. Хотя, даже если бы отец распространил свой бизнес в самом Амстердаме, то Каролин вряд ли бы вообще интересовало это.

Её лицо бледное от страха. Она преданно смотрит на врача и кивает головой, словно внимательно слушает его. Поворачиваю голову и замечаю, что всё же врач что-то говорит. Я пропускаю это мимо ушей, я просто не могу сосредоточиться на его словах. Это сложно. Я думаю об Каролин, и это кажется одновременно странно и правильно. Я забыл о Даниель, что бросила меня, полностью погрузился с головой в беззаботные подростковые развлечения, чего не делал довольно-таки давно. Если не сказать, что вообще не делал. Мои подростковые годы немного отличались от этого.

Когда я был подростком, то всё, что мне приходилось делать, это просто тратить отцовские деньги. Море алкоголя, принятие легких наркотиков и вечеринки, что не прекращались ни днем, ни ночью. Я присутствовал практически на каждой вечеринке в Нью-Йорке. И это вовсе не то, чем я могу похвастаться. Я был просто разбалованным ребенком, который принимал жизнь как должное до определенного момента. Пока у меня не случилась передозировка наркотиками. Моя жизнь висела на тонкой нити. Долгих два месяца я приходил в себя, а затем ещё целый год отсиживался в психлечебнице, куда меня отправил отец. После подобного ты начинаешь ценить свою жизнь. Это были худшие

полтора года в моей жизни. Я ненавидел всех и всё. Я кричал на всё, начал ходить в спортзал, где от злости колотил грушу, выливая всю свою злость в каждый удар. Лучом света в моей, казалось бы, беспросветной тьме стала Даниэль. Кто мог знать, что она станет моим новым разрушением?

И сейчас я смотрю на Каролин и подавляю в себе желание вновь притронуться своими губами к её. Почувствовать её обжигающее дыхание на своей коже и услышать тяжелый вздох, что она выпускает из своей груди, словно ей тяжело отпустить это. И её страх поднять глаза, чтобы встретиться с моими, меня умиляет. Она продолжает смотреть на мои губы, и мне так хочется знать, что в этот момент творится в её голове.

Девушка подхватывается с места и подает мне руку. Я смотрю на врача, который что-то пишет.

— Это рецепт мази, которую можно купить на первом этаже в аптеке, — говорит он. Каролин помогает мне встать и подставляет мне свое плечо. Я стараюсь не сильно опираться на неё, как никак, я в разы тяжелее её.

Каролин берет клочок бумаги с названием лекарства и, небрежно скомкав его, кладет в карман. Как только мы выходим из кабинета, она сразу же садит меня на стул возле Кэмерона. Я недоволюсь фырчу. Какого чёрта он ещё здесь делает? И эта его сумасшедшая подружка уже всю крутится возле меня, словно ей не всё равно.

— Спускайтесь медленно вниз, а я пока что зайду в аптеку, — быстро проговорила блондинка. Достав из кармана записку врача, она нахмурилась, пытаюсь разобрать его почерк.

— Может, мне пойти с тобой? — произнесла Линдси. Она бесит меня ещё больше своего парня. Он хотя бы не так разговорчив.

— Нет, я быстро.

Я мысленно умолял Каролин о том, чтобы она быстрее возвращалась. Рядом с этими двумя я чувствую себя, мягко говоря, не в своей тарелке. Может, дело во мне, но мне эта парочка не нравится.

Я опирался на Кэмерона. В этот раз я не беспокоился о том, тяжело ли парню или нет. Мне вообще всё равно, что он даже думает обо мне после случившегося. Я хочу просто вернуться в свой номер мотеля и забыть о сегодняшнем вечере. День был чудесным. Сегодня мы с Каролин словно поменялись местами. Обычно я показываю своё недовольство, а сегодня она выглядела уныло, и я пытался сделать всё, что было в моих силах, чтобы изменить это. И я, похоже, неплохо справлялся с этим. Похоже, она не на шутку переживает об этом своем парне, Питере, но, тем не менее, она не против целовать меня, что может значить лишь то, что либо девушка таким образом хочет забыть о своем парне, или же что она уже о нем забыла. Почему-то мне хочется думать о том, что всё же она больше не любит его.

Пока мы успели спуститься на первый этаж (а скажу вам, это было так медленно, что я едва ли не уснул на плече у этого парня), то Каролин ждала нас уже внизу. Я даже вздохнул с облегчением. Но всю дорогу обратно к мотелю, она шла бок-о-бок с Линдси, болтая с ней о чем-то, когда я вынужден был вести беседу с Кэмероном, который откровенно говоря, показался мне немного туповатым. Мне показалось, словно он всё время поглядывал в сторону Каролин и непонятно улыбался. В такие моменты я особо пытался привлечь его внимание к себе. Хотя, эта ревность может быть напрасна, ведь он мог смотреть на Линдси, идущую рядом. И вообще... Может, это вообще глупо ревновать человека, с которым тебя

связывает лишь одна дорога на двоих и... может, что-нибудь немного больше.

Я был рад, когда на горизонте только показался мотель, где мы остановились. Мы остановились в нескольких метрах от него, чтобы попрощаться (наконец-то). Каролин обняла всех по очереди, и мне показалось, что объятия с Кэмерон длились немного дольше, чем должны были бы. Я получил также свою порцию объятий от Линдси. Это, конечно, мило, но не для меня. С парнем мы обменялись рукопожатиями.

Когда мы зашли внутрь, то на рецепции уже никого не было. Каролин помогла мне подняться наверх. Я чувствовал себя от этого неловко. Я не люблю принимать помощь, особенно от тех, кто по сути слабее меня.

— Дин, зачем ты соврал, что умеешь кататься на скейте? — словно строгая мамочка, Каролин закрыла за нами двери в моей комнате. Я сразу же упал на кровать, когда она осталась стоять, сложив руки.

— Потому что когда-то я умел это делать. Мне было лет восемь или около того, — я улыбнулся, но её выражение лица оставалось невозмутимым.

— Что если бы это было не растяжение мышц, а перелом? Чёрт, Дин, я думала, что ты будешь рассудительнее меня, но ты повел себя просто, как глупый ребенок, — выпалила девушка, отчего мне даже отчасти стало стыдно. Действительно, что я пытался вообще этим доказать? Кому я пытался доказать?

Между нами возникла неловкая пауза. Я мог слышать её равномерное дыхание. С каждым выдохом я чувствовал разочарование, что разливалось по всему её телу.

— В общем, вот твоя мазь, — она бросила маленькую коробочку на кровать. — Спокойной ночи, Дин.

— Может, ты останешься? — неуверенно спросил я, когда девушка уже развернулась и положила свою легкую ладонь на дверную ручку.

Ничего мне не ответив, она просто помотала отрицательно головой и, не показывая мне больше своего лица, ушла, громко хлопнув за собой дверью. Легкий осадок грусти остался у меня в душе. Этот день претендовал на то, чтобы быть отличным, но под свой конец свелся к тому, что превратился в полный кошмар.

Я не мог уснуть. Открыв свой ноутбук, я решил перед сном почитать блог Каролин. В тот раз я прочитал лишь последнюю запись. Тогда мне казалось, что этого достаточно для того, чтобы понять её. И хотя та правда немало удивила меня, но этого мне оказалось мало. Я прокрутил к самому низу, к самому началу её блога. И начинался он со слов не столь зловещих, как тогда. Он начинался так, как может начинаться блог обычной 15-летней девчонки с большим сердцем и совершенно отсутствующем чувством самосохранения перед большой опасностью, что могла её настигнуть в будущем.

Каролин

Утро настало неожиданно быстро. Я и не заметила, как уснула в наушниках, пересматривая на «YouTube» записи с выступлениями группы Питера. Я чувствовала за него некую гордость, когда видела, как толпа подпевает за ним строчки его же песен. Я помню, как восхищенно он рассказывал мне о казалась бы таких несбыточных мечтах, но вот теперь его мечта стала реальностью. Только не много ли жертв он принес для её достижения?

Стараясь перебить мысли о вчерашней выходке Дина, я погрузилась в ещё более угрюмые мысли о своих мечтах, которым так и не посчастливилось осуществиться. Чего я вообще достигла за свои двадцать лет? Погрузившись в пучину безграничной печали, я забила на учебу, отказавшись от образования вовсе. Свою мечту об модельном будущем я

тоже отложила на неопределенный срок. Я забыла о том, какой я была и какой хотела стать. Ведь с появлением Эвана в моей жизни я стала такой, какой он хотел меня видеть. Появление Питера в моей жизни тоже не изменило ситуации. Даже с ним я больше не смогла такой, какой была. И теперь рядом с Дином, я не чувствую, что обретаю вновь себя. Я чувствую, будто возрождаюсь вновь из пепла, в который я сама себя превратила. Но не становлюсь собой. Или может, по крайней мере, не могу ещё этого понять, так как уже давно уже не чувствовала себя собой. Всё время такое чувство, словно я играю какую-то роль, время от времени меняя маски.

На часах выбивало всего лишь семь часов, и я просто не понимала, зачем так рано проснулась. Всё же невзирая на то, что я уснула вчера в своей одежде, я не спешила идти в душ или хотя бы переодеться. Мой взгляд сразу же упал на небольшой бумажный пакет с газировкой и сухими кукурузными хлопьями. Не жалея своего желудка, я открыла коробку с хлопьями и начала их сыпать беспорядочно в рот, заливая водой. Я чувствовала себя свиньей, ведь маленькие хлопья летели мимо рта, падая прямо на пол, а пальцы слипались от газировки, что случайно пролилась и на кровать.

Стук в дверь заставил меня поперхнуться водой. Комок в разжёванными хлопьями пришлось выплюнуть в ладонь. Забежав быстро в ванную, я выбросила всю эту жуткую смесь в унитаз и смыла, чтобы убрать остатки своего позора.

Вид у меня до сих пор не подобающий для того, чтобы принимать гостей, особенно таких требовательных как Дин.

Открыв двери, я сразу же заметила парня. Он опирался на стену, от него приятно пахло, волосы были аккуратно уложены, а на лице светилась ослепительная улыбка.

— Чёрт, Дин, тебе обязательно быть таким идеальным с самого утра? — я открыла нараспашку двери, а сама упала на свою жесткую кровать, от чего сразу же зарычала от боли. Наверное, у меня теперь синяк будет рядом с тату. Надеюсь, чёрная краска сольется с синим пятном, и я хотя бы на время не буду видеть этого кошмара.

— Хотя кто-то из нас должен же быть идеальным? — фыркнул парень, но вскоре засмеялся. Как по мне, то такие шутки не уместны с самого утра.

— Почему ты так рано проснулся? — спросила я, наконец.

— А ты? — он сел на стул напротив моей кровати, и я подумала о том, что со стороны это выглядит наверняка так, будто я умирающая, а Дин провожает меня в последний путь, поэтому сразу же подскочила на месте. — Как твоя нога, кстати?

— Вроде бы уже лучше, но я всё ещё не могу ходить нормально, — в подтверждение своих слов парень попытался наступить на ногу, но его лицо сразу же исказилось от боли.

— Чёрт. И как же мы поедем дальше? — я повернула голову к окну, которое, я заметила только сейчас, было открытым. Ветер играл с легким тюлем, развевая его.

— Я надеялся на то, что ты умеешь водить, — сказал он, чем вызвал у меня истерический смех. Мой отец только недавно купил себе автомобиль и теперь возится с ним, как ребенок с новой игрушкой. Мама шутит, что скоро он будет спать с машиной. Хотя, честно говоря, мне кажется, что такое развитие событий вполне вероятно.

— Прости за такую реакцию, но... Ты хоть сам представляешь меня за рулем? Это было бы катастрофой, — я закатила глаза. Поднявшись с кровати, я направилась в ванную комнату. Оставив двери открытыми, я включила воду и начала умываться.

— Просто в последнее время ты меня немало удивляла, поэтому я был бы не удивлен, если бы в список твоих тайных увлечений входил бы и угон автомобилей, — парировал Дин.

Я хотела было что-нибудь ему ответить, но он перебил меня, не позволив даже мне подумать над тем, как бы сделать ответ ещё более ядовитым. — Подожди, что это? — парень поднялся резко с места и неуклюже подошел ко мне.

Сначала я посмотрела на него вопросительно, но когда его мягкие пальцы прикоснулись к моей открытой коже, я поняла, что не так.

— «Прости меня, Дин, я — дура»? — прочитал он, и улыбка коснулась его губ. Затем одна невинная улыбка переросла в громкий смех.

— Придурок, это твоё спасенье, — я одним резким движением ударила Дина по руке, потянув свой топ рефлекторно вниз. — Тот байкер сказал, что заберет заявление, только если я сделаю это, — я вытолкала парня из ванной, не беспокоясь о его ноге, и захлопнула двери у него прямо перед носом. Но затем я сразу же прислонилась ухом к двери, чтобы понять, не ушиб ли он ногу ещё больше. Всё, что я услышала это новая накатывающая волна смеха. И клянусь, в этот момент мне хотелось специально наступить ему на эту чёртову ногу, чтобы сделать больно.

— Это настоящее тату? — он продолжал издеваться надо мной, но я упорно игнорировала его. — Каролин, а он мог ведь запросить и другую плату.

От одной мысли о том, что мне пришлось бы спать с этим байкером, меня едва ли не стошнило.

— Каролин, можно я сфотографирую? Или у меня будет возможность увидеть её, когда ты будешь подо мной? — это был предел. Дин, кажется, сам не заметил, как перешел границу. На миг застыв, я просто не могла подобрать каких-либо слов, чтобы ответить ему что-то. Неужели он думает, что я настолько легкомысленная? Неужели я, похожа, на одну из тех девушек, с которыми я видела его тогда в баре. Ком обиды застрял у меня в горле, и невольно я почувствовала, как в уголках моих глаз набирались слезы.

— Каролин? — голос Дина пробился в моё подсознание.

Я резко отворила дверь. Теперь он стоял передо мной и имел весьма растерянный вид.

— Убирайся отсюда, — прошептала я, не в силах управлять своим голосом.

— Каролин, я не хотел обидеть тебя...

— Встретимся на парковке через час. Уходи, Дин, — утирая непрошенные слезы, я старалась говорить как можно спокойнее.

Приняв охлаждающий душ (ведь горячей воды здесь не было) я старалась привести свои мысли в порядок. Что я вообще делаю? Зачем я вообще решила кинуться вслед за Питером? Зачем я согласилась разделить дорогу с Дином? Зачем я хочу возродить воспоминания об Эване вновь? Зачем я делаю всё это?

Я переделалась в чёрную футболку и белую узкую юбку с завышенной талией, что была немного выше колена. Волосы я оставила в легком беспорядке, хотя мне уже не помешало бы и помыть голову. Взяв свой чемодан, я закрыла двери на ключ и спустилась вниз.

Дин ждал меня возле своей машины на парковке. Он вел напряженный телефонный разговор с кем-то. Уже не впервые застаю его за этим. Интересно, кто может его бесить ещё больше чем я? Заметив меня, парень отключился, наверняка, даже не дослушав своего собеседника до конца.

— И что мы будем делать дальше? — спросила я, когда мой чемодан уже был в багажнике, а наша проблема всё ещё не была решена.

— Похоже, выбора у нас нет, — ответил Дин, виновато пожав плечами. О чем бы он не подумал, но эта идея мне уже не нравилась.

На самом деле, всю «гениальность» идеи Дина было сложно даже представить. А идея его заключалась в том, чтобы одной ногой (та, что не повреждена) он мог бы нажимать на газ, а я, когда нужно будет нажимать на тормоз, просто должна резко успеть ладонью нажать на педаль.

— Дин, я не буду этого делать, — серьезно заявила я.

— Если тебе так сильно хочется, то мы можем остаться здесь ещё на один день, — спокойно ответил парень. Действительно, он, наверняка, никуда не спешит. Дин хороший манипулятор. Это должно быть помогает ему немало в бизнесе, но в жизни я бы советовала ему не применять такие приемы.

Я каким-то образом всё же просунула свою голову под руль, для пробной, скажем так попытки.

— Дин, эта педаль грязная, она вся в пыли, — начала жаловаться я, хотя, в принципе, это вроде как нормальное явление, что педали, на которые люди наступают ногами, грязные. — Достань у меня в рюкзаке влажные салфетки, — попросила я.

— Где именно? — он достал из заднего сидения мой рюкзак и начал рыться в нем.

— Спереди, в кармашке, — я чувствовала, как у меня уже затекает спина и шея, и уже пожалела о том, что сама не достала эти дурацкие салфетки.

— Привет, Дин! — чей-то звонкий, бодрый голос спугнул меня, из-за чего я рефлекторно подняла голову и ударилась ней об руль. Что за проклятье? — О, Каролин. Чёрт, ребята, я, кажется, вам помешала.

Я вернулась в нормальное положение и увидела смущенное лицо Линдси. Я могу только предположить, что она подумала о нас.

— Нет, мы ничем таким не занимались, — сразу же запротестовала я, когда на самодовольном лице Дина было написано, что он, на самом деле, был бы не против. Я мысленно ударила его за это. Взглянув на моё не весьма дружелюбное выражение лица, улыбка его исчезла.

— На самом деле, у Дина всё ещё проблемы с ногой, а я не умею водить, поэтому мы пытаемся решить эту проблему, — наверное, для Линдси это звучало не весьма убедительно, и она всё ещё придерживалась своих предположений, но всё же девушка утвердительно мотала головой в ответ, словно эта проблема ей знакома.

— Нам с Кэмероном нужно добраться до Индианы, и если вам хоть немного по пути, то мы могли бы помочь друг другу, — Линдси широко улыбнулась, просунув голову в окно.

Я поняла, что Дину эта идея вовсе не нравится, когда его руки сжались в кулаки, и все его тело напряглось. Он повернул голову ко мне и одними лишь губами произносил слово «нет». Я хитро улыбнулась, прикусив нижнюю губу. Подействовать на нервы Дину? Почему бы не сделать это?

— Отличная идея! Мы не против! — я положила свою руку на сжатую ладонь Дина и почувствовала, как медленно он тает.

Больше Дин не произнес и слова, пока мы ждали, когда Кэмерон и Линдси соберутся. На самом деле, вещей у них с собой никаких не было, лишь два пакета из супермаркета и всё. Я осталась сидеть спереди, когда Дину пришлось сесть на заднее сидение. Я подумала, что так будет лучше. По крайней мере, я не буду видеть его обиженное лицо следующие несколько часов. Кэмерон сел на место водителя, а Линдси удобно расположилась возле Дина. Кажется, всех всё устраивало. Или почти всех...

— А вы, ребята, куда едете? — спросил Кэмерон, обращаясь, будто только ко мне.

— На свадьбу моего отца, — ответил Дин, чем напомнил парню о том, что он всё ещё здесь. Кэмерон улыбнулся, а затем снова устремил свой взгляд на дорогу. Я посмотрела на Дина через зеркало. «Какая к чёрту свадьба?» — мысленно спросила я. Можно было бы придумать что-то более оригинальное.

— Это так мило. Вы красиво смотрите вместе, — произнесла Линдси.

— Мы всего лишь друзья, — выпалила я, пока Дин не сказал ещё что-то, что было бы не совсем правдой. Взглянув на него через зеркало, я поняла, что он таки хотел сказать то, что я думала.

flashback

Она стояла у старого антикварного зеркала и причесывалась. Это должна быть лучшая ночь в её жизни. Поппи и Молли обещали познакомить её наконец-то с Эваном, парнем, о котором она так много наслышалась. От одних лишь рассказов о нем, Каролин уже млела в предвкушении увидеть его собственными глазами. Ей приходилось видеть его несколько раз мельком, но попасть в его круг общения ей посчастливилось лишь теперь, чему она уже была несказанно рада.

— Каролин, вот ты где! Я прождал тебя у цветочного магазина около часа, почему ты так и не пришла? — Кристофер так не вовремя появился в двери её комнаты.

— Крис, прости, пожалуйста, я совсем забыла о нашей договоренности, — быстро прошептала девушка, поправляя в последний раз своё милое чёрное платье на бретельках.

— Ты же знаешь, как это важно для меня. До конца лета мне нужно сделать портфолио, чтобы меня приняли в Академию Искусств. Я надеялся, что ты поймешь, как это важно для меня, — он опирался о дверной косяк, продолжая наблюдать за Каролин, что в суете, казалось, даже и не слушала его.

— Конечно, я понимаю всё. Когда ты твердишь об этом всё время, то тяжело забыть об этом. Но я думала, что ты уже назначил встречу с Лейтон. У вас уже был первый поцелуй или вы всё ещё на той стадии, когда краснеете, когда ваши руки случайно соприкасаются? — Каролин даже и не взглянула на него, ведь теперь она красила свои сладкие губки розовым блеском. Кристофер знал, что прямолинейность всегда была отличительной чертой девушки, поэтому скромная улыбка появилась на его лице. Он опустил вниз кудрявую голову, отдавая Каролин должное, ведь она в который раз была права.

— Я не уверен, что она оправилась после отношений с Реем, поэтому я ей нужен пока что только как друг, — он неуверенно пожимает плечами, ведь боится признаться в том, что он просто жалкий трус, который не в состоянии даже признаться в любви девушке, которую любит уже чуть больше трех лет.

— Я тебе почти поверила, — Каролин повернулась к нему. Заметив на её лице броский макияж, Кристофер и не узнал её. Уже после того, как она впервые осветлила свои волосы, он понял, что эти изменения не будут последними в её жизни, тем не менее, всё это Крис сваливал на переходной возраст, который, знает каждый, является не самым легким в жизни каждого человека.

— Надеюсь, завтра наши планы ничего не сможет разрушить? — Кристофер попытался перевести тему, хотя с Каролин эта попытка была тщетна, и ему стоило догадаться об этом заранее.

— Приходи вместе с Лейтон. Ты мог бы сделать несколько хороших снимков нас обоих. Знаешь, она довольно-таки милая, — Каролин ядовито улыбнулась, и он знал, что скрывалось за этой улыбкой. Она собиралась сама рассказать обо всем Лейтон. И это было не на руку ему.

— Ты ведь собираешься на встречу с Эваном Коллинзом? — улыбка её поникла. Он тоже знал, куда нужно наносить удар. — Передай ему, что я помню о двадцатке, которую он мне задолжал ещё неделю тому назад, — непринужденно произнес парень, хотя ожидал того, что Каролин это точно должно удивить. Ещё утром он слышал, как она говорила по

телефону с одной из своих подруг, обсуждая великолепие Эвана. Конечно, ему хотелось бы, чтобы предметом обсуждений был он сам, но Кристоферу было не впервой быть аутсайдером.

Каролин была действительно поражена до глубины души такого рода заявлением. Каким образом Кристофер, которого она знала столько сколько помнила себя, имя которого в этом городе могла знать лишь она (и разве что ещё Лейтон, для которой он стал надежным плечом, в которое она могла поплакаться после расставания со своим парнем), мог вообще быть знакомым с Эваном, имя которого на слуху почти у всего города.

— Крис, ты знаком с ним? Какого чёрта? Ты же знаешь, как я упадаю за ним, — укоризненным голосом произнесла обиженная девушка. Но посмотрев на часы, она поняла, что нет времени на разборки. — Я поговорю с тобой позже, Кристофер. И это будет серьезный разговор, — смело произнесла девушка, проходя мимо него. Но Крис знал, что это лишь пустословье, тем не менее, надел на лицо такую гримасу, словно принял эти слова близко к сердцу.

Близняшки Поппи и Молли уже ждали её на улице. Полли была брюнеткой с челкой, а волосы Молли были окрашены в белый цвет, что позволяло окружающим отличать их друг от друга. Они сплетничали, обсуждая свою новую подругу:

— Ставлю бутылку шампанского на то, что Эван переспит с ней уже сегодня, — самодовольно заявила Поппи, поправляя свои волосы, с которыми играл легкий летний ветерок.

— Если он так поступил с тобой, это не значит, что так он поступает с каждой.

— Прости, милая. Я совсем забыла, что с тобой он переспал на второй день, — Поппи удалось уколоть сестру по больному месту. Им стоило бы меньше делиться секретами друг с другом.

— Это был проект по биологии. Напряжение возрастало с каждой секундой, — лицо Молли запылало красным от стыда. Ей было досадно признавать, что и она поддалась чарам этого темного парня.

Заметив на горизонте Каролин, что неслась к ним с яркой ослепительной улыбкой на лице, обе умолкли. Они многозначительно переглянулись между собой. Отметив для себя внешний вид Каролин, им уже был известен ответ.

Сестры разместились на двух передних сидениях папиного кабриолета, когда Каролин ловко запрыгнула на заднее. Сунув голову между ними, она не могла перебороть своё волнение. Это состояние было такое не типичное для вечно уверенной в себе и язвительной Каролин, но она не замечала того, как быстро переменилась. Её мысли были заняты совершенно другим. Она не могла перестать думать о предстоящей встрече с парнем, что сводил её с ума одним лишь своим внешним видом. Каролин уже в десятый раз спрашивала Поппи и Молли об Эване, но те лишь усмехались глупости и наивности их новоиспеченной подруги.

Когда они, наконец, подъехали к пабу, Каролин была первая, кто выпрыгнул из автомобиля. Сестры не переставали удивляться её глупости и в то же время некому обаянию. Она была слишком мила для Эвана. Даже в этом чёрном платье на бретельках и с этим темным броским макияжем она не выглядела взрослее. Она по-прежнему выглядит как ребенок. А Эвану такие девушки не нравятся. Молли и Поппи хорошо об этом знают, но они уже в предвкушение представления, что норовит показать им Каролин.

Они без проблем вошли в душливый паб. Никакого клуба не было в их маленьком

городке, тем более, Каролин была ещё слишком мала хотя бы для того, чтобы её хотя бы кто-то пригласил туда, поэтому паб, находящейся в центре маленького уютного городка стал самым оптимальным вариантом для всех.

Облако дыма сразу же вылетело из здания, стоило им лишь открыть двери. Сигаретный дым сразу же вьелся в кожу молодых девушек, но лишь Каролин ощутила его ядовитость, задохнувшись, она начала кашлять. На секунду она остановилась, не в состоянии даже двигаться, ведь дым попадал ей и в глаза.

— Выпей, милая, — кто-то протянул ей стакан с прозрачной жидкостью. Поблагодарив доброжелателя, девушка сразу же перевернула стакан и выпила содержимое. Её горло жгло так сильно, словно она вылила в себя керосин и бросила следом зажжённую спичку. Она должна была быть готовой к тому, что в таких местах не подают лимонад или свежесжатый фреш. Затем она почувствовала, как кто-то шлепнул её по заду, отчего ей стало не по себе. Быстрым шагом она догнала своих подружек, которые уже были у стола, за которым был и он.

Каролин заметила макушку Эвана издали и сразу же попятилась. Он был так близко, что ей стало страшно. Страх парализовал её тело, и девушка просто не могла двигаться. Его взгляд упорно исследовал экран телефона и всё, что его окружало, его не волновало. Его тело было расслаблено, он почти что лежал на мягком оббитом кожей диванчике.

— Каролин, чего ты там стоишь? Ты же сама хотела познакомиться с Эваном, — крикнула Поппи, разместившись возле своей сестры. Щеки девушки запылали красным. «Теперь он ещё и будет думать, какая я настырная» — подумала Каролин. Она ведь такой никогда не была? Хотя, она сама уже начала в этом сомневаться.

Эван поднял глаза, услышав и своё имя. Его взгляд остановился на худой фигуре девушки в платье, что неоправданно висело на ней. Она выглядела напуганной, и это ему нравилось. Обычно в его присутствие девушки притворяются слишком самоуверенными, и его бесит эта напыщенность. Но этот невинный цветок так и норовил, чтобы именно он, Эван, сорвал его.

Девушка неуверенно подошла к столу. Заметив, что единственное свободное место было возле Эвана, она села на самый край дивана, несмело улыбнувшись ему. За столом было два парня. Каролин заметила новое лицо напротив себя.

— Эндрю, — произнес парень, игриво улыбнувшись ей. Он даже не собирался флиртовать с ней, ведь точно знал, для кого она была приготовлена.

Эван приблизился к ней немного ближе. Их бедра прикасались друг к другу, и румянец вновь выступил на её щеках. Это казалось ему забавным. Он всё ещё не выпускал из рук телефона, ведь ждал сообщения от другой девушки. Они были друзьями когда-то, но влюбившись в неё, этот период жизни просто исчез в его памяти, словно эта любовь заполонила каждую свободную ячейку его души, погубив всё остальное. Ядовитым дымом она отравляла и его, и каждого, кто был около него. Каролин стоило бы быть на чеку.

Любимая девушка Эвана вовсе ему не принадлежала. Через месяц у неё свадьба с каким-то придурком, у которого незапятнанная репутация и светлое будущее впереди, а он должен продолжать притворяться заботливым другом. Но он не может просто отпустить её, ведь это равносильно тому, чтобы совершить самоубийство. А умирать Эван не хотел. Хотя и сам не знал ещё того, что уже давно умер.

Вечер не застывает на одном моменте. Группа молодых людей заказывают себе алкоголь и креветки, как закуску. В маленьком пабе, нет чего другого и ждать.

Когда им принесли несколько пинт с пивом, Каролин сначала не решалась пить. Её губы лишь легко касались краев большого пивного бокала, которого казалось бы хватило для того, чтобы она опьянела, а затем ставила обратно на стол. От креветок её тоже воротило. Даже внешний их вид не особо нравился ей.

Долгожданная встреча с Эваном оказалась для неё провалом. Девушка то и дело, либо страдает от переизбытка его внимания. Её кожа горит на том месте, куда он направляет свой взгляд. И чёртово колено дёргается, словно в конвульсиях. То ли Эван вовсе не замечает её присутствия. Он то и дело смотрит на экран своего телефона и улыбается. В эти моменты Каролин не стесняется глядеть на него и любоваться улыбкой, которую ей навряд ли придется увидеть на его лице, когда он будет смотреть на неё.

— Пошли, покурим? — он толкает девушку локтем в бок, нахально выпихивая за стола. Сестры усмеваются, когда замечают на лице Каролин немой вопрос. Она будто спрашивает у них, что ей стоит делать, но они лишь усмеваются, перешёптываясь между собой.

— Я не курю, — тихо произнесла девушка. Ещё в начале вечера она хотела произвести на Эвана «правильное» впечатление, но теперь она просто была напугана. Если бабушка учует от неё сигаретный дым, то она тут же отправится домой в Амстердам.

На лице Эвана появилась ухмылка. Она ещё действительно очень юная для него. Он просто хотел избавиться от неё скорее и закончить с этим недоразумением.

Ничего больше не сказав, парень просто схватил её за локоть и потащил за собой на выход. Холод сразу же встретил их снаружи. Каролин сложила руки в попытке согреться. Без долгих раздумий Эван накинул ей на плечи свою рубашку, оставшись в одной лишь тонкой футболке, что плотно прилегала к его телу. Каролин буквально чувствовала огонь, что бил из парня изнутри. Она хотела было прижаться к нему и стоять здесь, не возвращаясь больше в это жуткое место. Как жаль, что никто не сказал ей, что это огонь из самого ада, которым являлась его душа.

— Я сейчас вызову такси, и ты поедешь домой, — наконец, произнес парень, набирая уже нужный номер.

Каролин подняла голову. Его лицо было так близко к ней. Ей нужно было всего лишь немного приблизиться ещё на сантиметр ближе, чтобы коснуться его сухих потрескавшихся губ. А ещё нужно было убить любовь к другой девушке, но об этом Каролин не знала.

— Я никуда не поеду, — она положила свою ладонь на его. Эван отдалил телефон от уха, девушка-оператор что-то говорила, но никто её не слушал. В конце концов, парень просто сбросил звонок и спрятал телефон, наконец, в карман своих старых потертых джинс.

— Если тебе так угодно, можешь идти пешком. Но в этом платье ты норовишь найти на свою тощую задницу очень много неприятностей, — злобно прошипел Эван, приблизив своё лицо к её. Девчонка выглядела вполне решительно, но он точно знал, что это наигранное чувство. Он вызывает у неё страх. Но превыше всего — восхищение.

— Я не сдвинусь с этого места, — она и сама не могла понять, откуда у неё взялось так много самоуверенности, но Каролин внезапно почувствовала, что не хочет терять возможности, что ей сама судьба предоставила. Тем более, если она сдастся, дома ей придется увидеть Кристофера, выражение лица которого говорит само за себя «Кажется, у тебя и это не получилось».

— Воспаление легких ты будешь лечить где-то около двух недель. Тогда ты точно не сможешь сдвинуться с одного места, — он продолжал отвергать её. Она милая, довольно-

таки глупая, и к тому же нравится ему, но Эван останавливал себя от того, чтобы не использовать её, как других. Он боялся ответственности, что придется понести. «У неё, наверняка, и первого поцелуя ещё не было» — мысленно говорил парень. Но другой голос повторял — «Ты всё равно уже не вернешь Элли, а она довольно-таки красивая».

— Почему ты так сильно хочешь избавиться от меня? Чем я хуже других девушек?..

Но не успела Каролин договорить, как его горячие мягкие губы прижались к её. Эван прислушался ко второму голосу. Он усмехнулся, когда её рот неуверенно приоткрылся, впусив его настойчивый язык внутрь. Она, похоже, и в правду никогда не целовалась прежде. Сладкий вкус невинности сорвался с её губ, его забрал себе Эван.

На мгновенье, потеряв своё самообладание, он закрыл глаза и представил, что целует другую девушку. Мгновенье переросло в вечность. Эван увлекся. Каролин чувствовала, как теряет землю под ногами. Ей казалось, будто она чувствует в его поцелуе горечь, но когда это затянулось, то она не могла уже чувствовать что-либо.

Стоило Эвану открыть свои глаза, как его сердце болезненно сжалось. Это была не она. Губы Каролин продолжали пылать, даже когда парень отстранился немного. Теперь уголёк из его ада был и у неё внутри.

— Ладно, давай уберемся отсюда, — он взял её за руку и куда-то повел. Не сдерживая себя от радости, Каролин сильно сжала его ладонь в своей, словно боялась, что в любую секунду он отпустит её. И он мог бы сделать это, если бы не хотел забыться этой ночью. И для этого своей жертвой он выбрал именно её.

Эван повел Каролин туда, где ей ещё не приходилось бывать. Хотя, она приезжала в Англию каждое лето, но он показал ей неисследованные до тех пор уголки этого городка. Но она не смотрела даже под ноги, не говоря о том, какие места они посещали. Она плелась за ним, не веря в происходящее.

— Подожди меня здесь, ладно? — попросил парень, когда они остановились возле какого-то дома. Свет в окнах был выключен, но лишь тусклое маленькое пятнышко рябело у неё перед глазами. Вероятно, кто-то зажёл свечи.

— Я хочу с тобой, — упрямо заявила девушка, опасаясь оставаться одной на незнакомой улице в окружение крошечной темноты.

— Я не думаю, что ты понравишься моим друзьям. Жди здесь, — быстро проговорил он, а затем просто шмыгнул за двери. Без стука, он просто вошел, как будто себе домой.

На самом деле, Каролин понравилась бы его друзьям. Ещё в пабе он заметил, как смотрел на неё Эндрю. Она была лакомым кусочком, особенно в этом открытом платье, она так и приманивает к себе неприятности. В большей мере он опасался того, что заметив его с кем-то, информация быстро дойдет к Элли. Хотя, Эван точно понимал, что она никогда не будет его, но ему не хотелось, чтобы она узнала о том, что в его сердце помимо неё может быть ещё кто-то.

На улице становилось всё холоднее. Каролин всё ещё была в рубашке Эвана. Лишь оставшись наедине с собой, первое, о чем она подумала, это была мысль о том, как же ей повезло. Она обхватила тонкими пальчиками воротник рубашки и вдохнула его запах. Но внезапно в её светлую голову стремительно ворвалась мысль о том, сколько же девушек утром просыпались в этих рубашках. Каролин быстро отогнала эту мысль, на этот раз подумав о том, что вот она стоит посередине темной незнакомой ей улицы ради парня, которого едва знала. Но у неё в голове кружило, и страху не было места в её подсознании, ведь это был вечер исполнения тайных желаний.

Эван не заставил себя долго ждать. Не успела Каролин и замерзнуть, как он вернулся. Она ещё не знала, но в кармане у него уже был уготовлен для неё пакетик с наркотиками. Потом Эван велел Каролин молчать, поцеловав её бегло в губы. Эта игра немного затянулась, но ни один из них не заметил этого.

Заброшенный старый парк аттракционов был идеальным местом для того, чтобы принять немного наркотиков. Эван часто проводил здесь время со своими друзьями. Кто заявится в парк ночью? Ещё и заброшенный парк. Даже копы не догадываются о том, что происходит здесь ночью.

Ночью большие аттракционы напомнили Каролин застывших на месте железных монстров. Старые ржавые сооружения были на грани того, чтобы разрушиться. Но для неё здесь всё только началось.

Но у него в плане не было вредить ни себе, ни ей. Он просто хотел открыть ей мир. Эван не на шутку зажегся тем, чтобы стать первым для девушки, что затронула струны его души. Она лишь легонько, словно весенний ветерок, прикоснулась к ним, тонкими пальцами едва ли задев их, но по крайней мере, это отвлекало его немного от мыслей об Элли.

Эван сел на качели, что неприятно закрипели под весом его тела. Достав пакетик с белым порошком, он поманил девушку к себе. Но вместо озорного огонька в глазах, что ему, казалось, не гаснул в её глазах всё время, что они были вместе, он увидел в них страх. И это разжигало в нем настоящий костер.

— Иди сюда, — Эван похлопал себя по колену. Каролин совсем на ватных ногах подошла к нему и присела. Одной рукой он сразу же придержал её, чтобы не упала. Сзади она так сильно похожа на Элли, что это даже сводит его с ума.

— Эван, я не думаю, что это хорошая идея.

— Ты ведь ещё даже не пробовала. Или тебя ждет твоя маленькая кроватка? Время уже не детское, если ты пойдешь спать, я пойму, — теперь он точно знал, за какие ниточки нужно тянуть, чтобы марионетка по имени Каролин делала то, что он ей скажет.

Тень сомнения всё ещё была на её лице, но девушка пыталась отчаянно подавить в себе этот страх. Она неуверенно кивнула головой в знак согласия.

Всё ещё придерживая её одной рукой, Эван высыпал себе на тыльную сторону ладони маленькую дорожку.

— Ты знаешь как...

— Я знаю, — она попыталась улыбнуться, но получилось не весьма убедительно. Вдохнув полную грудь прохладного воздуха, словно сейчас она погрузиться под воду, Каролин немного нагнулась. Зажав одну ноздрю пальцами, девушка втянула порошок в себя. Она ожидала какой-то реакции, но всё, что чувствовала девушка, это как щиплет у неё в носу.

— Вот, видишь, ничего страшного, — прошептал он ей на ухо, а затем словно подарок за это наградил поцелуем. Голова Каролин вновь вскружилась, но в этот раз дело было не в его поцелуе или прикосновении. Наркотики начали действовать.

Девушка отстранилась от него. Её глаза всё ещё были закрыты. Голова вдруг заболела так сильно, словно она была гонгом, в который кто-то стукнул мощным молотком. Но в следующую секунду она разразилась смехом. Открыв глаза, она не видела ничего, ведь картинки расплывались и от этого ей было смешно.

Эван подхватил её на руки, усадив на качели.

— Держись, — сказал он ей. Каролин обхватила обеими руками за ручки качели. И он

начал раскатывать её. Всё выше и выше. К самим небесам. Заливистый смех девушки был слышен Богу. Он посмеивался над ней там, наверху. Глупый ребенок. Почему ты всё ещё не можешь понять, что ты уже в опасности?

Затем она начала ощущать, как теряет самообладание. Руки немели, а вместо смеха наружу вырывались слёзы. Каролин начала кричать, молить Эвана о том, чтобы он перестал раскачивать качели, но он нарочно не слушал её. А затем Каролин умолкла. Руки сцеплены на железных рукоятках, а голова повисла. Она потеряла сознание. Кажется, лишь это смогло привести в чувство Эвана.

Он резко затормозил качели. Сев на цыпочках, парень обхватил её лицо своими большими ладонями. Из её носа текла кровь.

— Вот чёрт, — прошептал он. Эван отпустил её лицо и подхватился с места. Сначала парень достал свой телефон, но затем остановился. Кому он позвонит? В полицию, чтобы его забрали за распространение наркотиков? Или в скорую, откуда его в любом случае тоже отправят в полицию.

Но затем в его голове всплыл идеальный вариант. Альтернатива, которая устроила бы всех. По крайней мере, его, остальное его не беспокоило. Дрожащими пальцами Эван набрал знакомый номер, который он стер из памяти телефона, но не из собственной.

— Алло, Крис? Я с Каролин в старом парке. С ней, кажется, не всё в порядке.

Уже вторую неделю подряд Кристофер следил за каждым её движением, не отпуская от себя ни на шаг. Каролин уже порядком надоело постоянно гулять в компании занудного брата и его такой же занудной девушки. Вообще рядом с ним она чувствовала себя лишней. Время от времени Крис и Лейтон, конечно же, обращали на неё внимание, особенно при попытке её уйти от них, но эти прогулки не были тем, в чем она нуждалась. Её тянуло к нему. Она искала его взглядом и, казалось, где бы ни была, в каждом незнакомце видела его лицо. Но ни один из этих незнакомцев не был Эваном.

Уже три дня небо плакало проливным дождем. Каролин закрылась в комнате. Наконец-то, у неё выпала возможность побыть немного без Кристофера. Его присутствие в её жизни уже порядком надоело. Постоянный контроль сопровождался ультиматумом, что он обязательно расскажет бабушке о том, что она принимала наркотики. Она не могла этого допустить, поэтому просто делала то, что он ей говорил.

Каролин включила компьютер, но не знала, чем себя занять. Не хотелось читать, что-либо смотреть. Не было настроения и для того, чтобы оставить запись в блоге. Количество её подписчиков росло, но сейчас её не мотивировало даже это.

Тем не менее, в первую очередь она зашла на свою страницу на Тамблере. Последнее обновление было неделю назад. Она загрузила новые фотографии, сделанные Кристофером. Он был профессионалом своего дела, но ей больше не нравилось то, как она выглядит на этих фотографиях. Её лицо, будто тусклое без и капли косметики, волосы в легком беспорядке, ей не нравится, как с ними играет ветер, ей нравится, когда с ней играет Эван. И это милое белое кружевное платье ей вовсе не по вкусу.

— Как он может полюбить меня в таком виде? — промычала девушка, спрашивая у себя. Но комментарии к снимкам гласили о том, что есть те, которым она нравится. Её бесило, как лицемерные люди писали ей, что она красивая, даже не зная её. Листая отзывы к фотографиям, она даже не читала их. Но внезапно кнопка мышки заела. Тихо ругнувшись, Каролин терпеливо начала ждать того, когда всё придет в норму. Ей на глаза попался один из комментариев.

«Мисс ван дер Берг, проверьте свою электронную почту.»

Кнопка мышки вовремя заработала. Даже не удосужившись, посмотреть от кого вообще было написано подобное сообщение, она сразу же зашла на свою почту. Девушка не знала, чего и ждать. Это не звучало, как угроза. Но с другой стороны, ничего хорошего в этом комментарии тоже вроде бы не было.

Её сердце выскакивало из груди. Оно с такой силой и трепетом ударилось об её грудную клетку, словно норовило выскочить из тела.

На электронной почте она заметила два новых сообщения. На автомате девушка открыло первое.

«Здравствуйте, мисс ван дер Берг.

Модельная компания IT-models приглашает Вас к сотрудничеству. Ваши снимки понравились нам, поэтому советом было принято решение предложить Вам контракт. Возникает лишь одна проблема, по контракту модели должно быть шестнадцать лет. Но и этот аспект совет рассмотрел. Мы согласны ждать, пока Вы окончите школу, мисс.

Оставляю Вам свои контактные данные. Если предложение условия устраивают Вас, то

свяжитесь с нами для более детального обсуждения наших дальнейших действий.

С уважением,

Администратор по работе с моделями, Мэделин Гаррисон»

Каролин до конца не могла понять, что вообще произошло. Она перечитывала письмо до тех пор, пока к ней не пришло осознание того, что это она мисс ван дер Берг, что это письмо пришло на её электронную почту, и что администратор IT-models оставила ей свои контактные данные, пригласив к сотрудничеству.

Девушка подскочила на месте и просто начала носиться по комнате, не зная куда деть себя от радости. Затем она снова прыгнула на свой крутящийся стул на колесах, едва ли не сломав его спинку, и приблизилась к компьютеру. Там было ещё одно письмо. Может, оно тоже от Мэделин?

Но когда её глаза встретились с именем отправителя, её рука зависла в воздухе, не решаясь нажимать на кнопку мыши. Эван. Она так долго ждала случайной встречи с ним или чего-то подобного, но вот он сам написал ей, а ей страшно.

Настроение Каролин за долю секунды переменялось из радостного в угнетающее. «А что, если он написал о том, как сильно ненавидит меня? Что если он не хочет меня больше никогда видеть?». Мысли, словно пыльные бабочки засоряли её голову. В конце концов, она просто открыла письмо.

«<i>Может, встретимся в старой вафельной неподалеку от твоего дома?</i>» — гласило сообщение. У девушки отняло на миг язык. Это сообщение точно предназначалось ей, или же Эван просто случайно отправил его ей? Она завизжала от счастья, но совсем тихо, чтобы Кристофер, находящийся за стеной, ничего не услышал.

Взяв себя в руки, Каролин всё же пришло в голову посмотреть на дату, когда было отправлено письмо. И случилось это четыре дня назад, когда маленький английский городок ещё не оказался под дождливой тучей, что выжимала из себя воду вот уже почти половину недели.

Каролин была очень сильно взволнована, чтобы заметить, что он даже не спросил у неё о её самочувствии. И то, что первое сообщение он прислал лишь через неделю после того, как всё случилось. А ещё ей стоило бы знать, что он написал ей лишь из-за скуки и ярости, что словно яд разъедала его тело, ведь его любимая совсем скоро будет не его. Если бы она знала... Тогда этот мотылек не летел бы так отчаянно к огню, а поберег бы свои хрупкие крылья.

«<i>Прости, я только сейчас прочитала... Твоё предложение ещё в силе?</i>» — она сжала руки в кулаки и сразу же закрыла глаза, как только нажала на кнопку «отправить».

Услышав характерный звук приходящего сообщения, она открыла широко глаза. Закусив нижнюю губу от волнения, девушка едва ли не прокусила её.

«Я уже в вафельной. Тебе хватит пятнадцати минут, чтобы собраться?» — её глаза бегали по строчкам, а мозг всё ещё отказывался понимать происходящее.

Спохватившись с места, Каролин сразу же упала со стула. Земли не было у неё под ногами, а перед глазами пелена, клубы серого дыма, разъедающего легкие. Дыма, который выдыхал Эван. Из её носа сочилась кровь, но она проигнорировала это, надевая через голову белую рваную футболку и шорты. Накинув сверху вязаный кардиган, Каролин решила, что этого будет достаточно. Небрежно проведя расческой по волосам, девушка схватила сумочку и двинулась к выходу. Тихими шагами она прошла к коридору, одела старые кеды и уже хотела также незаметно выйти из дома, как её всё же поймали в побеге.

— Куда ты собралась? — Кристофер стоял перед ней, сложив руки на груди. Иногда, когда он включал режим родителя, то становился невыносимым. Обычно Каролин находила его хорошим советчиком и другом, но в последнее время он то и дело выводил её из себя.

— Бабушка забыла зонт дома и просила меня, чтобы я принесла ей, — она схватила старый бабушкин зонт и ткнула его парню едва ли не в нос. Складки на его лбу гласили о том, что он всё же сомневался в правдивости её слов.

— Крис, её зонт у меня в руках. Видишь? Когда ты начнешь мне доверять? — непринужденно произнесла девушка. Каролин точно знала, что этот прием сработает, ведь когда Кристофер сомневался, то у неё легко получалось убедить его в своем вранье.

— Я буду тебе доверять тогда, когда ты поклянешься мне, что больше не будешь встречаться с Эваном.

— Какой же ты занудный, — девушка скривилась. Она не хотела клясться, ведь именно в этот момент как раз собиралась на встречу с ним. И он нужен ей. Она нужна ему. И пусть предостережения Кристофера имеют смысл, но ей всё равно. Каролин будет слушать сердце, что ведет её на верную смерть.

Но Крис продолжал выжидающе на неё смотреть. Её уловки уже давно на него не действовали, хотя он позволял думать ей, что она права.

— Ладно, клянусь, — произнесла бегло девушка, скрестив за спиной пальцы. — А теперь я пойду. На улице ливень, — произнесла она и быстро вышла из дома, пока парень не заметил кое-чего. Во-первых, того, что на полке не хватало двух зонтов — его и бабушкиного. Старушка случайно воспользовалась его зонтом, дав своей внучке шанс смухлевать. А во-вторых, Крис даже логически не успел прийти к выводу, как бабушка вообще в такой ливень смогла выйти из дома без зонта?

Лейтон, которая вышла ему навстречу отвлекла его, поэтому больше он даже не пытался думать о том, обманула ли Каролин в который раз или нет.

Слома ноги, Каролин неслась навстречу Эвану. Она не смотрела под ноги и наступала на лужи. Вода уже успела просочиться через ткань кед, но ей было всё равно. Ветер задевал старый зонт и едва ли не выворачивал его наизнанку. В конце концов, девушка просто закрыла его. Холодные дождевые капли растворялись, едва ли успевая упасть на её кожу. Тот уголек из личного ада Эвана горел теперь и в ней, обжигая всё вокруг.

Он стоял на улице. Его чёрные смольные волосы были мокрыми и блестели под тусклым светом, которым светилась вывеска вафельной. Эван курил. Дым заполнял его легкие, но ему ничего не было страшно. Даже саму смерть он смело называл «сестрой». Он часто приглашал её в гости, о чем говорят белые полосы на его руках, но она к нему так и не пришла.

Выкуривая почти до самого основания сигарету, он небрежно выкидывает её. Каролин нравится каждое движение, что он делает. Знала бы она, что и с людьми Эван поступает также, восхищалась бы она им и дальше?

Эван уже хотел было обратно зайти в вафельную, когда заметил Каролин. Словив его взгляд на себе, она вновь почувствовала неуверенность и страх перед ним. У неё подкашивались ноги, чем ближе она была к нему.

— Пр... — только и успела сказать девушка, как Эван просто заткнул её поцелуем. Грязный поцелуй заткнул громкие мысли девушки. Как только они отдалились друг от друга, улыбка коснулась её губ. Каролин упорно продолжала думать, что он влюбился в неё. Но Эван не любил никого кроме одной девушки, которой Каролин в действительности не была.

Когда Эван отстранился от неё, но продолжил смотреть ей прямо в глаза, то Каролин и не заметила, что таилось за этим взглядом. А ведь он смотрел на неё, как смотрит хищник на свою жертву. Вот она уже в его цепких лапах, но что-то останавливает его от того, чтобы поглотить её полностью, поэтому он просто выжидает. А глупая жертва ослеплена красотой своего насильника, сама так и норовит быть съеденной. Глупая, он непременно сделает это. Только подожди.

Эван открыл двери, пропустив Каролин вперед. Их пальцы переплетались. Девушка так сильно боялась отпустить его, она хотела чувствовать его присутствие каждой клеткой своего тела. Она хотела не только держать его за руку, но не переставать целовать его, беспрестанно слышать его голос и видеть улыбку. Жертва со склонностями маньяка. Каролин, стоило бы записаться на прием к психотерапевту.

Людей внутри было немного. Правду говоря, кроме официанта, повара и директора, что за одним из столиков что-то считала, здесь больше никого не было. Когда молодые люди оказались внутри, никто даже и не обратил внимания на них. Они сели за один из столиков.

— Я сделаю заказ, — сказал Эван и поспешно вышел из-за стола, едва ли только успев присесть.

Он даже не спросил, что она будет. Но Каролин это не беспокоило. Девушка смотрела через большое окно, и её мысли крутились вокруг одного. Она снова обманула Криса. «В конце концов, он достал меня своей гипер-опекой» — убеждала себя Каролин, но ей всё же было не по себе. Кристофер всегда заботился о ней, всегда поддерживал её и лишь благодаря ему, её пригласили в это модельное агентство. Она слишком несправедлива к нему...

— Я заказал тебе молочный коктейль, — Эван поставил перед ней большой стакан с коктейлем. У него же в руках был большой стакан с пивом. Мысли о Крисе мигом улетучились из её головы.

— Я уже не ребенок, — сердито заявила девушка.

Эван лишь ухмыльнулся.

— Тебе всего лишь пятнадцать. Ты ещё ребенок, — он рефлекторно достал телефон из кармана и проверил нет ли новых сообщений. «Как тебе?» — прочитал парень. Это было сообщение от Элли. Не сдержавшись, он открыл новое уведомление. Его любимая была в прекрасном белом кружевном платье с широкой коричневой лентой, что перевязывала её тонкую талию. На ней не было макияжа, а волосы беспорядочно раскинулись на её голых плечах. Он улыбнулся.

«Замечательно» — отписал Эван, а затем вновь заблокировал телефон.

Каролин терпеливо ждала, когда он закончит с этим и спрячет телефон, чтобы продолжить. Она точно знала, что сейчас он не будет её слышать, поэтому продолжила лишь, когда телефон был спрятан в карман, а внимание Эвана вновь принадлежало ей.

— Зачем ты тогда пригласил меня сюда? Зачем снова поцеловал? — пара шоколадных глаз уставились на парня. Он выдерживал её взгляд, задавая в уме себе тот же вопрос. Он снова усмехнулся, первым отвел взгляд. Сложно было дать однозначный ответ. Даже самому себе.

— Позволь мне тогда стать частью твоего мира, — её ладонь накрыла его. Каролин заметно волновалось, поэтому её ладошки вспотели. Ему нравился сам тот факт, что он заставляет её так сильно волноваться.

Затем он сделал так, чтобы его ладонь лежала поверх её. Глупая улыбка появилась на лице девушки, когда её взгляд опустился на их руки.

— С чего начнем? — спросила Каролин, закусив нижнюю губу. Она сама зашла в эту клетку, ещё и громко захлопнув за собой дверь, и проглотила ключ, что мог быть единственным спасением.

С этого момента Каролин перестала принадлежать самой себе. Она быстро подружилась со всеми друзьями Эвана. Хотя, Каролин была для него всего лишь мимолетным увлечением, но он не позволял никому прикасаться к ней. Он знал, что она была лакомым кусочком для всех этих обкуренных извращенцев, но не хотел, чтобы она принадлежала хотя бы одному из них. Эван и сам не позволял себе ничего большего, нежели поцелуи. Что-то останавливало его каждый раз, когда они были почти на грани.

Может быть, потому что Крис был его давним другом, и ему было просто жаль, что его сестра была такой милой, но одновременно такой глупенькой. Невзирая на то, что они с Кристофером уже давно пошли по разным путям, он не хотел пользоваться ею. К тому же Каролин забавляла его и на время помогала забыть об Элли.

Они напивались до беспамятства, а потом просто зависали у него в комнате, закинув ноги на стену, и смеялись друг над другом. Они целовались и болтали. Ему это нравилось. Эта непринужденность и некая оживлённость в их общении позволяла Эвану забыть о том, кем он был в глазах общества. Он становился обычным парнем подростком без всяких привилегий, просто с хорошим другом. И пусть иногда после какой-то пьянки Каролин вырывало, Эван держал её волосы и вытирал уголки рта влажным полотенцем.

— Если кто-то видел бы меня сейчас, то точно подумал, что в меня вселился какой-то дух, — смеиваясь, говорит парень.

— Разве так тяжело поверить в то, что ты можешь заботиться о ком-то? Или это может подорвать твой авторитет? — измученная улыбка играет на лице девушки.

Из-за Эвана Каролин начала курить. Однажды он даже дал ей попробовать травку. Это был не лучший опыт в жизни Каролин, но позднее, когда она проснулась снова в комнате Эвана, она начала убеждать себя в том, что ей это понравилось.

И пусть Эван не был солнечным светом в жизни Каролин, но луна ведь тоже неплохо светит. Ей нравилось то, что она чувствовала рядом с ним. Свобода, которой у неё раньше никогда не было. Родители, Кристофер, бабушка — они все прививали ей другие идеалы. Всю жизнь ей твердили о том, чтобы она думала о своем будущем. Но, что на счет «сегодня»? Эван дарил ей мгновения, и, похоже, что это было всё, чего Каролин хотела от жизни.

Он научил её кататься на скейте. Они часто катались на роликах вместе. Они могли заваливаться на чужие вечеринки и вести себя так, словно хозяевами дома были сами. Воровали в маленьких магазинчиках и угоняли чужие машины и мотоциклы.

Каролин вошло в привычку сбегать из дома. Крис покрывал её перед бабушкой. Он врал о том, словно она уходила на ночь к подругам. Порой даже подделывал записки от имени сестры, в которых она якобы писала о том, что уходила в какой-то поход на природу или на ночевку.

— Неужели на часах всего лишь восемь вечера, а ты уже дома? — Кристофер вошел в комнату Каролин. Она раскинулась звездочкой на кровати. Закрыв глаза, она мечтала.

Присев на край кровати, Кристофер учуял запах сигарет и алкоголя. Взглянул на девушку, он заметил улыбку на её лице.

— Каролин, что происходит? — начал он. — Почему ты ведешь себя так?

— Как я себя веду? — смеясь, пролепетала блондинка. Её язык заплетался, но она всё

ещё была в состоянии адекватно мыслить.

— После того, как ты начала «встречаться» с Эваном, ты изменилась. Ты больше не та Каролин, которую мне приходилось знать раньше...

— Боже, Крис! Как же ты мне надоел, — девушка перешла на родной нидерландский язык. Взяв подушку, она хотела спрятаться за ней, но парень быстро выдернул её из рук Каролин и бросил на пол.

— Ты не контролируешь себя! Приходишь домой пьяная и обкуренная. Или можешь вообще не приходить домой. Ты мне даже ничего не сказала о том, что тебя пригласили в модельное агентство, — поток слов лился на девушку рекой. На последнем предложении её глаза вообще округлились. Откуда Крису известно о модельном агентстве? Поднявшись с кровати, Каролин положила руку на плечо парня и тихо вздохнула, собираясь с мыслями.

— Это то, кем я всегда была, Кристофер. Ты не можешь понять меня, потому что никогда не выходил за пределы своей зоны комфорта. Тебе ещё не приходилось любить. И если бы ты хоть раз любил кого-то так сильно, как я люблю Эвана, ты бы понял, что любовь это свобода. Свобода, которой никогда не было ни у меня, ни у тебя. Я обрела её... И это замечательное чувство, — Каролин снова упала на спину и мечтательно закрыла свои глаза.

— Каролин, он ведь не любит тебя.

— Что? — возмущенно произнесла девушка, поднявшись на локтях и уставившись на парня. — Ты ведь даже не знаешь его. Как ты можешь так говорить? — усмехаясь, продолжала девушка.

— Я знаю его лучше, чем кто-либо ещё. Поверь мне, он не любит тебя. И он не стоит тебя.

— Что ты несешь? Ты ничего не знаешь! — кажется, теперь Каролин было не до смеха. — Убирайся отсюда! Отстань от меня! — она резко спохватилась с места и начала толкать парня, выпихивая их комнаты.

Он поднялся с места и больше не двигался. Любые попытки Каролин были неудачными, ведь помимо того, что она была сама по себе довольно-таки слабой и худой, она ещё и пьяной.

— Послушай меня, — Кристофер обхватил запястья девушки и больно сжал, заставив её остановиться. — Если бы тебе пришлось выбирать между ним и мной, кого бы ты выбрала?

Каролин перестала сопротивляться. Она просто умолкла. Её глаза встретились с его глазами. Одни гены. Одна энергетика.

— Ты позволишь мне выбрать его. Потому что ты любишь меня, Кристофер. А я люблю Эвана, — совсем тихо прошептала девушка.

Крис отпустил её руки. Он был потрясен её словами. Безусловно, он был уверен, что она выберет его, потому что всегда выбирал её. Каролин была его сестрой, и они всегда были очень близки друг с другом. Они обороняли друг друга, советовались, играли, говорили, строили планы и будущее. А теперь всё развалилось, как картонный домик.

Он ушел, не сказав больше ни слова.

Зайдя к себе в комнату, Кристофер взял свой телефон и сразу же набрал номер телефона, который давно стер из телефона, но не из памяти.

— Эван? — спросил Крис, когда услышал вместо гудков какой-то шум.

— Мм, да? — невнятно произнес парень. Вероятно, он тоже был пьян.

— Милый, кто это? — нежный женский голос послышался в трубке. Крис закатил глаза.

— Жди меня здесь, — сказал Эван, скорее всего девушке. — Я сейчас вернусь.

Шум утих. Видимо, парень нашел для разговора место потише.

— Чего тебе, Крис? Мне кажется, твоя сестренка уже дома. Как мы и договаривались.

— Я хочу, чтобы ты бросил её. Совсем, — в строгом тоне продолжал Кристофер.

— Зачем мне делать это? — нагло спросил Эван. Через расстояние он почувствовал его нахальную ухмылку.

— Ты плохо на неё влияешь. И к тому же для чего она тебе нужна? Думаю, с неё хватит «свободы». Просто брось её.

— Я не могу.

— Только не говори мне, что влюбился в неё? — насмешливо спросил Крис.

— Нет, но только с ней я забываю об Элли. Это странно, но только с ней. Прости, я не брошу её.

Мы сидели в тишине, что немного угнетало. Дин ведет себя, как маленький ребенок. Я не хочу идти у него на поводу, поэтому тоже не начинаю говорить. В любом случае, что бы я не сказала, ему не понравится, и он просто начнет оспаривать мои слова. Разве я не знаю Дина?

Через открытое окно со стороны водителя в охлажденный салон входит жара. Я тяжело вздыхаю. Поток горячего воздуха направлен как раз в мою сторону. Я мельком смотрю на Дина. Его выражение лица всё ещё невозмутимо. Он смотрит в окно, старается не смотреть в мою сторону. Упрямый ребенок!

Я подвигаюсь немного ближе к парню. Наши бедра теперь соприкасаются. Дин фыркает, а я закатываю глаза в ответ. Затем я тянусь рукой и почти достаю к ручке, как вдруг рука Дина первой ложится на неё и закрывает окно.

— Спасибо, — бормочу себе под нос, резко выпрямляясь и отодвигаясь.

— Их нет уже минут пятнадцать, — начал говорить Дин. Я заметила, как мельком он взглянул на часы на панели. Мысленно ругнувшись, я успела ещё и дать себе немое обещание вести себя сдержанно и не грубить парню, чтобы не усугубить ситуацию, в которой мы находимся.

— Ты преувеличиваешь. Их нет от силы минут пять, — говорю я.

Мы стоим на обочине. Кэмерон и Линдси сказали, что хотят купить себе кое-что перекусить, потому что их запасы еды уже закончились. Маленький магазинчик посередине дороги, похожий на маленькое бунгало, попался нам на пути. Мы с Дином остались в машине одни и должна признать, что это ужасно.

— Это была плохая идея взять их с собой, — говорит Дин. Мне кажется, он специально делает всё для того, чтобы разозлить меня. Всю дорогу он то и дело молчит. Время от времени, когда Линдси что-то вежливо спрашивает его, парень только бурчит. Я не могу понять, почему его настроение внезапно стало таким ужасным, ведь ещё вчера он подарил мне чудесный день.

— Почему ты ведешь себя так?! — я всё же не выдержала. Моё терпение было исчерпано и сейчас, когда нас было только двое, я могла, наконец-то, сказать всё, о чем я молчала, пока мы ехали.

— Как? С предостережением? Прости, я не могу доверять всем подряд, — саркастично произнес парень. Клянусь, в эту же секунду я захотела его ударить. Моё внутреннее самообладание всё же не позволило этого сделать.

— Ты же поверил мне! Или нет? Дин, может, объяснишь, какого чёрта вообще происходит? — внутри меня взорвался вулкан. — Ты чёртов эгоист! Ты не имеешь права вести себя, как придурок, когда люди вокруг тебя заботятся о тебе. Мы не прислуга, ты понял? И я не нанималась на то, чтобы развлекать тебя, когда тебе будет скучно в дороге. И если ты будешь вести себя и дальше так, то я возьму свои чемоданы и пешком доберусь в этот чёртов Нью-Йорк, к своему чёртову парню. Ясно?

Мне плевать на то было ли это грубо, но я устала от настроения Дина, что вечно меняется. Я устала от того, что он хочет, чтобы не только его, но и жизни других людей подчинялись ему. Мне надоело, что он ведет себя так! Неужели человечность в двадцать первом веке перестала быть актуальной?

Я даже не стала слушать Дина. Я мигом выскочила из машины на улицу. Лучи солнца на миг ослепили меня. Но куда может сравниться солнце с великолепием самого мистера Брауна?

Я была так зла на парня, что хлопнула дверью машины и пошла куда-то вперед. Я давно не чувствовала такой злости. Сквозь меня словно прошла молния и всё моё тело, пораженное от электрического шока.

Быстрым шагом я направлялась куда-то. Я зашла за поворот, чтобы Дин не мог видеть меня. Я шла по засаженной травой полосе. Серый асфальт уже был мёртв, поэтому я топтала траву, растаптывая маленькие цветочки. Затем носком своей обуви я случайно толкнула камушек, что валялся под ногами. Я начала его подбрасывать, чем отвлекала себя в некоей мере от дурных мыслей. А затем я и не заметила, как случайно наткнулась на камень побольше, стукнув который я даже не сдвинула его с места. Это, наверное, и стало пределом. Я упала вниз. Сев на корточки, я начала плакать.

Мою грудную клетку сжимало. Я чувствовала себя, загнанной в клетку. Это довольно-таки странное чувство. Словно я не принадлежу самой себе. Я не знаю, почему я нагрубил Дину. Мне стоило быть сдержанней. В моё сознание проникли мысли об Кристофере. Я так давно не вспоминала о нем. Но поведение Дина смутно напоминает мне о нем. Дежавю. Я вижу, как косо Дин смотрит на Кэмерона. «Тебе не стоит встречаться с Эваном» — проносится в голове голос парня. И лишь спустившись с небес на землю, я понимаю, что это говорит Крис в моей голове. Но почему-то говорит он голосом Дина. Я точно спятила.

Я утираю слёзы и поднимаюсь на ноги. Мне нужно избавляться от этого. Я сама преследую прошлое. Если так будет продолжаться и дальше, то я совсем потеряю контроль над собой. Дин это всего лишь Дин. Дин, который любит чай с мелиссой, которому нравится быть правым и который поднимает мне настроение, когда мне совсем плохо. А Крис это всего лишь Крис. Старый надоедливый старший брат, работа которого оберегать от глупостей свою младшую сестру. Стоит перестать их сравнивать.

Утерев кулаком слезы, я даже улыбнулась, мимовольно вспомнив о том, как смешно выглядел Дин, когда летел вниз на скейте. Забавно, что он соврал, только бы не показаться слабым в моих глазах. Он такой упрямый. Я и сама не заметила, как начала смеяться вслух, запрокинув голову назад.

А затем я просто задержала взгляд на виде, что предстал перед моими глазами. Просторное, необъятное человеческим глазом пшеничное поле раскинулось вдоль всего горизонта. Колоски двигались в такт музыке ветра. Они тянутся к солнцу. Налитые желтым цветом, пытаются подражать ему. Но солнце лишь одно, поэтому эти попытки ничтожны и жалки.

— Ты в порядке? — сильный мужской голос привлекает к себе внимание. Я не успеваю успеть ответить что-либо, как сильные руки ложатся мне на плечи. Это Кэмерон.

— Да, — слабая улыбка касается моих губ.

Я чувствую, как его руки спускаются вниз и теперь крепко обхватывают мою талию. Мне становится неловко, когда я чувствую его дыхание на своей шее. Но меня повергает в шок, когда парень отодвигает мои волосы на одну сторону и касается горячими губами моей кожи.

— Что ты делаешь? — я хихикаю, потому что мне щекотно.

— Делаю то, что считаю правильным, — одним движением он поворачивает меня к себе. Его губы на моих губах. Но я даже не приоткрываю рта. Я не хочу этого поцелуя. Это

вообще не правильно. Мои глаза широко открыты. Я пытаюсь оттолкнуть Кэмерона от себя, но мои попытки тщетны. В конце концов, не получив желаемой взаимности, он первым отодвигается от меня.

— Отпусти меня! — я ударяю его по рукам, которые всё ещё заключены вокруг моей талии. Кэмерон поднимает руки вверх, ладонями вперед, будто сдается, и делает шаг назад.

— Прости, мне показалось... Показалось, что между нами была какая-то химия, — глаза Кэмерона смущенно опустились вниз. Было смешно наблюдать за тем, как эта гора мышц могла говорить о каких-либо чувствах. Нужно срочно избавляться от стереотипов.

— У тебя есть девушка. Было глупо с твоей стороны вообще думать обо мне, — я сделала ещё один шаг назад, увеличив расстояние между нами.

— О какой девушке идет речь? — на его лице выражено искреннее недопонимание. Он шутит со мной или как?

— Вообще-то я говорю о Линдси.

Хриплый смех вырвался из груди парня. И этот смех становится всё громче и громче. Я чувствую себя не в своей тарелке. Теряю подол своей юбки, в полном неведении, куда мне деться. Это немного неловко.

— Линдси моя сестра. Если это единственная проблема, тогда может, продолжим? — его руки потянулись вперед, когда я сделала ещё два шага назад.

Сестра? Они ведь даже не похожи друг на друга. Или же похожи... Я даже не обратила на это внимания. Панковский вид Линдси и образ типичного бабника у Кэмерона автоматически отбрасывает мысль о том, что они могут быть хоть в чем-то схожими. Чёрт!

Кэмерон подходит ближе. Его губы находятся где-то на уровне моих ключиц и мне это не нравится.

— Подожди! А как же Дин? — глаза парня встречаются с моими. На его лице ехидная улыбка.

— Ты говорила, что вы всего лишь друзья...

Похоже, Дин был прав. Нам не стоило брать с собой эту парочку.

— Я... Я просто была зла на него. Конечно же, мы встречаемся! Разве ты не заметил химии между нами? — парировала я, используя те же слова, что и Кэмерон. Я не знаю, насколько убедительно это звучало, ведь парень первые несколько секунд неодобрительно осматривал меня. Но затем его губы сжимаются в тонкую полосу, а руки опускаются вниз.

— Прости, что запутала тебя. Я не имела это в виду, — я снова начала оправдываться.

— Нет. Прости меня за это недоразумение, — уголок его губ приподнялся. Опять между нами возникла неловкость.

В конце концов, мы с Кэмероном вернулись обратно. Линдси о чем-то болтала с Дином. Я заметила, что он даже поддерживал беседу. Это заставило меня улыбнуться. Мои слова всё же имели для него значение. Заметив меня, Дин даже улыбнулся.

— Чем вы там занимались так долго? — Линдси шутливо подмигнула нам. Я проигнорировала этот жест. Уверена, позже Кэмерон сам всё расскажет ей.

Я села на заднем сиденье рядом с Дином, где и сидела до этого. Мы ехали дальше. Я немного успокоилась и уже почти забыла об инциденте с Дином. То, что произошло между мной и Кэмероном не давало мне покоя. Я придвинулась ближе к окну. Прислонив лоб к холодному стеклу, я не слушала никого. В моей голове образовался вакуум. До меня не доходили разговоры ребят, я просто была в некой отключке. Спустя некоторое время я надела наушники. Теперь в моей голове звучала музыка. Я даже не различала слов,

пропускала их мимо ушей.

Перед глазами проносятся зеленые пятна. Я не задерживаю взгляда ни на чем. Жизнь пронесется мимо меня. В салоне работает кондиционер, но мне всё равно жарко.

Мне нужно сосредоточиться на Питере и на том, чтобы отыскать его, как можно быстрее. Но я чувствую, будто сбилась с своего пути. Словно я снова потеряла себя. Или же вернулась к старой себе?

Мои веки наливаются свинцом. И я сама не заметила, как уснула под громкую музыку в голове, что становилась тише под давлением нарастающих мыслей.

Я проснулась от внезапного прикосновения чей-то руки к моему лицу. Рефлекторно я подпрыгнула на месте от испуга, при этом ударившись носом об холодное стекло автомобиля.

— Чёрт, — тихо ругнулась я, вытаскивая из ушей наушники, в которых всё ещё громко играла музыка. Звук на максимуме. Странно, что я ещё не оглохла. Тихий смешок Дина был первым звуком, что коснулся моего слуха.

— Прости, я не думал, что у тебя такой чувствительный сон. Я не хотел тебя напугать, — говорит он шепотом. Я замечаю, мирно спящих Линдси и Кэмерона на передних сидениях. Дин тоже расслабленно лежит возле меня. И вокруг темнота.

— Который сейчас час? — я потираю глаза, чтобы избавиться от пелены, что застилает мой взор. — И вообще, где мы? — я не могу ничего разглядеть. Явно лишь то, что мы точно не в городе, а где-то на дороге.

— В Иллинойсе. Не далеко от границы с Индианой.

Я киваю головой, словно мне всё ясно. Но я по-прежнему ничего не понимаю.

— Ещё далеко до Нью-Йорка?

— Послезавтра уже будем там. Скорее всего, даже утром, — Дин мягко улыбается. Мне это нравится. — Ты успеваешь?

— Да, — я улыбаюсь ему в ответ, когда успеваю подсчитать в голове дни. Концерт Питера должен пройти в день нашего приезда после нашего приезда. Если мы приедем утром, то вероятно, у меня ещё даже будет время для того, чтобы придумать более тщательный и продуктивный план. Было бы неприятно упустить его снова.

Я смотрю на Дина, когда он смотрит в окно. Я уверена, что через стекло он видит меня, но это не так уж и важно. Я точно знаю, что ему это льстит. Должна признать, когда я вижу сладостную умиротворяющую улыбку на его лице, то мне это тоже льстит.

— Я не должна была говорить всё это... Это не то, что я думаю о тебе на самом деле, — говорю я, опуская стыдливо глаза вниз. Мои пальцы переплетены вместе. Я заметно волнуюсь и не знаю, куда деть руки. Конечно, не каждый день мне приходится извиняться перед кем-то, к тому же признавая свою неправоту.

— Я знаю, что это то, что думают обо мне все. Тебе не стоит извиняться за то, какой я есть на самом деле, — он резко умолк, будто кто-то оборвал его на полуслове. Я решила ничего не говорить, потому что знала, что Дин ещё не закончил. Он даже не обернулся ко мне, продолжая вглядываться в темноту. — Теперь ясно, почему никто не задерживается рядом со мной надолго.

— Нет! Что ты говоришь?! — произнесла я немного громче, нежели это должно было быть. Линдси что-то невнятно промывчала, после чего я продолжила на тон ниже. — Люди всегда остаются с теми людьми, которых они любят. А ты, вероятно, слишком ослеплен потерями для того, чтобы видеть тех, кто остался ради тебя.

Я нахожу ладонь парня и нежно сжимаю её своими тонкими холодными пальцами. Я чувствую, как сжатая в кулак рука расслабляется, и его пальцы сжимают мои в ответ.

— Та девушка просто не стоит тебя. А тебе стоит отпустить то, что не было твоим вовсе. Когда-то ты обязательно найдешь девушку, что будет достойна тебя. Она будет любить тебя. Вы будете ссориться от того, какие вы разные, но всегда будете возвращаться друг к другу. И может, она не будет супер-крутой балериной, но ты будешь любить её просто за то, какой она есть. И...

Не успела я закончить, как его губы прикоснулись к моим. Я откинула в сторону все свои предостережения. Мне не хотелось отодвигать Дина от себя. Мне нравилось целовать его, и это единственное, что меня пугало.

Я закрыла глаза и полностью погрузилась в этот поцелуй. Почему-то мятежность обошла меня стороной, и меня посетило странное ощущение, будто всё так и должно быть. Внутри меня словно зажегся маленький огонёк, что так тепло грел внутри. Только грел, но не сжигал. Это придавало мне внутреннего спокойствия, словно этот поцелуй — что-то правильное. Может быть, единственное правильное решение, что мне приходилось принимать.

Он первым оторвался от моих губ. Оставив напоследок короткий поцелуй, Дин открыл двери и вышел из машины. Не долго думая, я сделала то же самое.

Я почувствовала холод. Ночная прохлада — лучшее охлаждающее после горячего поцелуя в душном салоне автомобиля. Обернувшись, я заметила, как Дин зажёт сигарету и выпускал в воздух серые кубы дыма. Обойдя машину, я подошла к нему.

Мы стояли друг напротив друга. Лишь луна и тусклый свет выстроившихся в ряд звезд освещали мне его лицо. Но даже сквозь темноту я могла разглядеть голубизну и почти что прозрачность его пронзительных глаз.

Приблизившись немного ближе, я вытянула в трубочку свои губы и втянула дым, что только что выдохнул Дин. Закрыв глаза, я погрузилась в сладостные воспоминания. Сигарета, зажата между пальцев парня, оказывается у меня во рту. Я вдыхаю ядовитый дым, разрешая ему покрыть пылью каждую клеточку своего тела. Моё тело мякнет под его руками, которые точно знают точки, которые нужно нажать. Но он никогда не позволяет себе ничего лишнего, хотя я вроде бы и не против.

— Э... — его имя не соскальзывает с моих губ, потому что я открываю глаза. Под пристальным строгим взглядом голубых глаз, я забываю это имя. Нежная улыбка появляется на моих губах. Мне лучше не вспоминать о нем никогда.

Взяв меня за руку, Дин куда-то повел меня. Он немного хромал, но его самочувствие уже было явно лучше.

Мы стали перед машиной, фары которой продолжали гореть. Одна рука Дина легла мне на талию, а вторая — аккуратно сжимала мою ладонь.

— Здесь даже нет музыки, — я тихо засмеялась, когда угадала намерения парня.

— Если для тебя это так важно, можешь спеть свою любимую песню, — он начал топтаться на месте, словно в его голове уже вызрела знакомая лишь ему мелодия. — Или же это сделаю я.

— К такому меня жизнь не готовила.

Затем Дин действительно начал совсем тихо напевать смутно знакомую мне мелодию. Сначала я не разбирала слов, но затем слова прорезались в моё подсознание.

— Take my hand, take my all life too, — повторяла я лишь одними губам за парнем,

поворачиваясь проворно в воздухе. Заметив, как мои губы начали двигаться вместе с его, Дин ещё шире улыбнулся.

— But I cant help falling in love with you, — завершили мы вместе.

Нашей музыкой был ветер, что легко играл с моими волосами. А когда слова закончились, мы и не замечали того, что продолжали двигаться. Шуршание листьев на деревьях было единственным звуком, что касался моего слуха.

Трасса была пустой. Только я и он. Словно всё вокруг просто не существовало никогда. Разве так должно быть? Наверное, если это чувство приносит мне лишь некую радость и беспечность. Только по-прежнему я не могу избавиться от мыслей об Эване. Словно он наблюдает за мной, не отпускает, следит за мной.

Подобное чувство сопровождало меня всё время, когда я была с Питером. Но лишь теперь я осознаю, что мы с Питером даже и не любили друг друга. Он помог мне выйти из затяжной депрессии, но не стал любовью всей моей жизни. Скорее хорошим другом, которому я всё ещё благодарна.

С Дином немного иначе. С ним на время образ Эвана растворяется. Но стоит мне немного отвлечься, этот образ вновь престаёт передо мной.

— Спасибо за это, — шепчет мне на ухо Дин. И я снова возвращаюсь к нему.

— Я немного устала, — вру я.

Дин кивает мне головой. Мы возвращаемся в машину. Кажется, что Линдси и Кэмерон довольно крепко спят. Они даже и не заметили того, что только что произошло. Думаю, Кэмерона это немного огорчило бы. Да и Линдси вроде бы нравится Дин. Не знаю, стоило ли брать эту парочку с собой.

— Ты забавно придумал про свадьбу своего отца, — говорю я, прежде чем мы оба погружаемся в сон.

— Я не придумал. Мой отец женится в эту субботу. И я надеялся, что ты будешь сопровождать меня.

Такого вида заявление на миг забирает у меня дар речи. В субботу. В эту субботу, когда я уже, вероятно, буду где-то на полпути домой, либо с разбитыми надеждами, либо с чувством исполненного долга. Придется задержаться ещё немного?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Да, но сперва мы найдем Питера. Ладно?

— Ладно, — ответил мне Дин. Его ладонь легла на мою.

Я делала вид, что сплю. Не знаю, зачем обманываю Дина. Скорее всего, мне просто нужно осмыслить то, что только что вообще произошло и не сон ли это. Эта поездка превратилась во что-то невообразимое. Вместо того, чтобы отыскать своего бывшего, я нечаянно начинаю постепенно влюблять в себя другого парня. Пусть чувства к Дину не сильные, но я чувствую, что зашли мы уже слишком далеко. Даже не знаю, есть ли путь обратно.

Когда Дин уснул, у меня не было необходимости притворяться. Вокруг царил тишина. Я слышала лишь, как в наушниках Линдси играла музыка.

Я начала рассматривать Дина. Агнесс права, он красивый. Мне нравятся его темно-русые волосы, его челка, покрывающая весь лоб. Его ресницы вздрагивают с каждым вдохом, а с каждым выдохом приоткрывается рот. Это забавно. Я тихо хихикаю.

Опуская взгляд ниже, я замечаю, как из кармана его джинс выглядывает какая-то записка. Обычно я не лезу не в свои дела, но мой интерес сильнее. Максимум, на что я

рассчитывала, что это какой-то список. Зная, расчетливость Дина, это вполне мог оказаться список продуктов или вещей. Мне хотелось просто посмотреть. Одним движением я вытащила записку из его кармана и открыла.

Моя озорная улыбка поникла, когда незнакомым мне почерком там были выгравированы слова:

«Дорогой Дин, я, правда, не хотела тебя бросать. Я знаю, что поездка в Амстердам была запланирована на нас двоих. И я очень сожалею, что отклонила твоё предложение. В тот же день, когда я ушла от тебя, я пожалела об этом. Мне не стоило бросать тебя. Я люблю тебя, милый.

Я знаю, что ты любишь меня. Всегда любил. И я знаю, что ты простишь меня, ведь наша любовь сильнее всего этого. Прошу тебя дать мне шанс.

Я приду на свадьбу твоего отца. Надеюсь, там ты скажешь мне свой окончательный ответ. Надеюсь, твоё решение будет правильным.

По-прежнему люблю тебя больше жизни.

Даниель».

Где-то в половину восьмого утра мы пересекли границу и въехали в Индиану. Несмотря на то, что я уснула позже всех, мне пришлось проснуться из-за громкого спора Дина и Линдси, что касался президентов Америки.

— Каролин, скажи ему, что Линкольн был шестнадцатым президентом США? Это ведь даже дети в школе учат, — возмущалась девушка. — В начальной школе, между прочим.

— Английский даже не её родной язык. Она точно ничего не смыслит в этом, — ответил за меня Дин. Его рука легла на моё колено. Даже после всего того, что случилось вчера, меня это несколько смутило. Дин, похоже, даже и не заметил, как перешел черту. Для себя я решила, что перестану тоже обращать внимание на такие незначительные вещи.

Через зеркало я встретилась взглядом с Кэмероном, который все ещё был за рулем. Это длилось несколько секунд. Я заметила на его лице странную улыбку, а после он просто отвел взгляд в сторону. У меня появилось подозрение, что Кэмерон слышал всё, о чем мы говорили с Дином ночью. Теперь я выставила себя ещё и вруньей.

Я положила свою ладонь на ладонь Дина, словно это могло ещё спасти ситуацию. Парень сразу же непонятно посмотрел на меня, а затем мило улыбнулся. Это была такая искренняя улыбка, за которой были такие же искренние чувства. К сожалению, мои чувства к Дину не соответствуют тому, чего он, вероятно, ждет в ответ. Но большего я ему не могу дать.

— Я заметила, что порой ты фальшивишь. Ты из Европы? — речевой поток Линдси не прекращался. Невольно я вспомнила о своей любимой всем сердцем подруге Агнесс. Она заваливала меня глупыми сообщениями на

счет того, с кем я, пока у неё не закончились деньги на телефоне. Так, как я знаю Агнесс очень хорошо, то свой счет она пополнит не раньше, чем я вернусь в Нидерланды.

— Я из Нидерландов, — я улыбнулась.

— Я думала, что из Норвегии, — удивленно отметила девушка. Мы с Дином также удивленно переглянулись, пока не взорвались от смеха.

— Что? Почему? — продолжая смеяться, продолжила я. Я старалась не смотреть в сторону Кэмерона, но странное ощущение, будто он раскусил мою ложь, не пропадало. Чувствую себя от этого отвратительно.

— Просто одна моя подруга родом из Норвегии, и она такая бледная... Прямо как ты. Это странно, но у меня теперь с норвежцами только такие ассоциации.

Это действительно странно.

Потом мы плавно перешли на тему, что касалась нидерландских традиций и сравнивали их с американскими. Беседа шла живо и естественно. В ней не участвовал только один человек — Кэмерон. Но я старалась отогнать от себя назойливые мысли, потому что, кажется, это уже медленно перетекает в паранойю.

Никто и не заметил, как мы въехали в город под названием Нью-Касл. Кэмерон оповестил нас об этом, когда жилые дома начали мелькать мимо нас, загораживая лесистую местность. Это была первая произнесенная парнем фраза за весь день.

Должна признать, город показался мне довольно-таки уютным. Дома здесь не были прижаты друг к другу вплотную, как в родном Амстердаме, их отделяли друг от друга милостивые невысокие заборчики. Вероятно, мы были не в центре города, потому что

вокруг было довольно-таки тихо. Я даже открыла окно и высунула оттуда голову, как маленькая. Тени громадных деревьев бережно касались моего лица, когда я закрыла глаза, жмурясь от солнечных лучей, что ловко проскальзывали сквозь кроны деревьев.

Я слышала смех Линдси. Чувствовала ладонь Дина, что сжимала мою. И это было прекрасное чувство, потому что я чувствовала этот момент. Я жила им.

— Может, зайдете? Хотя бы на чай или чтобы переодеться, — тараторила девушка. Чем ближе мы приближались к их дому, тем больше возрастало волнение у неё внутри. Кэмерон казался спокойным. Мне даже казалось, что ему, будто безразлично, где быть. Странная полуулыбка не исчезала с его лица всю дорогу.

Я посмотрела на Дина. Я хотела принять предложение девушки, чтобы немного отдохнуть у них дома, выпить чашечку чая (или же быстрорастворимого кофе) и немного отдохнуть от суеты, в которую я сама себя погрузила. Но проблема состояла в том, успеем ли мы к завтрашнему дню в Нью-Йорк. Для меня по-прежнему это оставалось главной целью. Я всё ещё не сбилась с этого пути.

— Да, это хорошее предложение, — согласился Дин. Он мило улыбнулся мне. Словно прочитал мои мысли и ответил мне «Мы успеем».

Машина притормозила возле одного из домиков. Правду говоря, это был даже не домик, а полноценный большой дом. Для сведения, в моем понимании большой это двухэтажный дом с большим садом перед ним. Сада здесь конечно не было, но здесь стоял большой дуб, тяжелые ветви которого раскинулись доволти таки далеко, касаясь крыши дома.

— Отличный способ убежать от родителей, которые не отпускают тебя на встречу с парнем, — сказала Линдси, проследив за моим взглядом. Она появилась будто из ниоткуда. Или же может я на несколько секунд забылась.

Под деревом стояли старые деревянные качели. В детстве я о таких могла лишь мечтать. Мы с мамой, конечно, ходили в парк часто, но он находился так далеко. У меня никогда не было возможности качаться на качелях, когда мне вздумается.

Также моё внимание обратило окно чердака, что было в виде розы. Обожаю эти цветы. Они такие красивые, но в тоже время неприступные. Иногда засматриваясь на эту красоту, ты совсем не замечаешь, как она опасна. Пальцы сами тянутся, чтобы сорвать её, а затем прикасаешься к ней и жалеешь, когда острая колючка впивается тебе в палец, причиняя боль.

В доме приятно пахло печеньем. Линдси пояснила, что их родители пока что на работе, поэтому мы можем расслабиться. Меня это даже немного насмешило. Линдси всё ещё мыслит, как подросток. Хотя, кто знает, может, она является подростком? Слой макияжа и крашенные волосы ещё не делают человека взрослым.

Пока Линдси готовила чай и доставала разные вкусности, я решила не терять времени и пошла переодеваться. Мне была предоставлена ванная для гостей. Здесь приятно пахло чистотой. Корзина с бельем была пустой. На полках было не так уж и много разных приспособлений. Видимо, гостей в этом доме принимают не так уж и часто.

Я решила сменить узкую юбку и чёрную футболку, что только притягивает тепло, на легкое желтое платье. Удивительно, но у меня было и такое. Хотя на самом деле, я не помню, чтобы складывала его в свой чемодан. Его подсунула Агнесс или мама. Это не важно. Важно, что оно удобное, легкое и подходит к моим кедам.

Я уже было развернулась спиной к зеркалу, чтобы застегнуть платье сзади, как дверь открылась. Я забыла её закрыть? В любом случае, я надеялась на приватность.

Я замерла на месте, когда увидела в зеркале нагло улыбающееся лицо Кэмерона.

— Дай угадаю. Ты всё слышал ночью, — я обернулась. Мои волосы ударили парня по лицу, от чего он скривился. Я пыталась быть крутой, а вместо этого теперь у него во рту мои волосы. Я ходячее недоразумение.

— Да. Должен отметить, что вы мило смотрите вместе, — Кэмерон присел на край ванной.

— Мне жаль за то, что я соврала тебе, — я опустила глаза вниз. Я вновь выгляжу как провинившийся ребенок, но я осознаю свою вину в том, что произошло и мне искренне жаль.

— Он любит тебя. Правда. Я заметил это в его глазах, — мне кажется, будто он не слышит меня. Он просто вслух говорит о том, о чем думает. Я не решаюсь перебить его, ведь вижу, что ему тяжело. словно какие-то воспоминания обломками рушатся на него. — Раньше у меня была девушка. Она была похожей на тебя. Та норвежка, о которой говорила Линдси в машине. Я любил её. Правда, любил. Больше жизни. Но она бросила меня после того, как я едва не умер от передоза. Сказала, что я чёртов наркоман и бросила.

Я стояла, не в состоянии даже сдвинуться с места. Любые слова, которые я только знала, просто вылетели у меня из головы. Моя голова превратилась в вакуум. Я не могла понять, почему Кэмерон решил мне рассказать историю своей жизни. Это выбило меня из колеи. Его история безусловно была грустной и душераздирающей. Ведь когда тебя бросает самый любимый человек, то что может быть больнее? Что может быть хуже того, что твоё тело продолжает жить, когда душа уже давно не в нём?

— Каждый из нас пережил неприятный жизненный опыт. У меня тоже когда-то был парень, который... — сердце болезненно сжалось стоило мне лишь вспомнить об Эване. Он не стоит того, чтобы так долго оставаться в моей памяти и сердце. Но я не могу просто выбросить его оттуда. Ни Питер, ни Дин не смогут мне заменить его. Может быть, забыть на время, но не навсегда. — Он бросил меня тогда, когда мне нужен был больше всего на свете. Когда я потеряла всё, я надеялась, что хотя бы он останется со мной, — я грустно улыбнулась. Я подумала, что это честно рассказать Кэмерону хотя бы такую малость. В ответ на его открытое сердце, я открыла своё.

— Но ведь жизнь продолжается, — продолжила я и в этот раз вновь не обошлось без вранья. — Ты встретишь другую девушку, которая, вероятно, даже не будет похожа на нее. И ты полюбишь её. И вы будете счастливы, как и мы с Дином, — я неуверенно улыбнулась и стукнула парня кулаком в плечо. Это должно было быть подбадрывающе, но получилось немного больно. Для меня.

Внезапно Кэмерон просто спохватился с места и зажал меня в объятиях. Я понимала, что для него это вроде как важно, но мне всё ещё было неловко. Чёрт, я несколько лет подряд не принимала никаких ухаживаний от парней. Я даже не давала им шанса познакомиться со мной. Потом несколько лет я даже не выезжала за рамки родного города. Единственным человеком, с которым я общалась, была Агнесс. Столько лет беспросветной депрессии свели меня с ума. Уезд Питера, смерть его матери и финансовые нестабильности у родителей. Это были не лучшие времена моей жизни. Я вообще забыла, каково это жить. И теперь даже обычные объятия кажутся мне чем-то странным и безумным. А ведь было время, когда я вытворяла действительно безумные вещи.

— Вы отличная пара, — прошептал мне на ухо парень. — Надеюсь, ты понравишься его отцу.

Я улыбнулась. Я и сама забыла уже о том, как обещала Дину пойти с ним на свадьбу. Для него это, наверное, много значит. А ещё там будет его бывшая, записку от которой я так и не вернула. Я знаю, что не вправе решать за Дину, но мне кажется, что она не достойна ещё одного шанса. Он ведь уже сделал ей предложение, а она изменила ему. Дин хороший парень, у него чистое сердце и душа. Мне он нравится. Может быть, ещё очень рано для того, чтобы говорить вслух громкое «люблю» (ведь люблю я по-прежнему другого), но что-то внутри меня заставляет действовать именно так, а не иначе. И это кажется мне правильным решением, принятым за всех.

Мы вернулись на кухню, где к моему удивлению была лишь одна Линдси. Для всех уже были подготовлены чашки с чаем. Я уселась на высокий стул первой и сразу обхватила горячую чашку обеими руками. Хотя на улице было довольно жарко, но чувство уюта, что смогла мне подарить лишь одна чашка чая, не могло сравниться ни с чем.

Кухня была немного неопрятной. Некоторые вещи здесь были и вправду неуместны. К примеру, криво висящие картины, возле которых также висели кухонные принадлежности. Возле раковины стояла чистая сковородка. Понятия не имею, что она здесь вообще делает. А красные затворки для окон никак не гармонировали с синими обоями.

Внезапно мне вспомнился и родной дом. Мама никогда не потерпела бы, чтобы на кухне что-то случилось без её ведома. Кухня — это словно маленький мир мамы, где она, похоже, выглядит счастливой. Я знаю, что ей нравится заниматься готовкой и убираться и вообще держать всё под контролем. Однажды мы с папой остались дома одни, когда мама должна была уехать на неделю к своим родителям. Мне было всего пять, но фотографии не дают воспоминаниям умереть. Это, чёрт подери, была лучшая неделя в мои пять лет. Мы делали всё, что хотели и не получали за это. Правда, когда мама вернулась, нам было уже не до веселья. Я всё ещё помню, как Кристофер заступился за меня, сказав, что это он разбил мамину любимую кружку. Он тогда не гулял целую неделю. Должна заметить, что для некоторых это как вечность. Будучи неблагодарной младшей сестрой, я всю неделю гуляла, издеваясь над братом. Но мне тогда ведь было всего пять. Никакие возражения не принимаются.

— Мм... Чай? — Дин появился также переодетым. Он ходил уже гораздо лучше, и это не могло не радовать. Надеюсь, теперь мы доберемся в Нью-Йорк без всяких происшествий.

— Не с мелиссой, — произнесла я, насмехаясь. Затем я поднесла чай к губам и попробовала. Обычный черный. Две ложки сахара. Напиток уже остыл, но при этом всё равно не потерял вкуса.

— Мы собирались пойти на пляж, сразу по приезду, — начала Линдси. Похоже, ей не хотелось нас отпускать. Правду говоря, она отличная девчонка. Красивая, да и к тому же веселая. Специфичный стиль в одежде только привлекает внимание.

— Точнее к озеру. Моря здесь нет, — подметил Кэмерон, став рядом со своей сестрой. Интересно, Дин знает, что они не пара?

— Просто вы говорили, что останетесь на час. А прошло от силы пятнадцать минут. Мы могли бы на прощание оттянуться, — широкая улыбка появилась на лице девушки. Энтузиазма у неё не убавлять. В принципе, идея неплохая. Да и мне самой было уже тяжело расставаться с ними.

Но вопрос всё ещё был во времени. Я мысленно попыталась подсчитать, успеем ли мы. Я уже устала думать об этом. Ведь путешествие не может быть полноценным, когда ты спешишь куда-то. «Но я ведь здесь не ради развлечений» — говорит мне ангел, сидящий на

правом плече. «Времени ещё вагон. Веселись, пока молод» — говорит мне демон.

— Хорошая идея, — отвечает Дин, когда я даже не успеваю принять решение.

Но я доверяю ему. Я знаю, что Дин сам спешит в Нью-Йорк не меньше меня, ведь совсем скоро свадьба у его отца. Это должно быть волнующе для парня. Будь я на его месте, мне бы не хотелось видеть хотя бы одного из своих родителей с кем-то другим. Но если решение, принятое в молодости, обременяет тебя, и ты не любишь этого человека, то зачем страдать? Я бы поддержала любой выбор своих родителей. Думаю, как и Дин.

И вот мы уже шли к озеру. Мы спускались вниз по той же улице, по которой несколько минут назад ехали. Все дома были похожи друг на друга. Похоже, это вполне в американском стиле. Хотя, о чем я говорю, в Амстердаме почти все дома одинаковой постройки и различаются друг от друга разве что по цвету. Но всё же эти дома чужие для меня. Мне доводилось видеть их лишь в каких-то фильмах или сериалах с одnogолосой озвучкой.

Мы скрывались под тенью деревьев. Линдси шла бок-о-бок со мной, рассказывая о чем-то. Поток слов не прекращался. Она отдаленно напоминала мне Агнесс. Конечно, единственное, что их объединяло это лишь бесконечный речевой поток, но всё же воспоминания об подруге навевали мне некую тоску. Может, стоит ей всё же позвонить?

Стоило нам дойти до первого перекрестка, как мы повернули налево в сторону небольшого леса. Дорога здесь по-прежнему была широкой и немного поезженной. Свежий след от шин говорил лишь о том, что там уже кто-то есть.

Глупо было надеяться, что мы будем около озера одни. Но мне не хотелось, чтобы кто-то посторонний был среди нас. Мой эгоизм нужно всё же усмирить.

Когда озеро, наконец-то предстало перед нами, я даже остановилась. Это было прекрасно. Вода была хоть и не прозрачной, но такая голубая. Если бы не деревья вокруг озера, то горизонт был бы цел. Ведь небо отражается в воде. Или же это вода нашла своё отражение в небе? Это так несущественно.

— Я знала, что тебе понравится, — весело пролепетала Линдси.

Странно, что девушка с неформальной внешностью, может быть таким милым одуванчиком. Была бы на моем месте Агнесс... Её бы точно здесь не было. Агнесс вообще воспитана совершенно не так как я. Всю её жизнь родители только и твердят о том, чтобы их милые дочери удачно вышли замуж. Какое-то чёртово Средневековье.

Однажды я была в гостях у Агнесс. Я даже не уверена, любят ли её родители друг друга. Её мама с удовольствием предложила мне тосты с вареньем, и стоило Агнесс на минутку отлучиться, как она начала расспрашивать меня о моей жизни. Я поняла, что понравилась её матери, когда я сказала, что обычно проводила всё лето в Англии. Её глаза буквально засияли. Похоже, она всё же так и не поняла, что я езжу в гости к своей бабушке, а не на элитный курорт. Хотя, какой в Англии может быть курорт?

— Почему моя мать думает, что ты собираешься поступать в Оксфорд? — спросила у меня Агнесс в тот же день, когда мы лежали на кровати в её комнате.

Отец Агнесс довольно-таки строг со своими дочерьми. Но перед чужими людьми (в частности передо мной) он будто бы открывает свою вторую сущность. Он довольно приветливый и даже немного забавный. Агнесс бесят его шутки, ведь большинство из них направлены против неё, но, с другой стороны, они правдивы.

Агнесс бы здесь понравилось. В любом случае. Я достала из рюкзака, что по-прежнему был со мной, телефон и сделала фото. Фотографии — единственная вещь, что не дает забыть

некоторые моменты. Хотя, действительно стоящие моменты никогда и не уходят из памяти.

Мы спустились вниз по склону. Немного обойдя озеро, мы остановились под одним из деревьев. Линдси раскинула два пледа на свежую зеленую траву. Кэмерон достал откуда-то корзинку с продуктами. Откуда они её вообще достали?

На другой стороне озера отдыхала ещё одна группа молодых людей. Они были на машине. Я заметила, как двое парней собирали палатки. Двое других разводили огонь. И две девушки, что уже успели сбросить с себя одежду, плескались в довольно открытых купальниках в воде.

Я не собиралась плавать, но мой взгляд уже невольно упал на зеленые яблоки, которые девушка достала из корзинки. Незаметно схватив одно из них, я вытерла его об платье и начала есть. Дин расположился возле меня. Я почувствовала, как наши бедра касались друг друга. Я улыбнулась, когда его рука потянулась через меня, чтобы взять упакованный в фольгу сэндвич.

— Дин Браун ест сэндвич из корзинки, а не обедает в ресторане? Наверное, скоро будет зомби-апокалипсис, — я усмехнулась, когда Дин в ответ выдал лишь фальшивый смех.

— У Каролин есть платье в гардеробе? Похоже, это ещё более невероятная вещь.

Я ударила его в ответ кулаком.

— Кэм! Это не Эван случайно? — голос Линдси вмешался между нами. Беззаботное чувство растворилось в воздухе, когда прозвучало лишь это имя. Я подняла голову, но Кэмерон, как и его сестра, смотрели в одну сторону — прямо. Я перевела свой взгляд туда же.

Откуда-то среди всей этой компании появился ещё один парень, лицо которого я не могла разглядеть из расстояния. Он что-то кричал, но к нам доносились лишь отдельные звуки. Он был зол и первым ударил одного из парней. Девушки вскрикнули. Но вскоре остальные парни накинулись на него.

— Чёрт! Это же Эван! — произнес Кэмерон и бросился бежать.

— Беги с ним, пожалуйста. Они не справятся вдвоем, — Линдси подошла к Дину. В её глазах был неподдельный страх. На миг и мне стало страшно. Но у меня были свои причины бояться.

Дин, не теряя времени, кинулся следом за Кэмероном.

— Кто это? — я поднялась с места и стала рядом с девушкой, что стала нервно грызть ногти.

— Эван наш друг. Мы познакомились только год назад, когда он приехал сюда. Он родом из Великобритании, — моё сердце набирало скорость с каждым сказанным ею словом. Я и сама не заметила, как начала сжимать подол своего платья. — Он приехал сюда из-за Элли. Один из этих парней её муж, — Линдси лишь повела пальцем, указывая на одного из парней, но я так и не поняла, кого она имела в виду. — Колин не то чтобы очень плохой, но Элли не раз ночевала у нас, когда заставляла его в постели с другими девицами. Порой он даже бил её. Я сама видела ссадины и синяки на её теле, — большие голубые глаза смотрели на меня. Её губы были плотно сжаты, я заметила, как языком девушка теребила свою сережку в щеке.

— А Элли любит Эвана? — спросила я, осознавая, что ответ может меня убить. Плохое предчувствие не покидало меня, хотя я продолжала верить в то, что это не мой Эван. Хотя даже тот Эван, которого я называю моим, моим так никогда и не был.

— Она влюблена в него, но боится самой себе в этом признаться. Но он от неё точно без

ума. Он на всё готов ради неё. Эван только ради неё и снял дом здесь и устроился на работу. Хотя знаешь, с его британским акцентом его порой и понять сложно, но работа бармена не предвещает длинных разговоров, — она на секунду усмехнулась.

Я снова смотрела прямо. Дин и Кэмерон уже были там и пытались успокоить других парней, чтобы те не убили этого Эвана. Но он сам не хотел успокаиваться и то и дело рвался, чтобы ударить одного из них. Я заметила, как Кэмерон сдерживал парня, обхватив его крепкими руками. Дин же разбирался с другими. Похоже, его навыки в деловых переговорах пригодились и сейчас. Он что-то говорил тем парням и, похоже, всё становилось спокойнее.

— Давай собираться, — Линдси потянула меня за руку, обратив на себя внимание. Но мне было сложно отвести взгляд от парня, чёрные смольные волосы которого заставляли меня бояться того, что если я увижу его лицо, то узнаю его. — Мне жаль, что так получилось. Я действительно хотела, чтобы мы хорошо провели время, — продолжала говорить девушка.

— Проблемные друзья... У меня когда-то и самой были такие, — я выдавила слабую улыбку, а затем начала помогать девушке собираться.

Я несла в руках корзинку, а Линдси — пледы. Мы возвращались к месту, с которого перед нами впервые раскрылся вид на озеро. Мои ноги меня не слушались, поэтому я плелась сзади за девушкой, что наоборот спешила.

— Он совсем обезумел. Но всё же врезал Колину неплохо, — я вздрогнула от голоса Кэма. Я всё ещё не готова к этой встрече. Боже, только бы это был не тот Эван. Только бы не он. Но я боялась даже поднять голову, чтобы убедиться в том, что это не он.

Чьи-то руки внезапно легли мне на плечи. Моё сердце едва ли не выпрыгнуло из груди от страха.

— Тебе повезло, что мы оказались неподалеку, иначе они убили бы тебя, — голос Дина прозвучал у меня над ухом. Он подействовал на меня, как успокаивающее, но очень кратковременное.

— Лучше бы уже убил, — парень вздыхает. Его хриплый глубокий голос вводит меня в раздумье. Я становлюсь параноиком. Я узнаю этот голос. Или же убеждаю себя в том, что узнаю. Я не знаю. Это было так давно. Его голос затих в моей голове несколько лет назад. Всё это время я помнила только, как он выглядел. И то смутно... Ведь я видела Эвана лишь таким, каким хотела его видеть.

— Что произошло? — спросила Линдси. Похоже, она хотела спросить ещё что-то, но запнулась, ограничившись одним вопросом.

— Элли уехала в Нью-Йорк. Сказала, что не хочет видеть меня, — сказал парень, после чего тяжело вздохнул. Я всё так же не осмеливалась поднимать голову и смотреть на него. Но мне показалось, что причиной его короткой паузы было не тяжелое воспоминание о девушке, которую он любит. Его взгляд остановился на мне. Я просто почувствовала это. Или же мне опять показалось? — Но я-то знаю, что она уехала из-за него, — продолжил он. — А это ваши новые друзья? — спросил он, быстро сменив тему.

— Мы здесь всего проездом. Спешим в Нью-Йорк, — ответил за нас обоих Дин. Я была благодарна ему за это. — Дин, — он протянул парню руку для пожатия. Эван подошел ближе. Я вся напряглась, когда знакомый до боли запах его парфюма прорезал чёрную дыру в моей памяти. Это должно быть сон.

— А ты? — он обратился ко мне. Деваться уже было некуда. Я подняла свои напуганные глаза. Он был слишком близко. Чернота его глаз съедала меня. Это

безоговорочно был Эван. Тот самый Эван.

— Каролин, — тихо ответила я, пожав его руку. Моя ладонь вспотела, как случается обычно при волнении. Он улыбнулся, ведь знал об этом. Чувствовал насквозь моё волнение. И это должно быть приносило ему удовольствие.

— Каролин? Милое имя.

Дин

Мы стоим у дома Линдси и Кэмерона. Моё отношение к ним не то чтобы изменилось, но я просто начал относиться к ним проще. Линдси открыто заигрывала со мной и без умолку болтала. Я старался пропускать её болтовню мимо ушей, поэтому это раздражало меня меньше, нежели с самого начала. Я привык всегда слушать людей. По крайней мере, в бизнесе это всегда помогало. Моя внимательность помогала мне цепляться за слова и управлять людьми, благодаря их же словам, выпаленным невпопад. Не слушать Линдси было непривычно, но должен сказать, что приятно. Я почувствовал, словно впервые за долгое время просто расслабился.

А ещё то, что происходит между мной и Каролин вовсе не напрягает меня. Странно, ведь когда я только познакомился с Даниель, я чувствовал себя неловко рядом с ней и боялся сказать что-либо не так. Даниель очаровала меня с первого взгляда. Она была вежливой и сдержанной при первой нашей встрече. С Каролин всё совершенно наоборот. Она скромная, но в то же время заводит новых друзей за пять минут в супермаркете. Она застенчивая, но в то же время прямо в лицо говорит мне, что я придурок. А ещё она красивая, хотя, кажется, не прикладывает к этому никаких усилий. Кроме этой глупой диеты, что она сама придумала, но стоило нам остановиться уже на первой заправке, как её планы на счет своего веса поменялись. Каролин не боится быть забавной. Она долго не думает, прежде чем совершить какую-то глупость. И я почему-то тоже долго не думаю, ведь иду за ней, совершая те же глупости.

Я чувствую себя иначе. Словно я жить-то начал только после встречи с ней. Все эти скудные вечеринки со скучными людьми, ужины в дорогих ресторанах, в которых даже нет атмосферы уюта, и проведенные ночи в отелях, которые никогда не заменят домашнего комфорта.

Рядом с Каролин я чувствую некую внутреннюю свободу, прежде всего от себя. Я чувствую, что живу и это чувство для меня новое. Никаких беспокойств, никаких сожалений больше. Иногда просто важно пустить всё на самотёк. Важно сделать это для себя, чтобы чувствовать, что твоя жизнь в твоих же руках. Жизнь, как бесконечный поток, поэтому чтобы жить нужно всего лишь сделать шаг и позволить этому потоку унести себя.

Я докуривал свою сигарету, а Каролин стояла возле меня. Вообще понятия не имею, почему она стоит возле меня. Я просто сказал, что покурю и тоже зайду в дом, но она осталась со мной. И с момента, когда я только зажег свою сигарету, она не произнесла и слова.

Она нервничает. Это заметно по её беспокойному взгляду, что устремлен в пол. Её тонкие пальцы теребят подол желтого платья. А ещё это непривычное молчание. Каролин и без того не многословна, но я не слышал от неё и слова с тех пор, как мы приехали с озера.

— Мы ведь не поедem с этим парнем в Нью-Йорк? — робко спросила Каролин. Её голос звучал совсем тихо, но я сумел расслышать её. Я ответил не сразу, так как делал последнюю затяжку. Дым приятно обжигал мне легкие. Почему такие плохие вещи, как, к примеру, курение, доставляют так много удовольствия?

— Не вижу причин ему отказывать, — я лишь пожал плечами. Она по-прежнему не поднимала своих глаз. Вообще Каролин выглядела так, будто у неё кто-то умер. Всё её тело

напряжено, плечи приподняты, а руки сложены на груди. И вообще такое чувство, словно ещё немного и она расплачется.

— Ты знакома с ним? — спросил я. Не знаю, почему этот вопрос вообще созрел у меня в голове, но выпалил я его, не обдумав. Не было похоже, что они вообще знали друг друга до сегодняшнего дня. Эван шел возле меня и увлеченно рассказывал о том, что только что произошло и по какой причине. Он даже не смотрел на неё, так как она стояла с другой стороны от меня и немного отставала в шаге. Если бы он узнал её, то это было бы понятно и без любых слов.

— Нет! — слишком резко ответила девушка, словно я обвинил её в чем-то. — Просто он напомнил мне кое-кого из моего прошлого.

Я понимал, о ком идет речь. Я прочитал её блог на Тумблере и по крайней мере с одной главой из её жизни я был ознакомлен. Она не использовала никаких имен, но в плане описаний Каролин была точна. Ей стоило бы написать книгу.

Я и сам сразу не заметил, но Эван действительно походил немного на того парня, о котором писала Каролин. Смольные чёрные волосы и глаза цвета вороньего крыла. Она любила его больше жизни. Девочки-подростки склонны к преувеличению. То, как он поступил с ней, конечно же, было непростительно, если это, конечно, не было её причудливой выдумкой. В принципе, это была её последняя запись в блоге, поэтому я больше склонен к тому, что его поступок был настоящим. Настоящими были и её чувства.

К сожалению, или, может, к счастью, я не был похож на этого парня. И я не говорю о внешних качествах, я говорю о характере. Может, в этот самый год, когда Каролин писала это, я тоже был не лучшим в плане того, что принимал наркотики, много пил и курил, но, тем не менее, не разбивал чужие сердца. У меня тогда даже была девушка по имени Айви, моя первая любовь. И единственной проблемой в наших отношениях были мои дурные привычки. Когда из-за них я попал в больницу, она пришла ко мне лишь один раз, чтобы сказать, что этим всё может закончиться и что это конец. После этого мы встретились только один раз. Она сказала, что я здорово поменялся и что она рада за меня. Я поздравил её с помолвкой. И на этом мы разошлись. Никаких обид, ненависти и проклятий.

Следуя рассказам Каролин, я больше походил на её брата. Хотя каждое слово я уже воспринимал через призму того, каким я есть сейчас, а не каким я был тогда. Спокойный, уравновешенный и в то же время чувствительный. Последним качеством мы, наверное, и отличались, но всё ещё то, как описала его Каролин я не мог ни разу и плохо подумать об этом парне. Порой её «Крис только портит мою жизнь» меня только смешило. Думаю, я бы подружился с этим парнем.

— Пора избавиться от прошлого! — я притянул её к себе и заключил в медвежьи объятия. Каролин положила голову мне на грудь и, кажется, даже тихонько всхлипнула. Моё сердце стучало в такт её дыханию. Сказать, что это не было прекрасно, равнозначно тому, чтобы не говорить ничего. Но её мысли сейчас были о ком-то другом, кого я даже не знал.

— Да, ты прав, — она отстранилась от меня и начала утирать слёзы. На её лице появилась широкая улыбка. — Я должна оставить свое прошлое в прошлом.

— Значит, мы поможем Эвану? — спросил я.

— Нет, — весело ответила девушка, а затем развернулась и всё же пошла в дом.

Не знаю, почему я вообще вздумал помогать этому парню. Наверное, мне просто было жаль его. В его глазах горел огонь, он действительно любил эту девушку и готов был ради неё на многое. Мне знаком этот порыв, но я никогда не следовал за ним прежде. Может, мои

чувства к Даниель не были такими уж и сильными, раз уж я отпустил её просто так.

Я последовал в дом за Каролин.

— Ну, так я могу поехать с вами? — с порога спросил у меня Эван. Каролин в ту же секунду сверлит меня взглядом, но я не спешу отказывать ему. — Если нет, то мне лучше сейчас купить билет на завтрашний автобус. Если, когда я приеду, она ещё будет в городе, — парень усмехается. Есть что-то грустное в этой улыбке.

— Ты уверен, что она вообще в Нью-Йорке? — спросил Кэмерон, оставив мне пару минут на раздумия.

— Где ей ещё быть? Там живет её брат, — хмыкнул парень, отпив воды из стакана, что ему поставила Линдси. — Так что?

— Да, всё в порядке, — отвечаю я, наконец. — Не проблема. Через пять минут едем.

Каролин выбежала на улицу, не сказав и слова. Я знаю, что сделал не так, как хотелось бы ей, но, в конце концов, когда мы подхватили по дороге Кэмерона и Линдси, она не спрашивала у меня, хочу ли я ехать с ними. Она ведет себя, как маленький обиженный ребенок, что совсем не в её стиле.

— С ней всё в порядке? — спросил Эван.

— Да, — спокойно ответил я, будто это было чем-то обыденным. Я хотел пойти за ней, но что-то сдерживало меня. Ей стоит разобраться с этим в одиночку. Я уже всё сказал. Она никогда не сможет оставить всё это в прошлом, если сама будет напоминать себе об этом. Каролин врет самой себе. Она ведь даже не живет. Когда мы говорили о жизни, я понял, что то, чем она занимается сейчас, это вовсе не то, чем бы она хотела заниматься. И к тому же, это точно не то, чем ей стоит заниматься. Каролин убивает свою жизнь в четырех стенах запыленной сувенирной лавки. Она утопает в своем горе, будто случилось худшее, что могло только случиться с человеком. В ней есть внутренняя сила, в ней бурлит жизнь, но она сама себя убивает, не позволяя себе забыть о прошлом.

Линдси выбежала на улицу. В комнате повисла тишина.

— Только девушка может понять девушку, — произнес Кэмерон, первым прервав затянувшуюся паузу. Я повернулся и через большое пластиковое во весь рост окно видел Линдси. Каролин сидела за деревом, поэтому её силуэт я видел не так хорошо. Но я точно мог различить то, что она плакала. Линдси наклонилась и поглаживала спину девушки.

— Или одолжить тампон, — произнес Эван, и оба парня начали смеяться. Неудачная шутка, как по мне. Но я улыбнулся лишь уголками губ.

Где-то через семь минут Линдси вернулась.

— Она в порядке, — сообщила девушка. Она окинула меня злым взглядом, будто в случившемся была моя вина. Проходя мимо, она ещё и специально задела меня локтем. Чувствую себя идиотом, ведь ни черта не понимаю.

— Она сейчас говорит по телефону с подругой. Можете подождать её пять минут? — больше не сказав и слова, Линдси поднялась наверх, а затем ещё и громко хлопнула дверью.

— Женщины, — хмыкнул Кэмерон, и они снова начали смеяться с Эваном, словно сговорились. Похоже, я не в теме. Как всегда.

Минут черед двадцать мы всё же сели в машину и поехали. В салоне играла тихая музыка, солнце жарило и не помогал даже кондиционер. Я смотрел только на дорогу. Я просто не мог смотреть на Каролин. Я взглянул на неё только один раз, когда она садилась в машину. Она ужалила меня ядовитым взглядом, будто я сделал ей какую-то пакость и больше не говорила. Всю дорогу я вел довольно сдержанный и сухой разговор с Эваном. Мы

перекинулись парой фраз, а в остальном парень сидел в своем телефоне, не отрывая взгляда от экрана. Он переписывался с кем-то, иногда улыбался или хмыкал, печатая очередной ответ.

Краем глаза я заметила, что Каролин тоже с кем-то переписывалась. Выражение её лица было по-прежнему непроницаемым. В перерывах между тем, как ей приходили сообщения, она задумчиво смотрела в окно.

— С кем переписываешься? — невзначай и совсем тихо спросил я. Она повернула голову ко мне и снова начала сверлить меня взглядом. От этого мне стало ещё жарче.

— С Агнесс, — ответила девушка, а потом снова отвернулась. Эван сзади тихо хихикнул.

Когда мы остановились на одной из заправок, я предложил перекусить. Каролин всё так же молчала, но всё же вышла из машины. Видимо, чувство голода победило.

Каролин

Меня бесит абсолютно всё. Меня бесит Дин, который делает всё мне назло. Меня бесит Эван, который делает вид, что не знает меня. И меня бесит то, что рядом с ним я всё ещё не могу совладать своим телом и душой. Даже рядом сидящий Дин, чувства которого кажутся мне искренними и неподдельными, не помогает мне. Меня бросает в жар лишь от одной мысли о том, что я и он находимся в одном закрытом помещении. И пусть нас трое, пусть мы делаем вид, что не знаем друг друга и что прошлое не терзает нас, но я будто снова чувствую его, и от этого моё бедное тело разрывается от боли.

Мы сидим в маленькой закуской за небольшим круглым столиком на высоких стульях. Наши локти соприкасаются. Всего мира не существует. В воздухе витает запах жареного, который смешан с запахом бензина, что в итоге не весьма вызывает аппетит. Хотя, даже если бы здесь пахло моими любимыми розами, а передо мной стояла порция нежнейшего чизкейка, откусив кусочек которого, чувствуешь, как он тает у тебя во рту и сладостное послевкусие заставляет тебя глотать ночью слюни, то у меня всё равно не было бы аппетита. Ведь рядом он. И я вообще не могу думать о чем-либо другом.

Уже где-то пятнадцать минут я ковыряю вилкой свой салат, во рту до сих пор пусто.

— Нет аппетита? — насмешливо спрашивает парень. Его голос звучит у меня прямо над ухом. Я вздрагиваю. Я поднимаю глаза и замечаю, что нас только двое. Начинаю оглядываться. Мне нужен Дин, он не может оставить меня наедине с Эваном. Пусть он и не знает всего, но я ясно дала ему понять, что этот человек неприятен мне.

— Дин в туалете, — обыденно отвечает парень. Я перевожу взгляд на его тарелку. На его тарелке остался всего один кусочек жареного картофеля, который он уже наколот на вилку и готов был проглотить. Это ведь всё, что он умеет. Сжирать всё, что видит перед собой, без остатка. Я так и не осмеливаюсь поднять глаза. Вместо этого снова опускаю голову и снова ковыряюсь в чёртовом салате.

Звонок на телефоне сообщает мне о новом уведомлении. Это сообщение на электронной почте. Я уже знаю, от кого оно.

«Тебе больше идет улыбка».

Я натягиваю улыбку так, что кожаца моих сухих губ разрывается, и я чувствую металлический привкус во рту. Даже улыбка, подаренная ему, вызывает только боль.

— Прости, — шепчет он, тихо хихикая при этом. Я все же перевожу взгляд на него и замечаю играющую на его розовых губах виноватую улыбку. Невольно расслабляюсь и сдерживаю себя от настоящей улыбки. Он всё тот же манипулятор.

— Каролин, у тебя кровь, — я и не замечаю, как возвращается Дин. Он прижимает салфетку к моим губам. Мне снова становится грустно. Я перехватываю тонкую материю и теперь сама держу её возле своих окровавленных губ.

— Я просто хотел рассмешить её. Кто знал, что это будет опасно, — шутка вылетела изо рта Эвана. Но её никто не оценил.

— Каролин, давай же, улыбайся, — в приказном тоне говорит парень. Пальцами он растягивает её губы, только бы сотворить что-то похожее на улыбку. Эван привык делать то, что ему нравилось. Каролин в свою очередь не смела отказывать ему. Всё, что он делал с ней дарило ей лишь чувство свободы, и пусть, будучи слепой, она не замечала какой ценой эта свобода ей дается, ей нравилось это.

— Перестань, — она обхватила его ладони своими и мягко сжала. На её лице улыбка выросла сама по себе. Каролин было сложно не улыбаться, не радоваться, не быть счастливой, когда с ней рядом был Эван. Он это знал. Ему это нравилось. Она ему нравилась.

Тонкая кожица на её губах разорвалась. Капля крови сочилась из свежей раны. Каролин невольно поморщилась, её губы жгло от боли. Это было не очень больно, скорее просто неожиданно. Её пальцы прикоснулись к губам. Кроваво-красный след остался на тонких пальцах. Она поднесла их и провела по губам парня. Оба замерли в этот момент. Она не понимала, что творит. Просто делала глупость и ожидала, что он сделает в ответ. В моменты, как этот, он позволял ей думать, словно процессом руководила она. И Каролин действительно наивно думала о том, что в этот момент видит настоящего Эвана, что она узнала его, что он был её и будет всегда принадлежать только ей.

Но он берет дело в свои руки, когда его губы касаются её. Эван совсем не жалеет её. То и дело покусывает кровотокающую губу. Ему нравится чувствовать, как в его закипающей крови, она поддает особенные специи в виде частички себя. Ему нравится чувствовать её. Хотя бы так. Ведь в остальном он не мог получить её. Голос лучшего друга вырывался из-под подсознания и не позволял сделать это. Он обещал ему. Он не причинит ей такого рода боль.

Эван точно никогда бы не позаботился о том, что у меня могло что-то болеть. Я помню свои синяки на коленках, разбитые губы и рассечённые брови. Я не помню, как эти отметины появлялись на моем теле. Я просто просыпалась с ними. Я была глупой, когда считала, что его поцелуи были моим болеутоляющим. На самом деле, каждый из них был как ожог. Я была сожжена дотла.

Я улыбаюсь Дину лишь из-за вежливости. На самом деле я даже не могу на него смотреть. Меня воротит от него. Мне одновременно неловко перед ним за то, что я не чувствую к нему ничего больше симпатии и что меня воротит от того, как он поступил. Я ведь просила его не делать этого. Мне плевать на девушку Эвана. Она сделала ему больно? Так ему и надо! Он сделал мне в тысячу раз больнее.

Оставшуюся дорогу я снова провожу в молчании. Я даже надела наушники, включив меланхоличную Лану дель Рей только бы не слышать голос ни того, ни другого. Сообщения от Эвана приходили один за другим. Он совсем не изменился. Ему всё также нравится издеваться надо мной, манипулировать, заставлять меня чувствовать себя особенной, чтобы потом унижить и сломать.

Я вытягиваю наушники из ушей, когда песни начались уже по третьему кругу, а сами уши уже ужасно болят. Розовый закат разлился по всему горизонту. Дорога не заканчивается. Она просто ведет прямо или же узкой змейкой заворачивает куда-то, открывая перед

глазами новый вид. Я открыла окно со своей стороны. Воздух показался мне таким свежим, но в тоже время опьяняющим. Солнце тихо уходило за горизонт. Я посмотрела на Дина. Его усталые глаза смотрели прямо. Похоже, что он устал не только физически, он устал от меня. Я сама себя утомила.

Моя рука ложится на его колено. Он не смотрит на меня, но измученная улыбка появляется на его лице. Мне жаль его. Мои чувства немного утихли. Лишь маленький фитиль потушенной свечи всё ещё был горячим.

Новое уведомление на электронной почте. На этот раз открываю.

«Ты же его даже не любишь. Зачем ты даешь ему ложные надежды???»

Я вздыхаю. Без долгих раздумий пишу ответ:

«Тебе есть до этого дело? Ты ведь всё равно влюблен в другую».

Больше он не писал. Ему не было чем возразить. А я поняла, что в уголках глаз скапливается жидкость, от осознания того, что он ведь действительно влюблен в другую. Эван влюблен. Эван умеет любить. Эван умеет страдать. Только ко мне это не имеет никакого отношения.

Когда небо вовсе потемнело, мы остановились возле какого-то отеля. Мне уже было всё равно, где мы, где мы будем ночевать, и что вообще будет со мной завтра. Я просто устала.

Когда мы трое вышли из машины, я сразу же поежилась от холода, что неожиданно заставил мою кожу покрыться мурашками. На улице было непривычно холодно. Тяжелая капля упала мне прямо на лоб. Подняв голову вверх, я поняла, что надвигаются тучи. Ненавижу дождь. Ненавижу солнце. Ненавижу эту ничемную жизнь.

Отель было сложно различить от жилых домов, что стояли вплотную друг к другу. Деревянная табличка со слабой подсветкой гласила о том, что здесь можно переночевать. Мне было всё равно, где ночевать, только бы поскорее оказаться в постели, уснуть под стук дождя о стеклянные окна и проснуться завтра с осознанием того, что сегодняшний день мне всего лишь приснился.

Мы все расселились по разным комнатам, что находились рядом. Моя была в самом конце коридора. Я едва передвигала ноги, когда поднималась наверх. Каждое движение давалось мне с трудом, я просто плелась за парнями. Перед глазами всё расплывалось. Чувствую себя пьяной.

Дин с Эваном о чем-то говорили, когда они уже стояли возле своих дверей. Может, что-то об ужине, я не слушала. Я прошла мимо них, открыла ржавым ключом двери своей комнаты, а затем что есть силы хлопнула ею. И я взорвалась. Я просто скатилась вниз по облезлым деревянным дверям и начала рыдать.

Внутри меня будто сидел дракон, который решил выпустить свой огонь. Этот огонь жег меня изнутри. Мне хотелось кричать от того, как больно мне было. Словно в старую гнившую рану кто-то сунул грязный сучок и начал ятрить её, отчего она болит ещё хуже прежнего.

Скоро темнота охватила меня. Я словно стала её частью. Я не видела даже вытянутой вперед руки. Шторы были закрытыми, а я боялась даже подняться с места, чтобы открыть их. Темнота сжирает меня. В темноте просыпаются мои демоны.

Эван, Кристофер... Они дерутся. Я кричу. Мне больно. Я люблю их обоих. Он всё-таки заставил меня выбирать между ними. Я выбрала. Я ушла. Оставила его. Одного. Я не должна была делать это. Я должна была быть с ним. Мне стоило слушать его. Мне не стоило выпускать уголек из ада Эвана в себя. Мои демоны. Он. Он- единственный демон,

преследовавший меня всю мою жизнь.

Он никогда не любил меня. Так почему после всего случившегося, сквозь эту пронзающую насквозь всё моё тело боль, я продолжаю любить его. Любить всем своим сердцем. Каждой клеточкой своей искалеченной души. Почему?

Весь год она ждала, чтобы вернуться в Англию. К нему. Каролин было слишком мало переписок на электронной почте. Она была одержима. Приходила из школы, бросала свой рюкзак куда-то в угол, включала свой компьютер и проверяла не было ли новых сообщений от Эвана. Иногда они даже общались по FaceTime, но это было настолько редко, что иногда она просыпалась посреди ночи от страха, что забыла его лицо. Она мигом хватала свой телефон и затем до утра смотрела фотографии с ним.

На Рождество Эван прислал Каролин подарок. Это были духи. Прекрасный парфюм с нотами алой розы, жасмина и, может, даже пряного кардамона. Он знал, как ей нравились эти цветы (на самом деле он купил любимые духи Элли). Каролин спрятала их и решила, что будет использовать, когда они будут вместе. Ему ведь точно должно понравиться то, что он сам ей подарил? Да, особенно, когда Каролин будет пахнуть совсем, как его любимая девушка. Ты не прогадала, милая.

На уроках Каролин не была внимательна. Ей было интересно, чем в эту же секунду занимался Эван. Она хотела заполнять каждую минуту его жизни собой. Насколько же она была слепа, ведь не могла и предположить, что ему этого вовсе не нужно было. Но этого хотелось ей.

И всё же социальный статус у Каролин значительно поднялся. Ей стоило лишь рассказать своей лучше подруге о том, что она переспала с парнем старше неё. Она, даже будучи гордой, показала завистливой подруге фотографию Эвана, чтобы та точно знала, как ей сильно повезло. И пусть это было ложью, но кого это волновало? Совсем скоро новость разлетелась по всей школе, и Каролин появилось много новых «друзей», с которыми она курила на переменах, с которыми пила пиво в выходные (а может, кое-что и покрепче) и на вечеринках которых была почетным гостем. Она пробовала легкие наркотики, пила и много курила. Она продолжала творить немыслимые вещи, вроде пьяных купаний в реке голышом, нелепых граффити на стенах жилых домов, танцы посередине улицы. Ей это нравилось. Она чувствовала себя живой. Чувствовала, словно в эти моменты Эван мог бы гордиться ею.

Но откровенно говоря, его не беспокоило, что творилось с Каролин. Будучи жутким эгоистом, он по-своему скучал по ней. Всё, что ему нужно было — это просто её присутствие. Просто, чтобы была рядом. Ему нравилось следить за ней, контролировать её, защищать от своих придурковатых друзей. В такие моменты он контролировал и себя. Не напивался до безпамятства, не засыпал каждую ночь с новой девушкой, не плакал из-за Элли, не думал о самоубийстве. Эван точно знал, кем был для Каролин. Её религией, её способом существования. И это чувство нравилось ему. Она была в его руках. Единственная вещь, что ещё имела значение.

Кристофер остался в Англии. Здесь ему предстояло учиться в университете. Это лето было не из лучших, поэтому учебный процесс полностью поглотил его. К тому же, рядом была Лейтон. Ему некогда было вспоминать о Каролин или об Эване. Для себя он решил, что пора всё же немного пожить для себя, беспокоясь только о себе. Тем более, он сам убеждал себя в том, что беспокоиться ему больше и не о чем. Каролин дома. Что с ней может произойти, когда она в Амстердаме? Между ними как минимум море.

Когда-то они дружили трое- Кристофер, Элли и Эван. Лучшие друзья навеки. Они были ещё совсем детьми. Когда они познакомились, им было, наверное, по восемь. Они вместе

проводили время, вместе росли. Что-то теряли и что-то находили, но всегда вместе. Так было до того момента, пока Эван не влюбился в Элли. Или же пока он не осознал того факта, что всё время был влюблен в неё. После её отказа, наверное, всё и изменилось. Элли не хотела причинять боли Эвану, в конце концов, они были друзьями, но она действительно не любила его никогда. Кристофер поддерживал две стороны. Утром встречался с Элли, чтобы рассказать ей о том, как вечером Эван пьёт, курит, бьется с кем-то, а затем уходит с какой-то девушкой, имя которой к утру и не вспомнит. А вечером пытался спасти Эвана от самого себя.

— Крис, тебе не обязательно постоянно контролировать меня. Ладно? Не обязательно следить за мной, а затем рассказывать обо всем ей! Или же ей это приносит удовольствие? Скажи мне, ей нравится слушать о том, как мне плохо? — парень переходит на крик. Посетители маленькой вафельной странно поглядывают в их сторону.

— Нет, Эван. Ей просто жаль. Она просто хочет, чтобы всё было как раньше, — отвечает Крис, но не успевает закончить, когда его друг просто разрывается от смеха вдруг. Сумасшедший смех перерастает в вытьё. У Эвана болит голова и его жутко тошнит. Стоило меньше пить вчера.

— Ей не жаль. Ты приезжаешь сюда лишь на летние каникулы. Изредка на зимние. Чёрт, Крис, ты не знаешь и половины того, что происходит между нами, — он тяжело вздыхает. Зарывает ладонь в свои волосы. Ему больно лишь от одной мысли о ней.

— Я знаю то, что я твой друг и не хочу, чтобы ты и дальше разрушал тебя. Я беспокоюсь о тебе, чёрт возьми...

— Тебе не обязательно быть моим другом. Я никогда не просил тебя быть моим другом, — Эван встает из-за стола и уходит, оставляя Криса в полнейшем недоумении.

Но он не сдался. Он знал, что эти слова не имели значения, и что сам Эван ещё успеет пожалеть о них. Кристофер продолжал быть его другом. Но когда однажды Эван заметил Кристофера и Элли в одном из клубов, где он забывал о ней, он не на шутку разозлился. Он не знал, что Крис привел её для того, чтобы они помирились, чтобы она спасла его от саморазрушения, чтобы всё стало так, как и было раньше. Но Эван не оценил этого, накинувшись на бывшего друга с кулаками. В ту ночь они оба попали в больницу. После той ночи они больше не видели друг друга. Следующий раз, когда они встретились, был лишь на свадьбе Элли, на которую она пригласила обоих.

— Ты снова идешь к нему? — Крис стоял, прислонившись к дверному косяку, когда Каролин наносила на губы слой вишневого блеска.

— Только не начинай снова, — пробурчала она. Закрыв блеск, она принялась красить и без того пушистые ресницы.

— Я просто предупреждаю. Тебе не стоит связываться с этим человеком... — он тяжело вздыхает. Крис знает, что она его совсем не слышит. Эти дурацкие бабочки порхают и у неё в голове, своими большими крыльями поглощая здравый рассудок. Он пошатывается, хочет уходить, но продолжает смотреть на неё. Такая красивая, но по-прежнему такая глупая. Кристофер утопает в воспоминаниях, когда впервые познакомился с сестрой. Маленький сверток обернутый розовой лентой. Она плакала, очень много плакала. Он пытался успокоить её, развеселить. У него это даже иногда получалось.

Когда Каролин немного подросла, родители говорили ему, чтобы он брал её с собой гулять. Она раздражала его друзей. Она всегда была какой-то невнимательной, ветреной. Могла часами сидеть на траве и наблюдать за насекомыми, что сновали туда-сюда. А потом

мама ругала его, что у неё вся одежда испачкана травой.

Как только Каролин пошла в школу, она обзавелась новыми друзьями. В отличие от Криса, у неё с этим не было проблем. В первый же день она умудрилась позвать на чай почти весь свой класс. Но дружбы со всеми она поддержать не смогла, ведь была несносной в том плане, что всегда говорила всем то, что думала. Не всем по душе было слушать о себе правду. В конце концов, её лучшей подругой стала девочка Роза, которая жила на другом конце их улицы. Они были очень похожи. Иногда гуляя с друзьями по улице, Кристофер замечал двух девочек, что сидели в траве и наблюдали за насекомыми.

Теперь он даже не уверен, дружит ли она с Розой. Не знает, когда в последний раз она не врала. Кристофер даже уже и не может сказать наверняка, его ли это сестра стоит сейчас перед зеркалом, прихорашиваясь для парня, которому вовсе не нужна.

— Знаешь, Крис, этот год... Первый год, когда тебя не было рядом со мной. Это был лучший год моей жизни, — яд просачивался через её алые губы. Кристоферу было мерзко это слышать, но он всё также стоял на месте, ведь знал, что это только начало. — Ты ведь неудачник. Ты чёртов неудачник, Крис! Ты ничего не можешь сделать со своей жизнью! Тебе вообще нравится, как ты живешь? Тебе самому известно, для чего ты вообще живешь? Значение слова «жизнь» тебе известно?

— Каролин, прекрати, — её слова плотной плеткой били его по лицу, по всем внутренностям, по всей его душе. В его глазах помутнело. Это определенно была не его сестра.

— Ты говоришь, что выбор есть всегда. Но если бы у меня был выбор, то я не выбрала бы тебя своим братом. Я вообще никем бы тебя не выбрала. Я не нуждаюсь в твоём присутствии в моей жизни. Потому что это моя жизнь. Я делаю выбор. И он не в пользу тебя, Крис, — сказала Каролин. Выходя из комнаты, она задела его плечом. Это было не так уж и больно, как только что она задела его душу.

Входные двери громко хлопнули. Он всё так же стоял на месте. Внутри него будто всё умерло. Опустив голову вниз, Крис закрыл глаза. Ему просто нужно несколько минут, чтобы убедить себя в том, что она говорила несерьёзно, невпопад, её слова не имели значения. Несколько минут было мало. Он не мог убедить себя в том, чего на самом деле не было.

В доме не было никого. Бабушка была у своей подруги. К тому же Каролин всё равно соврала ей, что будет ночевать у своей подруги. Ему не остается ничего другого, как сдаться.

Крис сидит в гостиной и щелкает каналы. Вот уже по пятому кругу и всё ещё ничего. В конце концов, он просто остановился на «Discovery». Его совершенно не интересует, чем питаются моллюски, но монотонный голос оттуда заглушает голос девушки, которую он ещё недавно называл своей «сестрой», в его голове.

Затем в двери кто-то настойчиво начинает звонить. Он смотрит на часы. Только пять часов. На улице ещё даже не темно. Парень лениво поднимается с дивана и шагает к двери. Звонки превращаются в стук. Стоило ему открыть двери, как на него налетела Лейтон. Она выглядела взволновано и, похоже, даже напугано.

— Эй, что случилось? — он взял её за плечи и встряхнул.

Она показала ему, что ей нужно выпить. Пропустив девушку в дом, он пошел на кухню и набрал ей в стакан воды. Лейтон уже сидела на диване. Её дыхание было сбито, будто она сюда бежала. Он протянул ей стакан воды. Сделав глоток, она посмотрела на него грустным взглядом. Крис надеялся на то, что она пришла сюда не для того, чтобы бросить его. Она ведь не для этого пришла?

— Я подслушала разговор своего брата. Он говорил с каким-то другом. Эван сошел с ума. Вчера он виделся с Элли. Я думаю, он хочет что-то сделать Каролин. В плане... В общем, он хочет...

— Чёрт!

Крис просто выбежал из дома. Лейтон побежала за ним. Ему было всё равно, что Каролин ему наговорила. Вопреки всему он оставался её старшим братом.

Они объехали почти весь город. Обошли почти все бары в городе, кафе, не забыв об излюбленной вафельной, супермаркеты и вообще обошли все дома, которые издали светились неоновым светом и разрывались от громких битов музыки. Они даже были в другом городе, где был ближайший в округе ночной клуб. Но их не было нигде. Им давали какие-то наводки, следуя которым, они не находили ни Каролин, ни Эвана.

— Чёрт, мы уже были здесь, — Крис бьет по рулю. Уже десять вечера, а он до сих пор катается по городу с Лейтон в поисках пропавшей сестры. Затем он не выдерживает и выходит из машины, вдыхает прохладный воздух, прикрывает усталые глаза. Он не замечает, как Лейтон выходит следом за ним. Её нежная ладонь обхватывает аккуратно его ладонь и совсем легонько сжимает. Она кладет голову ему на плечо. Он не один.

— Крис, мне кажется это они, — тихо проговаривает Лейтон. Он открывает глаза и видит их. Это точно они.

***

Каролин не может понять, что происходит. Эван будто сам не свой. Он выглядит чересчур обеспокоенным, словно его кто-то преследует. Несколько раз он назвал её чужим именем. Может, ей это показалось, ведь алкоголь одурманил её разум и все слова, сказанные вслух и произнесенные, спутались в один большой комок и давили на неё. У неё уже болели уши от чрезвычайно громкой музыки, и она просила Эвана, чтобы они уже ушли оттуда, но он словно не слышал её, не хотел её слышать и продолжал танцевать, закрыв глаза. Когда она пыталась сама уйти отсюда, парень просто хватал её больно за оба запястья и больно сжимал, при этом улыбаясь, словно получал от этого удовольствие.

— Эван, мне плохо, — повторяет Каролин. Ей уже надоело это глупое игнорирование. Это было на него так непохоже. Обычно он мог взять её нежно за руку и повести к выходу. Затем держать её лицо в руках, спрашивая о том, как она себя чувствует. А затем они могли пойти в более спокойное место, или же просто могли погулять по городу или же просто возвратиться домой. Но сегодня Эван просто упорно игнорировал всё, что бы она ни говорила.

У раненого зверя хватка ещё сильнее. Вчера он виделся с Элли и с её мужем. Она не выглядит счастливой с ним. Он уверен, что все эти улыбки, объятия и взгляды фальшивы. Он будто чувствует, что Элли всё ещё принадлежит ему, хотя сама она глупо отрицает это. Она просто не понимает, как сильно он любит её, как сильно нуждается в ней и как не может жить без неё.

Эван думал, что Каролин всё исправит. Как обычно ему хватит лишь того, чтобы взглянуть на неё и понять, что есть на свете существо глупее него, которое готово любить его безо всякой на то причины. Но сегодня он смотрел на неё под другим светом.

Впервые со дня их знакомства в его голове прорезалось- «Это не она». Просто так отчетливо и резко он видел в её чертах лица что-то чужое, нелепое и абсолютно ему ненужное. Ему нравилось приносить ей боль. У него внутри, в конце концов, болело куда сильнее. В её глазах Эван видел страх, и это разжигало настоящий костер. Он горел изнутри.

Ему отчаянно хотелось видеть, как сгорит и она.

После очередной просьбы девушки уйти отсюда, он взял её за руку и потащил её к выходу. Ему уже надоело слышать её нытье. Ему уже надоело возиться с ней. Ему она больше не нужна. Нужно срочно поменять себе болеутоляющее. Это стало слишком слабым. Он вел её за собой. Каролин едва поспевала за быстрыми шагами парня. Её хрупкое тело было зажато между движущимися в такт пьяными телами, она едва ли проскакивала между ними, когда Эван просто расталкивал их.

Она почувствовала, как холодный поток воздуха ударил ей в лицо, как только они оказались на улице. Они вышли через чёрный вход, и людей в этом переулке даже и не было. Пустынная улица с расписанными граффити на старых поросших плесенью домах. У неё кружится голова, а перед глазами всё расплывается. Каролин чувствует, как Эван отпускает её руку, вскидывая её в воздухе слишком небрежно. Она не может даже рассмотреть его. Но чувствует, будто должна это сделать. Ей хочется посмотреть на его лицо, такое красивое и грустное. Она хочет смотреть на него всю жизнь. Его лицо как отдельный вид искусства. И даже если бы смотреть на него было платной услугой, она растратила бы все свои деньги.

Он достает из кармана чёрной кожаной куртки сигареты. Его руки дрожат. Зажигалка выпадает из холодных ладоней, и в порыве злости Эван ломает пополам сигарету, а затем выбрасывает всю пачку и топчет её ногами. Это настоящее сумасшествие. Ему хочется кричать во всё горло, бить что-то или кого-то до абсолютнейшего забытья или просто плакать, пока вся вода не выйдет из его тела.

— Эван, — тихий дрожащий голос действует на него как красный цвет для быка. Её легкая ладонь ложится на его плечо. Она настолько невесомая, что парень даже и не чувствует её, но миг перехватывает и больно сжимает.

Каролин страшно, но она не отводит взгляд и смотрит ему прямо в глаза, которые сейчас похожи на два полыхающих уголька, которые искрятся так сильно, что мимолетные искорки обжигают её кожу. Она жмурится от боли и совсем тихо шипит. Это не Эван. В его глазах она не видит человечности, он выглядит просто как расвирепевший зверь.

— Эван, — она произносит его имя вновь, будто это может вернуть его к жизни. Но это злит его ещё больше. Эван просто подносит руку и ударяет девушку по лицу, что есть силы. Она падает на землю, обхватывая руками лицо. Болит. Невыносимо больно от одного сознания того, что он смог поднять на неё руку.

Она поднимает голову вверх, так как кровь хлещет из носа. Кажется, Каролин его даже не чувствует. Её руки окровавлены, как и всё лицо, впрочем как и вся одежда.

Но это ещё не конец. Эвану мало этого. В нем слишком много боли и теперь, когда он начал разрушать, то он не остановится. Он наматывает волосы девушки на руку и тянет резко вверх. Затем он ударяет её ещё раз. В этот раз попадает в глаз. Она успевае лишь согнуться пополам от боли, как получает новый удар прямо в живот. Затем девушка просто падает на колени.

Но ей всё ещё не хочется кричать о помощи. Она лишь тихо стонет от боли. Каролин по-прежнему слепо верит в то, что это не Эван. Это точно не он. И пусть из её носа хлещет кровь, правый глаз она не может даже открыть, а в животе такое чувство, что все органы пропустили через мясорубку. Каролин упрямо игнорирует всё это. И лишь тихо просит у него самого о помощи.

Он совсем не слышит того, что она бормочет себе под нос, но пелена спадает с его глаз. Туман рассеивается, и Эван не может дать себе отчет в том, что он вообще только что

натворил. Он ещё никогда не поднимал руки ни на кого. Он никогда не поднимал руку на того, кто был ему искренне дорог и важен. Его охватывает чувство страха. Эван смотрит на Каролин, что лежит у его ног и тихо стонет от боли и впервые к нему приходит осознание того, каким же чудовищем он является на самом деле.

Эван разбивал чужие надежды, мечты, в конце концов, сердца. Но вот он искалечил человека. Живого человека.

Когда Каролин затихает, он бросается к ней. Падает на колени и бережно берет её лицо в свои большие ладони. Небрежно Эван вытирает пальцами её лицо от крови, смешанной с солеными слезами. На миг ему кажется, что она даже не дышит. Эван хватается за хрупкие плечи и начинает в истерике трясти. Только бы проснулась, только бы она дышала, только бы она не умерла.

— Пожалуйста, Каролин, — умоляет он. Прижимает её к своей груди. Теперь и его белая футболка и любимая куртка навсегда опятнаны его самой большой в жизни ошибкой. — Я знаю. Знаю, что ты никогда не причинила бы мне боли, — тихо продолжает он.

Но Каролин даже и не собиралась умирать. Ей больно дышать, она не чувствует своего тела и с трудом ей удается открыть левый глаз. Пытается открыть и правый, но он очень сильно слезится и жжет. Ей страшно. Что, если она больше никогда не сможет ничего видеть?

Она чувствует себя прижатой к его телу. Ей хорошо и невыносимо больно одновременно. Наконец, Каролин понимает, насколько этот человек опасен. Она боится не Эвана, боится того монстра, что живет в нем. И не может быть уверенной, что сейчас через секунду он не станет душить её, выбивая последние остатки жизни из её хилого тельца.

Каролин слышит каждое его слово. В области сердца колет. Убитые внизу живота бабочки вновь оживают, рассыпаясь мелкими бусинками по всему её телу. Каждое его слово, как холодная игла с антибиотиком проникает ей под кожу, даря облегчение. Её тело мякнет в его руках.

У неё больше не получается задерживать дыхание, и она громко вздыхает, глотая жадно ртом воздух. Эван слышит это. Он начинает смеяться. Так беззаботно и искренне, как могут смеяться только дети. Его игрушка немного сломалась, но не умерла ведь. Он просто починит её и будет играть дальше. Ей по-прежнему не стоит надеяться на что-то большее.

Эван снова берет её лицо в свои ладони. Она даже не открывает глаз. Эван не долго думает, целуя её в губы. Ей больно, но девушка не произносит и слова. Она просто тает в его руках. Это же сделал не Эван. Верно?

Он отрывается от неё.

— Открой глаза, — просит Эван. Каролин слушается его. Это дается ей с трудом, но правый глаз всё ещё не слушается её. Она зажмуривает его, будто всё нормально и так должно быть. А потом расплывается в улыбке. Её страх рассеивается в воздухе, а он забывает о происшедшем так быстро, будто ничего и не было. Словно это всё было иллюзией, миражем, страшным сном.

Они соприкасаются лбами. Её глаза снова сомкнуты, когда он рассматривает её лицо вблизи. И всё же она красивая. Пусть и не такая, как Элли. Но красивая, по-своему. Выкрашенные в пшеничный цвет сухие волосы, у корней они уже немного отросли, но разве это так сложно не замечать? Веснушки обрамляют острые черты её лица. Пухлые сухие губы, которые сейчас в крови. Вздернутый кверху нос, на котором виднеется большая ссадина. С

этими шрамами ей даже красивее.

— Каролин! — чей-то третий голос врывается между ними. Она подхватывается. Резко открывает глаза, но ничего не видит. Кажется, теперь один глаз кровоточит. Он тоже поворачивается на звук знакомого до боли голоса.

— Боже мой, это Крис? — спрашивает девушка, ведь ничего не видит. Закрывает больной глаз ладонью и пытается хотя бы что-то рассмотреть.

— Пошли отсюда, — Эван поднимается с места и начинает тащить девушку за собой. Она не слушается его. Её ноги заплетаются, она пытается тормозить, но слишком слаба для того, чтобы хотя бы удерживать собственный вес.

— Каролин, нам нужно идти! — настойчиво говорит он, продолжая тащить её тело за собой. Эван не хочет, чтобы Крис увидел, что он сделал с его сестрой. Он же убьёт его!

Следующее, что доносится до их слуха это звук тормозов и человеческий крик.

— Крис! — кричит девушка. Внизу живота у неё тяготеет. Она вскрикивает от ужаса, что охватывает всё её тело. Эван замирает в ужасе. То, что происходит у него перед глазами, заставляет кровь в жилах леденеть.

Крис лежит намертво на холодной земле. К нему вмиг подбегает какая-то девушка. Падает перед ним и трясет его за плечи. Водитель автомобиля выходит из машины. В его руках телефон. Он вызывает скорую.

Эван уверен, что это конец. С затылка Криса идет кровь. Он уже больше не жив.

Каролин выбирается из его рук и бежит к брату. Всё её тело ломит от боли, но она старается игнорировать это. Это уже не так важно. Она падает рядом и начинает плакать. Лейтон нежно приобнимает её за плечи и что-то шепчет на ухо.

Эван бежит. Он чувствует, словно это его вина. И едва ли не впервые чувство вины съедает его заживо, проглатывая вместе с его лживыми костями. Он бежит, но перед глазами всё равно он видит Криса, который бежит на красный. Каролин, которая не в состоянии даже открыть глаз или улыбнуться. И это всё из-за него.

Парень забегает в первый попавшейся переулок. Скатывается вниз на землю и утопает в безграничном потоке чувств, которые он так долго и упорно пытался хранить в маленьком сейфе его души.

На часах где-то около половины второго. Мне не спится. Я просто лежу в кровати, свернувшись калачиком, и упорно смотрю в стену. Я даже не удосужилась переодеться или расправить идеально застеленную кровать. К чёрту!

Слёзы уже давно высохли. Кожу на лице всё ещё неприятно щиплет от количества соли, которую я нанесла этим вечером вместо очищающей маски. Если бы эта «маска» очищала бы и душу. Я бы хотела очистить себя от этой разрушающей любви.

Внутри всё ещё болит. Это необратимый процесс. Я на грани самоуничтожения. Кнопки «отменить» в устройстве моих чувств не предусмотрено. Почему быть человеком так сложно?

Я не могу заставить себя ненавидеть Эвана. Вместо этого с каждой секундой я только больше проклиная саму себя. Ненавижу за то, что точно знаю, что в смерти Кристофера точно есть его вина, но вместе с этим оправдываю его во имя преданных чувств, от которых я пытаюсь избавиться вот уже несколько лет. Всё напрасно. Я не могу разлюбить его. В этом мне не поможет ни Питер, ни Дин. Господи, почему ты посылаешь мне на жизненный путь так много хороших парней, когда я не могу перестать любить одного ублюдка?

Переворачиваюсь на спину. Сжимаю белое одеяло до побеления костяшек. Хочется кричать, что есть сил, но вместо этого я выпускаю из груди лишь хриплый вздох. Это невыносимо! Я в клетке собственных безответных чувств. Сама заперла себя в ней, проглотив ключ свободы, отчего так сильно теперь першит в горле.

Вскакиваю с холодной постели. Сами стены будто давят на меня. Мне нечем дышать. Даже свежий воздух, проходящий через открытое окно, кажется, наполнен пылью. Поднимаюсь с кровати и иду искать покой в другом месте.

Запираю двери тихо. Не хочу, чтобы кто-то мог словить меня и остановить. Особенно Дин. Я ценю его заботу и доброту, но не могу ничем отблагодарить его. Кроме чувства благодарности, я не испытываю к нему ровным счетом ничего.

На цыпочках спускаюсь вниз. Выхожу из здания. Теплый летний воздух касается моей раскаленной от внутреннего жара кожи. Серый асфальт выдыхает пыль, что разносят люди, роняя из своих разбитых сердец. Я всё ещё не могу дышать. Что-то внутри по-прежнему меня гложет.

Я осматриваюсь вокруг. Не знаю, куда мне идти. Туман осел на город, и лишь линия фонарей, что выстроились в ряд, маячит где-то вдаль. Ни черта не вижу. Может, мне и не надо видеть? Ведь столько лет я слепо верила в то, что значу хотя бы что-то для Эвана. Когда ему всегда было плевать на меня.

«<i>Каролин, скорее всего после той ночи ты не хочешь слышать от меня и слова. Но я хочу... Хочу просто поблагодарить тебя напоследок. Спасибо, что позволила мне заботиться о себе, заставив напрочь забыть о преследовавших меня самого проблемам. Ты стала некоего рода болеутоляющим.

Я не хотел тебя избивать. Прости, что всё время позволял тебе верить в то, что ты значишь что-то для меня. Я не хотел, чтобы твои чувства были ко мне столь сильными. Очень жаль.

Ты заслуживаешь гораздо большего, Каролин. И я уверен, что ты ещё найдешь того, кто будет любить тебя так же искренне и сильно, как ты любила меня.

P.S. Как только Крис оправится скажи ему, что мне жаль</i>».

Одно письмо на электронной почте. Я заметила его только осенью, когда нашла в себе силы открыть свою почту лишь для того, чтобы прочитать наши старые переписки.

«<i>Крис умер</i>».

Написала я. И больше от Эвана я ничего не слышала. Я удалила все письма с почты, среди которых было и затерянное письмо с модельного агентства. Я даже не рассказала о нем родителям. Один лишь Крис знал о нем. У нас была одна мечта на двоих, к которой мы так стремительно шли. И я сама всё испортила. Я сама убила её.

Двери за моей спиной отворяются. Я бы и не обратила на это внимание, если бы в следующую секунду меня бы не схватили за руку и не повернули резко лицом к себе. Это был точно он. Его хватка была слишком сильной, что заставило меня мысленно вернуться в ту ночь. Он избил меня, вылил всю свою ненависть к миру на меня. Эван ошибочно думал, что мир несправедлив к нему, ведь его любимая девушка не любит его. Но ему было плевать на то, что в его руках была единственная, что любила его. Несмотря ни на что, мои чувства к нему не слабели. Скорее слабела я под их воздействием. Это будто наркотик, что, введенный однажды, навсегда оставил свой яд в моей крови. Только мне кажется, что наркотическая зависимость хотя бы лечится, в отличие от этого.

Я не осмеливаюсь смотреть ему в лицо. Знаю, что стоит мне поднять глаза, и я превращусь в статую, что будет безмолвно стоять, глядя своему страху в глаза, не в силах отвести влюбленного взора от него.

— Каролин, ты должна перестать винить меня в смерти Криса. Мы были лучшими друзьями, — его голос звучит по-прежнему. Усыпанный чёрным бархатом, он ласкает мой слух. И я не могу ничего сделать с тем, что моё сердце выстукивает в такт каждый его выдох и вдох.

Я никогда прежде не слышала, как звучит из уст Эвана имя моего брата. Он редко говорил со мной о нем. Я могла жаловаться Эвану на запреты Криса и докучающие предостережения, но Эван лишь смеялся в ответ, а затем целовал меня и в следующую минуту переводил беседу на что-то несущественное. Я знала, что когда-то они дружили, мне рассказал об этом сам Крис, но подробности мне не были известны и по сей день. Хотя думаю, это уже и не так важно. Для Кристофера это уже точно не имеет значения.

— Она ведь тебя не любит, — из водоворота моих мыслей вырвалось облако слов. Я пожалела о сказанном уже в следующую секунду, когда его рука ещё сильнее сжала моё запястье. Я провела взглядом по жилистой руке парня, мой взгляд остановился на ключицах, что были открыты через полупрозрачную серую футболку. Его почерком на них была написана фраза «Memento mori»- «Помни о смерти». Эта же фраза очернила белые листы ежедневника парня. Однажды я просто открыла его, когда Эвана не было поблизости. Мне было интересно прочитать его мысли, о которых я и догадки не имела. Кто же знал, что мысли этого парня крутились лишь вокруг этих двух слов.

— Каролин, прекрати. Ты говоришь это, потому что...

— Ты делаешь мне больно, — я говорю это громче, нежели следовало. Я знаю, что это должно сработать, потому что Эван боится, что кто-то сможет его в чем-то заподозрить. Хотя я не заметила никого, как только вышла, но мы стояли у самих окон. Он отпустил моё запястье. Моя рука повисла в воздухе на долю секунды, после чего я спрятала обе руки за спину.

— Ты любишь меня, — ещё громче и четче произносит парень. Из его губ эти слова

звучат, как оскорбление, обвинение в самом тяжёлом преступлении. Хотя эта любовь и без того полна греха.

— Ты отрицаешь правду, потому что боишься её, — разворачиваюсь на пятках и шагаю вниз по улице. Чувствую его холодный, полный ненависти взгляд на своей спине. Едва удается передвигать ноги. Желание обернуться и посмотреть на него так сильно, но я держу себя в руках. Я не должна этого делать.

— Ты совершенно ничего не знаешь! — его шаги довольно широкие, поэтому совсем скоро он догоняет меня, и мы идем нога в ногу. Я чувствую жар, что исходит от Эвана. Он буквально кипит, потому что в действительности знает, что я права. Только кому от этой правды лучше?

— Эван, ты ей не нужен, — продолжаю говорить с прежней убедительностью. Я знаю, что мои слова, словно меткие пули, попадают ему прямо в сердце. Но я такой же раненый зверь, как и он. Я знаю, что чувствует Эван. Знаю, каково ему слышать эту жестокую правду, что совершенно не соответствует тому самообману, которому он верит больше. Внутри него идет борьба, справиться с которой он не сможет никогда. Может, я и была его «болеутоляющим» на некоторое время, но теперь, когда я сама убита, вряд ли я смогу ему чем-то помочь.

Луна не выглядывает из-за больших туч. Звезды поблекли, их совершенно нигде не видно. Похоже, сегодня не сбудется ни одно желание. Большие дома откидывают жуткие тени, что растут под штучным светом уличных фонарей. Я вдыхаю свежий воздух всё глубже и глубже, но он застревает где-то на половине пути, так и не обмыв мои легкие дозой кислорода. Чувствую, как меня тошнит. Голова кружится. Когда мы доходим до конца улицы, я останавливаюсь. Пальцами вывожу круги в области висков. Глаза закрыты. Когда это прекратится?

Он хватается меня за плечи, разворачивая к себе. Я открываю глаза, но его лицо расплывается. Мне сложно сосредоточиться. Его губы шевелятся, он что-то пытается мне доказать. Я даже не слышу его. Слова рассеиваются где-то в воздухе, не доносясь до моего слуха.

Внезапно меня ослепляет луч света. Просто большое светлое пятно режет мне глаза, отчего я их крепко зажмуриваю. А затем я чувствую, как Эван тянет моё тело на себя. Мы падаем.

Пелена развеивается, когда до меня доносятся первые слова парня.

— Вот чёрт.

Я открываю глаза. Когда замечаю, что нахожусь сверху на Эване, то мои щеки наливаются румянцем. Я быстро перекатываюсь на спину, оказываясь рядом с ним. Спиной чувствую сырость и холод, исходящие из земли. Я чувствую, словно могу дышать. Оболочка, в которую я была заключена, разбилась. Я улыбаюсь, когда чувствую, как воздух попадает в мои легкие, обогащая их кислородом. Это так странно, но я чувствую, словно я живу. Улыбка перерастает в абсолютно беззаботный смех. Я жива! Крис умер, но я-то жива.

Чёрный траурный платок спал с моих плеч. Образ Криса растворился в моем подсознании. Я даже не помню, как звучит его голос. Я не могу вспомнить, как выглядит его лицо в деталях. Я не могу различить, существовал ли он на самом деле. Я проклинала своих родителей за игнорирование факта его смерти, но для меня Криса и правда больше не существует. Его просто нет.

— Ты тоже почувствовала это? — Эван приподнялся на локтях, откинув назад голову.

На его лице тоже играла улыбка. — Чёрт, я словно снова ожил, — произносит он. Эван облегченно смеется.

Я чувствую эту нить между нами. Всё это время между нами стоял Крис. И теперь его нет. Просто его нет. Может, его никогда и не было в действительности.

Эван склоняется надо мной. Его руки заключили меня в клетку, из которой нет выхода. Я и не очень сильно стремлюсь выбраться из неё. Свет фонаря освещает мне черты его лица. И я вижу его как впервые. Идеальная кожа лица, на которой вырисовывается звездопад родинок. Большие серые глаза горят. Я по-прежнему вижу в них огонь. Но вовсе не тот, что так больно обжигает. А тот, который так нежно обдаёт всё тело теплом. Не могу оторвать взгляд от его розовых пухлых губ.

Мои пальцы зарываются в его волосы. Я подаюсь немного вперед и целую. Внутри так спокойно, словно так и должно быть. Мои глаза открыты. У него наоборот. Моё сердце стучит размеренно и спокойно, когда я слышу, как его едва ли не выпрыгивает из груди. Мне хорошо. Я всё ещё чувствую, словно этот человек мой. Хотя, я всё ещё понимаю, что Эван влюблен в другую девушку, но этот поцелуй заставляет меня поверить в обратное. Я просто чувствую, что он мой.

— Эван, — я открываюсь от него. Мои руки расслабляются. Я пытаюсь встать, он выпускает меня из ореола своих рук.

— Я знаю, что она меня не любит, — он тяжело вздыхает. Мы сидим друг возле друга. Я больше не смотрю на него, хотя и не уверена, хочу ли я этого. Я поджала к себе колени. По телу мурашки, становится прохладнее.

— Зачем ты тогда следуешь сейчас за ней? — я положила голову на его плечо. Мимо нас проезжали автомобили, освещая путь фарами, а мы просто сидели здесь на холодной земле у самой дороги. И моя душа спокойна. Здесь, рядом с тем, кто не будет никогда моим.

— Ты ведь сама знаешь.

Он достаёт из кармана джинс сигареты и закуривает. Едкий серый дым смешивается с воздухом. Я хмурюсь. Но затем возникает неодолимое желание тоже сделать затяжку. Поднимаю голову и смотрю на парня. Без слов он подносит к моим губам сигарету. Чувствую, как внутри горячо обдаёт, и мне от этого так хорошо. На губах Эвана играет улыбка.

— Что ты делаешь рядом с ним? Он не подходит тебе, — говорит парень. Он смотрит на меня. Чувствую себя особенной. Почему-то мне кажется, что сейчас он видит именно меня. Не её, а меня.

— Он лучше, чем ты. Раз в тысячу...

— Должно быть, он очень скучный, — Эван усмехается. Возмущенная, стаю на сторону Дина и толкаю парня локтем в бок.

— Он помогает мне кое в чем. Причем безвозмездно, — «ты бы этого не сделал» мысленно продолжаю.

— Не думаю, что он помогает тебе за просто так, — он замолкает, пока делает затяжку. — Он влюблен в тебя. Это видно.

Я ничего не отвечаю. Мне нечего сказать. Дин и сам признавался мне в своих чувствах. Но я не могу ответить ему взаимностью. И дело даже не в Эване. Дело в том, что я не чувствую к нему ничего подобного. Благодарность и только.

— Мне всё равно, — отвечаю в конце концов. Жутко стыдно за свои слова, потому что в действительности мне не всё равно. Мне жаль, что он любит меня. И если бы я могла, то

обратила бы этот процесс. Вместо этого я, кажется, ещё больше углубляю себя и его в эту бездну неопределенности. Не стоило даже давать ему надежд на что-либо.

— Может, прогуляемся? — спрашивает Эван. Я снова чувствую, словно мне пятнадцать. Только в отличие от себя пятнадцатилетней, я знаю теперь больше. Пусть я всё ещё чувствую эту любовь к парню, сидящему рядом со мной, но эта любовь кажется мне менее безумной. Я не готова сделать для Эвана всё. Может, только потому, что я, наконец, поняла его?

Мы поднялись с холодной земли и пошли бродить по ночному городу. Эван накинул на мои плечи свою джинсовую куртку. Мы даже не держались за руки. Просто шли бок-о-бок, но и этого каким-то образом мне было вполне достаточно. Может, впервые за долгое время, будучи рядом с Эваном, я чувствовала себя спокойно. Моё сердце стучало равномерно, дыхание не было нарушено.

Он рассказал мне всё о том, что было «до», я же рассказала ему о том, что было со мной «после». Мы смеялись и вместе сопереживали друг другу. Такое чувство, словно мы просто старые друзья, которые давно не виделись и не держат за спиной груз прошлого. Один на двоих. Сегодня мы спустили этот груз.

— Сегодня я поняла, что мы не виноваты, — мы остановились снова на той самой улице, с которой начали. Мы стали под фонарем. Солнце ещё не спешило просыпаться. Оно лишь лениво опрокинуло несколько своих лучей, смутно осветив горизонт. Людей по-прежнему было немного. Сейчас, вероятно, не больше четырех часов.

— Каролин... — его пальцы подняли моё лицо за подбородок. Улыбнувшись, я отмахнулась. Я была сосредоточена, как никогда. Мне нужно было сказать Эвану кое-что главное из того, что ещё я поняла за сегодняшнюю ночь. Кое-что, что позволило мне, наконец, дышать.

— Единственное, в чем мы были виноваты... Оба... Мне не следовало любить тебя. Я должна была просто сразу заметить то, что ты любишь другую. А ты... Тебе, Эван, не стоило давать мне надежду. Тебе стоило просто воспользоваться мной, как и любой другой девушкой и всё... Мы натворили так много всего... Просто мы сами убили себя, — мои глаза рассматривают носки любимых кед. Я не смотрю на Эвана. Просто говорю, не думая. Просто чувствую каждое слово. Вытягиваю его из-под кожи, как павшие ангелы вытягивают остатки окровавленных перьев.

— Я тоже кое-что понял, — его холодные пальцы снова коснулись моего подбородка. Я всё же подняла свои глаза и посмотрела на него. Трезво, безо всякой пелены перед глазами, я по-прежнему видела его красивым. Только эта красота больше не убьет меня. Внутри эта конфета застряла у меня в горле. Нужно её как-то выбросить. Только сладкий привкус, что остается, в конце концов, на кончике языка вводит в заблуждение. Но к счастью, я знаю правильное решение. Мне нужно избавиться от этого.

— Сегодня я заметил, как ты красива, — совершенно неожиданно говорит парень. Он поддается вперед и целует меня. Я не сопротивляюсь. Мне это нравится, но я не без ума от этого. Я всё ещё держу себя в руках. Мои руки всё ещё сложены на груди, когда его лежат на моих бедрах и совсем легко сжимают их.

— Эван...

— Нет, — теперь его очередь перебивать меня. Наши лбы соприкасаются. Глаза всё ещё закрыты. Я вдыхаю воздух, который он выдыхает.

— Я должен разобраться с Элли. Я должен просто дать ей попробовать вкус жизни, в которой не будет меня. Нужно покончить с этим дерьмом, — говорит он. В то же время Эван

не договаривает. Ничего не говорит о нас. Видимо, с этим он решил ещё не заканчивать. Странно, ведь я уже решила всё для себя.

— Уезжай. Прямо сейчас. Ладно? — прошу его. Открываю глаза, отстраняю своё лицо от его. Но его ладонь ложится на мой затылок. Эван снова целует меня. Слишком поздно.

— Эван, просто уезжай. Пожалуйста. Если я буду нужна тебе, ты найдешь меня, — я отстраняюсь от него. В этот раз я делаю один шаг назад. Два- наши руки разрываются. Три- он достает из кармана пачку сигарет и зажигает одну. Четыре- кивает мне головой, а я одними лишь губами произношу «Спасибо». Пять- я разворачиваюсь и быстрым шагом спешу к отелю, где мы остановились. Бегу по ступенькам, едва ли не спотыкаюсь на них. Но не падаю. Подхожу к нужному этажу, делаю передышку. Вроде бы ещё могу дышать. Улыбаюсь сама себе.

Прохожу мимо его комнаты, проводя пальцами по шершавым стенам. Сердце молчит. Внутренний голос тоже. Как же мне легко.

Останавливаюсь возле номера Дина. Теперь становится не по себе.

Через окно в конце коридора просачивается свет. Утро. Как быстро.

Набираю полные легкие воздуха и стучу. Я не знаю, что со мной происходит, но я просто делаю это совершенно необдуманно. Слышу приближающиеся шаги за дверью. Слышу скрип деревянного пола, что прогибается под его крепким телом.

Дин открывает двери. Он стоит в одних лишь боксерах. Теперь я могу разглядеть его тело, не фантазируя о том, что находится под этими полупрозрачными футболками или плотными рубашками. И я довольна тем, что вижу. Он словно сошел со страниц «Mens Health». Я хочу его.

Безо всяких слов просто бросаюсь к нему, повисаю на его шее и крепко целую губы. Дин хоть и сонный, но быстро поддается мне. Моя грудь прикасается к его, и я чувствую, как мы притягиваемся друг к другу, словно магниты. Флюиды любви всё ещё не витают даже поблизости, но дикая страсть сковывает моё тело. Хочу его до безумия.

— Каролин, — он пытается сказать хоть слово, но я снова затыкаю его поцелуем. Через легкую ткань платья чувствую его эрекцию. Куртка Эвана спадает с моих плеч и падает на пол. Мне всё равно. Хочу уже скинуть всю одежду и отдаться ему. Такое вообще возможно?

— Давай без лишних слов, — шепчу я, разрывая наш поцелуй. Краем глаза замечаю Эвана, что стоит у своей двери. Мне всё равно. Я толкаю Дина вперед, закрываю за нами двери.

Впопыхах снимаю с себя платье. Его взгляд останавливается на моем теле. Глаза останавливаются на чёртовом тату. Я снова подхожу к нему ближе. Его руки заключают меня в объятия, когда мы снова целуемся. Я немного подпрыгиваю. Дин ловко меня подхватывает. Теперь мои ноги обвиты вокруг его крупного тела. Его пальцы расстегивают мой бюстгальтер, беспорядочно бросая его на пол, рядом с платьем. Моя голая грудь касается его груди, но я не чувствую ни капли стыда. Наоборот, возбуждаюсь только больше.

Дин аккуратно кладет меня на кровать. Несколько секунд, что кажутся мне вечностью, он жадно разглядывает моё тело. Почему он тянет время?

Я сама приподнимаюсь на локтях. Увлекаю его в поцелуй, затягивая вместе со мной в мягкую постель. Дин руками упирается в пружинистую поверхность, нависая надо мной. Его губы на моих ключицах. Затем ниже- на груди. Затем ещё ниже- на животе. А затем ещё ниже...

— Ты хотя бы уже не девственница? — спрашивает он меня, поднимая голову вверх.

— Спросить меня об этом вполне в твоём стиле, — тяжело вздыхаю, закатывая глаза. Но Дин по-прежнему выжидающе на меня смотрит. — А ты боишься ответственности? — внизу живота уже сводит мышцы, я не знаю, зачем снова затеваю эту глупую перепалку.

— Боюсь сделать тебе больно, если что. Я ведь должен как-то рассчитать мои силы, — он усмехается.

Закусываю губу и отрицательно мотаю головой в ответ. Затем немного поддвигаюсь к нему и оставляю легкий поцелуй на его губах.

— А я надеюсь, у тебя есть с собой контрацептивы? — шепчу я.

Теперь усмехается Дин. Он не тратит много времени, доставая из кармана брошенных на пол джинсов маленький серебряный квадратик. Он разрывает его, когда я останавливаю его.

— Позволь я сама, — говорю, ловко захватывая квадратик двумя пальцами. Сама не знаю, что на меня нашло. Но я хочу его. И я хочу его так сильно, как никогда никого не хотела.

Сердце не вырывается из груди. С дыханием всё в порядке. Пульс кажется в норме. С головой некоторые неполадки. Но я не хочу разрушать этого. Я хочу, чтобы этот день начался именно так. Хочу почувствовать себя хотя бы на одну ночь чьей-то, чтобы днем снова смаковать вкус свободы.

Я купаюсь в лучах солнца, что просачиваются через неплотно закрытые шторы. Лежу на животе, чувствую холодные пальцы Дина, что выводят круги на моей голой спине. От низа живота и по всему телу разливается приятное тепло. Мои мышцы расслаблены, и вообще я совершенно не чувствую своего тела. Я просто расплылась на этой кровати, словно мороженое на солнце. Я даже не хочу двигаться с места. Просто хочу остаться здесь навсегда. Просто провести свою жизнь, лежа на животе и чувствуя холодные пальцы Дина на своей горячей коже.

— Я знаю, что ты не спишь, — ровное дыхание парня касается моей кожи. Матрас прогибается под его весом, когда он поднимается с места, а я недовольно бурчу. Собираю все свои силы, чтобы перевернуться на спину.

— К твоему сведенью, я не спала всю ночь, — хмыкаю я. Натягиваю одеяло едва ли не до шеи и привстаю. Мышцы приятно сводит от боли, словно я несколько часов подряд упорно занималась какими-то упражнениями. Хотя, правду говоря, такими упражнениями я бы занималась с удовольствием каждый день.

— Я тоже, — мне послышался смешок парня. Он стоял ко мне спиной, одетый в брюки, Дин как раз набрасывал на тело футболку. — Но пора ехать, если ты хочешь ещё сегодня попасть в Нью-Йорк.

Я упала в объятия мягких подушек и в тот же час утонула в них. Хочу ли я в Нью-Йорк? Хочу ли я вообще видеть Питера? Нужно ли мне это? В моей голове застрял однозначный ответ- «нет», но есть ли у меня теперь право отступить назад, когда я так решительно шла к этой цели? Опять же, ответ у меня один- «нет».

Мне кажется, на время я вообще забыла, что делаю здесь. Дин, Эван... Я совсем запуталась, что я чувствую и что я, в конце концов, должна чувствовать. И должна ли я вообще? Убеждена, что нет. Но я должна всё ещё найти Питера, чтобы он знал о своей матери. Никто не должен быть забытым. Он был единственным, кто остался у неё (до того, конечно же, как он не переложил эту заботу на мои плечи).

За короткое время я пересмотрела некоторые свои приоритеты. Странно, но находясь в Америке, я узнала гораздо больше истин, нежели за все двадцать лет, что я провела в родных Нидерландах. И воздух здесь вроде грязнее. И люди грубее. Но каким-то образом, оторвавшись от родного дома, я смогла упорядочить свои мысли. Или же, может, дело не в моем местонахождении? Дело, должно быть, в людях. В родителях, которые то и дело не смеют упоминать о Крисе, словно его никогда и не существовало. Но вместе с тем, вещи в его комнате всё ещё не лежат нетронутыми. Кроме личного дневника, который я забрала себе.

Или дело в Агнесс, которой я даже не рассказывала о брате, последовав примеру родителей. По большей мере Агнесс даже не знает меня. Она видит то, что есть теперь, но ей не видно того, что находится за этой саркастичной холодной отталкивающей стеной. Ей стоило бы знать, с кем она имеет дело на самом деле.

Или дело в Питере, который взгромоздил себе на плечи груз моих проблем. Я рассказала ему больше, чем, наверное, следовало бы. Но мне нравилось, как он жалел меня. Нравилось то, что хотя бы кого-то я волную. Но его не хватило надолго. Вскоре Питер тоже желал быть услышанным. Когда он понял, что я не из тех, кто будет поддержкой, он

перестал жалеть меня, стал указывать мне на мои недостатки. Каждое его замечание было справедливым, но стоило ли ему продолжать уничтожать мою личность, чтобы потом оставить большую мать на мои хрупкие плечи? Хотя, в то же время миссис Фэллер стала первым человеком, о котором я действительно заботилась.

— Даже не верится, что это уже конец, — ворчу я. Едва ли нахожу силы, чтобы подняться с кровати. Хватаю желтую смятую ткань платья, что беспорядочно валялась на полу возле кровати, отворачиваюсь спиной к окну и надеваю через голову.

Легкий холодок пробегает по моему позвоночнику, когда я чувствую чужие руки на бедрах. Прислушиваюсь к сердцу, но оно всё так же упрямо молчит. Всё, что я чувствую, это возбуждение, что новой волной проносится по моему телу.

— Думаешь, это конец? — его горячее дыхание щекошет мне ухо. Тяжело воздержаться от смеха. Моя кожа покрывается мурашками, всё тело напрягается, но сердце, словно превращенное в камень, не подает никаких знаков.

Дин обхватывает мою талию одной рукой и поднимает над землей. Я визжу, как умалишенная. Но через секунду я раздражаюсь заливистым смехом, когда он бросает меня на кровать и нависает надо мной. Платье приподнято, а под ним нет ничего. Тем не менее, я не чувствую ни капли стеснения. Вместо этого я немного приподнимаюсь и награждаю парня поцелуем.

— А теперь мне пора собираться, — я ловко выскользнула из-под его крепких рук. Оказавшись у двери, я показала Дину напоследок язык, как маленькая нашкодившая девчонка, а затем вышла из комнаты.

И лишь оказавшись за пределами этой комнаты, в мою голову начал поступать кислород. Ко мне подкралось осознание того, что я вообще наделала. Немного поздноато и вообще как бы между прочим, но мне внезапно стало стыдно. Чем я вообще руководствовалась, когда только постучала в двери Дина?

Я сразу повернула голову в сторону соседней комнаты, где должен быть Эван. Он всё видел. Я даже помню его взгляд — такой пронзительный с неким даже укором, когда я повисла на шее Дина. Раньше я не замечала этого в его взгляде. Я вроде и проигнорировала это, но сейчас его темные глаза цвета ночи прожигают в моем подсознании большую дыру.

В долю секунды оказываюсь возле его дверей. Стучу. Он не открывает. В дверном проеме замечаю маленький клочок бумаги сложенный втрое. Аккуратно достаю его. Сердце молчит, но в горле почему-то пересохло. Чувствую, словно чем-то провинилась перед ним. Хотя, виновата я лишь перед собой за то, что снова жалею Эвана. Господи, когда же я стану хотя бы немного умнее?

«Уехал, как ты и просила. Но не сомневайся в том, что я ещё вернусь».

Холод прошелся по моей коже. Не уверена, что жажду возвращения Эвана в мою жизнь. Вчера я только почувствовала, что могу снова жить. Вчера я очнулась от ночного кошмара, что длился несколько лет. Проблема лишь в том, что погрузились в этот кошмар мы вместе, проснулись мы тоже не порознь. Только это же был лишь страшный сон, который имел последствия в реальной жизни. Нет Криса, нет Эвана. Есть я, Питер, Дин и дорога в Нью Йорк. Это всё, что имеет значение. Мну бумажку и бросаю её у дверей.

По возвращении в комнату, я сбрасываю чёртово платье и залезаю в душ. Мне хватает десяти минут, чтобы очистить тело, но, к сожалению, не голову. Лишние мысли всё ещё мешают мне свободно жить.

Быстро переодеваюсь в джинсы и мешковатую футболку белого цвета, за которой даже

не видно моей фигуры. Прошлая ночь была замечательной. Честно говоря, после секса с Дином я усомнилась в том, был ли у меня вообще когда-то секс. Но некое чувство стыда съедает меня. Хотя, рядом с Дином подобного я даже не чувствовала. Наоборот, меня ничего не сковывало, мне хотелось быть развратной рядом с ним. Опьяненная временным чувством свободы, я постучала в его двери этим утром. Может, это не было ошибкой?

Когда я покинула свою комнату (если можно назвать её моей, ведь провела я в ней не более нескольких часов), я спустилась вниз, где меня уже ждали. Почему-то я не осмеливалась поднимать глаза, хотя даже так я смогла почувствовать, что он улыбался.

Стоило мне оказаться на улице, как я сразу же пожалела о том, что надела джинсы. Было так жарко, что мне хотелось снять с себя даже кожу. Даже в прохладном салоне автомобиля было жарковато. В конце концов, Дин постоянно в брюках. Это ведь ещё не трагедия. Хотя, в самом деле, я готова стянуть с себя штаны прямо сейчас, не взирая ни на что. Даже если бы я сбросила с себя всю одежду, то чего он там не видел?

— Женщина на рецепции сказала, что Эван уехал ночью, — сказал Дин, сев на водительское место. Странно, но меня не проняла дрожь, стоило ему произнести это имя вслух. Я даже сама себе удивилась.

— Странно, — я пожалала плечами. Я смотрела прямо, по-прежнему избегая того, чтобы заглянуть Дину в глаза. — В любом случае, мы продолжаем свой путь. Выходим на финишную прямую! — я повернула голову. Мой взгляд остановился на его губах. Не знаю, как я выгляжу в его глазах. Надеюсь, что он не принимает меня за какую-то шлюху. Чёрт, только бы он не подумал обо мне чего-то дурного.

Но Дин сам заставил меня посмотреть ему в глаза. Его пальцы легко прикоснулись к моему подбородку, приподнимая лицо вверх. Я вдыхала воздух, который он выдыхал. Клянусь, это было так неловко, что... Моё сердце просто перестало стучать. А когда его губы накрыли мои, то я просто сжала руку в кулак.

— Это ещё не конец, — выдохнул он мне в губы, когда оторвался от меня.

И мы снова были в дороге. Удивительно, но время прошло так быстро. Я даже не успела заметить, как мы проехали половину Америки. Сколько неприятностей мы преодолели? Хотя, я более чем уверена, что если бы Дин был один, то всё было бы отлично, и в Нью-Йорке он был бы ещё вчера вечером. Я просто ходячая проблема... Хотя, не это ли сделало нашу поездку запоминающейся?

На время я даже забыла о главной цели- найти Питера. Но, в конце концов, кажется, я обрела главное- свободу от собственных удушающих мыслей.

Как-то моя мама сказала мне одну вещь- мы не встречаем людей в своей жизни просто так. Жизнь, как школа. Она учит всё время. Только нужны ли нам эти уроки, если все мы придем к одному исходу? Может, всё же когда-то своему ребенку я скажу другую истину. Скажу, что не стоит принимать жизнь всерьез. Если беспокоиться обо всем на свете, будь то прошлое, будь то будущее, можно просто упустить саму жизнь. Можно просто не почувствовать её. Жизнь- это не школа. И люди появляются в жизни наших просто, проходя мимо. И выбор за нами, останавливать их на своем пути или позволить им идти дальше.

Вид за окном сменяется. Мы закрыли окна, чтобы не выпускать прохладу, что исходила от кондиционеров. Только иногда, когда Дину хотелось курить, он открывал окно, впуская удушливый воздух внутрь. Когда я попросила его дать и мне затянуться один раз, он посмотрел на меня таким грозным взглядом, словно он был моим отцом. После этого я начала ругать его каждый раз, когда он доставал сигареты и намеривался курить.

— У тебя есть что-то почитать? — спросила я внезапно.

— Может, лучше поговорим?

— Я уже достаточно наговорила с тобой. Я хочу почитать, — я упрямо настаивала на своем. — Или ты что-то скрываешь от меня? — я сразу же полезла к бардачку. Открывался он с трудом. Если не сказать, что я вообще не могла его открыть. Дина мои попытки лишь насмешили. В принципе, всё что я делаю, смешит его. Разве что кроме одной вещи...

— Признайся, у тебя там порно... — я начала строить догадки. — Или же наоборот. Чёрт, Дин, ты ревностный католик? — я не унималась, но не сказать, что его это бесило. Может быть, ещё в начале нашего путешествия, он бы не на шутку разозлился на меня за подобные утверждения.

Не отрывая взгляда от дороги, он просто одной рукой открыл чёртов бардачок. Из него сразу же вывалилось много маленьких смятых бумажек. Имев смелость развернуть одну из них, я заметила, что это были чеки. Также здесь я нашла пачку презервативов. Дин лишь пожал плечами. В принципе, вчера эта вещь нам пригодилась. Также в глубине я наткнулась на книгу. Когда я достала её, то заметила тонкий шар пыли, что осел под давлением времени на мягкую обложку.

— Стендаль, «Красное и чёрное», — вслух прочитала я. Значит, классика. Честно говоря, я даже не удивлена. Для идеального Дина такая книга как раз подходила. Мне довольно легко представить его в один из дождливых летних дней на веранде своего дома с этой книгой в руках. А на маленьком столике рядом его любимый чай с мелиссой. Мне тяжело вписать в этот пейзаж себя или какую-либо другую девушку.

— Читала? — спрашивает он с некой долей насмешки. Скорее всего, парень ожидает отрицательного ответа.

— Одним летом, когда была у бабушки. Мне было всего тринадцать, поэтому половину всего, что здесь написано, я так и не поняла...

— Неудивительно, эта книга, действительно, сложна для восприятия. Особенно для детского, — он перебил меня, чтобы снова показать, что он умнее меня. Эта отличительная черта Дина. На него даже нельзя обижаться за это. Он ведь «золотой» ребенок. Я лишь вздохнула в ответ, не произнося ни слова.

В итоге, я открыла книгу и начала читать её с самого начала. Солнце ушло за облака, поэтому я открыла окно. Удобно устроившись на сидении, я высунула ноги в открытое окно. Пусть водители проклинают меня в своей невнимательности, когда будут проезжать мимо, но меня это не беспокоит. Я так давно мечтала сделать подобное. Чёртов Тумблер подбивает на подобные вещи, вселяя в душу фальшивое чувство уюта.

Вскоре чувство голода одолевало меня. Из-за этого я мало что понимала из прочитанного. Или же может быть дело и не в голоде. Может, я просто действительно немного глуповата? Но я продолжала читать, упуская слова, целые предложения и абзацы, углубляясь всё больше в собственные мысли.

Уже сегодня вечером мы будем в Нью-Йорке. Уже завтра я смогу увидеть Питера. Но захочет ли он видеть меня? Мы не разговаривали более двух лет, и единственное, что нас теперь связывает, вовсе не прошлое, а смерть его матери.

Мне сложно представить нашу первую встречу. Из тех видео, которые я пересмотрела на Ютубе, или фотографий на различных фан-сайтах, я поняла, что совершенно не знаю этого парня. Он излучает уверенность. А раньше ему было страшно выйти даже на школьную сцену. Когда они выступали в клубах, я всё ещё помню, как сильно волновался Питер перед

каждым выступлением. Я пыталась его успокоить, а он упорно начинал доказывать, что всё в порядке. Но его пальцы, что сжимали медиатор, дрожали даже когда касались натянутых струн гитары, которую ему подарили на тринадцатый день рождения.

Хотя, может, теперь у Питера есть другая девушка, что перед каждым концертом берет его за руку и произносит ласковые слова, что вселяют в него веру в себя. Но он и дальше строит из себя крутого парня, которому всё нипочем.

— О чем ты думаешь? — голос Дина ловко проскальзывает в моё подсознание, разрушая очертания прошлого, которые я возобновила в своей памяти.

— Я вообще-то читаю книгу.

— Ты уже десять минут не переворачиваешь страницу, — он усмехнулся.

— Ладно, — я захлопнула книгу, небрежно бросив её на заднее сидение. Мои ноги уже затекли, как и спина, как, впрочем, и всё тело. Я поудобнее уселась в кресле, прижав ноги к себе и обняв их руками. — Просто я думаю о предстоящей встрече с Питером. Думаю, это будет немного... Неловко, — честно призналась я в своих опасениях.

— Думаю, ты справишься с этим, — его рука легла мне на колено. Его слова звучали так, будто мы были женаты вот уже где-то лет десять и речь шла об какой-то дурацкой конференции, на которой я должна была бы выступить или что-то подобное. — Думаю, он сам захочет поговорить с тобой.

— Не знаю, — я лишь пожала плечами и отвернула голову к окну, созерцая вид за окном, что проносился, не успевала я даже задержать внимания на чем-то.

— Расскажи мне о своей семье, — внезапно попросила я, не отрывая взгляда от окна. Я всё ещё помню об обещании сопровождать Дина на свадьбе его отца. Это должно быть большое событие. Его семья наверняка не бедная, да и к тому же подозреваю, что будущей жене его отца лет не больше, чем мне. Лишь от одной этой мысли мне становится не по себе. Там, наверное, будет очень много таких же влиятельных людей. Может, мне даже посчастливится увидеть кого-то из знаменитостей. Будь Агнесс на моем месте, она описалась бы от радости.

— Что именно ты хочешь от меня услышать? — я уловила в его голосе нотки негодования. Но разве плохое настроение Дина когда-либо останавливало меня от глупых расспросов?

— Не знаю. Просто что-то, — я повернула голову и всматривалась в его лицо. Всё же Дин очень красивый. Он вполне мог бы сыграть Кристиана Грея. Исполнительнице роли Анастейши не пришлось бы даже подделывать удовольствие, оно бы само просматривалось в чертах её лица, стоило бы ему продемонстрировать одну из сцен. Но вместе с тем Дин такой спокойный, самоуверенный, и с первого взгляда, даже немного скучноват, но, тем не менее, это лишь дополняет его образ хладнокровного бизнесмена. И он вовсе не похож на человека, который лет через двадцать женится на девушке, что вдвое младше него самого. Скорее, он похож на того, у кого уже есть семья. Прочная, сплоченная, дружная. Думаю, Дин будет хорошим мужем и отцом.

И Дин рассказал мне, наверное, даже то, чего я бы и не хотела слушать. Рассказал о счастливом детстве, когда ему позволяли всё, чего он только мог пожелать. И о том, как это детство переросло в юность, когда он поплатился за собственную вседозволенность. Он рассказывал о своих родителях, не сказав ни об одном из них ни одного плохого слова, не взирая ни на что. Их отрицательные качества я смогла проглядеть лишь в отдельных историях.

После истории о том, как его родители расстались, Дин замолчал. Да и я больше ничего не спрашивала. Вместо этого, я начала рассказывать ему тупые истории из своего детства, при этом всё так же не вплетая в них Крису, который был приведеньем во всех моих воспоминаниях.

Небо окрашивается в оранжевую краску. Солнце медленно уходит за горизонт. Мы всё ещё в дороге, но я даже и не замечаю, как мы оказываемся в самом Нью-Йорке. Честно говоря, мыслю я в силу своих двадцати лет довольно-таки стереотипно. Я ожидала увидеть множество небоскребов, которые вырастают из земли и пытаются сравниться между собой в величии. Но первое, что я вижу, когда мы въезжаем в город, это трущобы. Узкие переулки, пятиэтажки, которые стоят так плотно, как только можно. Здесь много людей, и они не выглядят дружно. Помнится мне, когда в первый год я общалась с Питером по телефону, он описывал мне Америку именно такой. Боюсь, если бы со мной не было Дина, я бы остановилась на время где-то здесь, иначе хватило бы мне денег на что-то лучше?

Должна признать, что в самом бедном и отстраненном районе Амстердама было куда лучше и чище. Я закрыла окно автомобиля, когда неприятный запах пробивался внутрь салона.

— Это и есть всеми хваленный Нью-Йорк?

Невольно я вспомнила все те вырезки из журналов, что висят, прикрепленными к моей стене. Это всё было моей мечтой, но реальность оказалась таковой. Разве это тот город, в который я мечтала попасть, чтобы начать свою карьеру модели?

— С этого все начинают, — ответил мне парень. Уверена, с его достатком, он здесь даже не закончит. Но если бы я приехала сюда за своей мечтой, отсюда бы я и начинала. И, может быть, закончила бы. Большие города ломают маленьких людей.

Когда мы выехали на более широкую дорогу, и издалека я могла видеть некоторые высотки, я словно снова обрела возможность дышать. Я снова открыла окно, высунула оттуда голову и позволила ветру играть с моими волосами.

Когда мы проезжали через большой Бруклинский мост, я вылезла и начала кричать во всё горло. Вот она, долгожданная свобода. Я искала её в сигаретах, алкоголе, пустых людях, а она была в таких простых вещах. Просто одна машина, правильный человек рядом и обычная радость от того, что я живу.

Я назвала Дину адрес того клуба, где должен проходить концерт Питера. Мы успели. Небо уже вовсе потемнело, когда мы оказались возле входа в клуб.

Мы сидели в машине, и я почему-то не осмеливалась выходить. Но разве не ради этого я вообще собралась в эту поездку? Так странно, но лишь теперь я не уверена, готова ли говорить с Питером обо всем.

— Я могу пойти с тобой, — ладонь Дина накрывала мою. От этого мне спокойнее не становилось, но я всё же не хотела, чтобы он меня отпускал.

— Нет, я сама, — решительно ответила я. И тогда открыла двери и вышла из машины. Я сразу же попятилась от холодного воздуха, что обвлек меня. Качнувшись на ступнях, я всё же сделала шаг вперед. Я выглянула из-за угла. Возле входа стояло два охранника, которые пропускали внутрь людей, у которых были билеты. Чёрт, билеты я так и не купила.

Не долго раздумывая, я решила обойти это место с другой стороны. Должен же здесь быть какой-то чёрный вход или что-то в этом роде. Я зашла с другой стороны и таки нашла этот вход, но чтобы пройти к нему, нужно было одолеть забор. Да уж, буду не удивлена, если к этому забору ещё электричество подключено.

На всякий случай я решила это проверить. Подняв с земли какую-то палку, я аккуратно притронулась к этому забору. К счастью, ничего не воспламенилось, никто не умер. Поэтому, посоветовавшись с собой, я приняла решение перелезть через чёртов забор. В последний раз это закончилось не весьма хорошо (моя любимая татуировка напоминает мне об этом каждый раз, когда я иду в душ).

Когда мои ступни коснулись земли, я услышала позади себя звук тормозящих шин. Фары автомобиля ослепили меня. Но я быстро на ватных ногах поднялась и спряталась в кустах, словно какая-то ворюшка.

Ворота открылись и в дворик въехал мини-автобус. Мне не нужно было долго думать, что происходит. Всё было понятно. Я незаметно вышла вперед. Не впервые ли я рада наступлению ночи.

Я заметила Ральфа (или, как раньше мы его называли, Пончик), который был лучшим другом Питера и по совместительству барабанщиком. За ним вышел ещё один парень, волосы которого были окрашены в яркий фиолетовый цвет, с гитарой за плечами, его я не знала. И вслед за ним вышел Питер.

Мои руки затряслись. Но мне нельзя было терять времени. Он был так близко. Я слышала его смех. У меня даже голова вскружилась. Всё это кажется каким-то глупым сном. Будь ты проклят, Питер Фэллер, что заставил меня так сильно волноваться. Чувствую себя снова, будто я в школе. Захожу в актовый зал, чтобы проверить всё ли готово к школьным танцам, а он застает меня врасплох.

Я кладу свою ладонь на его плечо, когда он оказывается ко мне ближе всех. Питер поворачивается ко мне. Его глаза кажутся мне такими родными, теплыми. Я скучала по нему, несмотря ни на что. Что-то теплое внутри меня вновь воспламенилось. Я люблю Питера, но всё ещё не больше чем друга.

— Чёрт, — он выдыхает, перепуганный едва не до смерти. — Тебе лучше убираться отсюда, пока тебя не заметила охрана. Оставь свой номер, я обязательно перезвоню тебе, — он отделался от меня шаблонной фразой, перепутав меня с фанаткой. Отлично. Всё идет, как раз по моему плану.

— Питер, — мягко произношу я, когда он уже намеривается уходить. — Это же я. Каролин, — шепотом говорю.

На его лице застывает шок. Парень всматривается в моё лицо, будто не может узнать. А затем он сглатывает тяжелый ком, что образовался в его горле. Вся его уверенность где-то рассеялась. Его руки затряслись, а глаза бегло осматривали меня. Мне даже показалось, будто они заслезились, но, похоже, это я через пелену собственных слез увидела это.

— Господи, Каролин. Я так скучал по тебе, — его ладони коснулись моего лица. Губами он прижался к моим. Это было так странно. У меня просто пропал дар речи. — Давай, встретимся завтра в два в отеле «Хилтон». В холле. Я тебе всё объясню. Я рад, что ты меня нашла.

Чувствую себя принцессой, когда просыпаюсь в шикарных апартаментах номера-люкс, который снял Дин. Я сопротивлялась, как могла, но, в конце концов, доводы парня оказались убедительнее моих. Сложно было отказаться от сна в шелковых простынях на мягкой большой кровати (где, наверное, пятеро поместиться может) и, в принципе, не только ото сна. Последний день в Америке должен пройти идеально. Сегодняшний день должен быть довольно насыщенным и к тому же интересным. Даже не хочется возвращаться домой, хоть я и изрядно устала.

Едва заставляю себя открыть глаза, потому что сон уже ушел, но мне так лень. Потягиваюсь в кровати, рукой нащупываю пустое место рядом с собой. Неужели, вот он конец сказки? И осталась ты, милая, у разбитого корыта.

Открываю глаза, чтобы убедиться в том, что всё это мне и вовсе не приснилось. Обнаруживаю себя в той же кровати, в которой уснула вчера. Легкое одеяло, натянуто мне до подбородка, по телу проходит легкая дрожь, когда чувствую прикосновение шелка к коже. Нет, не сон. Но как же Дин?

На подушке скромно лежит клочок бумаги. Я невольно вздрагиваю, не тот ли это клочок, который я так успешно украли у Дина и не имела даже в виду его отдавать. Неужели он нашел его и всё понял? Понял, какая я лицемерная эгоистка. А ведь если бы он заставил меня посмотреть ему в глаза и сказать, зачем я сделала это, я бы не смогла. Я ведь вроде бы не такая... По крайней мере была до этой поездки.

С сердечным волнением разворачиваю записку и громко выдыхаю с облегчением, когда читаю строки:

«Исполняю роль Крестной феи. Золушка, готова к балу? Вернусь через пару часов. Надеюсь, к тому времени ты проснешься».

На моем лице выросла улыбка. Но всё равно нужно позаботиться о том, чтобы Дин не нашел ту записку вовсе. Сжечь её, что ли?

Беру с тумбочки свой телефон. Два пропущенных звонка от Агнесс. Чёрт, она не понимает, что это слишком дорого звонить из Америки в Нидерланды и наоборот? Я ежедневно разговариваю с родителями по Whatsapp, уделяя в день для них полчаса (а то и меньше), чтобы убедить их, что я жива и здорова (и не попала в плен к сомалийским пиратам). Зная Агнесс, у меня дома она проводит немало времени. С моей мамой она ладит, да и отец воспринимает её уже как вторую дочь. Почему же ей так не йдется поговорить со мной один на один? Пусть родители и не знают всей сложившейся картины, но и Агнесс я пока что была не готова посвящать во всё это. Слишком уж всё запутано. Да и о Эване она ничего не знает. А впрочем, кто о нем знал, кроме Питера и... Криса.

Убираю с панели сообщения о пропущенных звонках и ставлю на беззвучный режим.

Через открытую дверцу балкона слышу шум города. Проезжающие машины, водители без всякого терпения сигналижат, потому что спешат. Все куда-то спешат. А обычные пешеходы, не отрывая глаз от своего гаджета, читают на ходу последние новости, ловко минуя любые дорожные препятствия. Кто-то говорит по телефону, решая жизненно важные вопросы, а кто-то ведет живую беседу со своим другом или коллегой, что, глотая в спешке горячий кофе, не совсем внимательно его слушает. На мопеде, мотоцикле или велосипеде, каждый добирается к своей точке назначения. И всё эти звуки сливаются в один, образуя

всего лишь шум, что так приятно давит на виски.

Ещё раз смотрю на экран своего телефона и только сейчас замечаю, что уже час дня. Во сколько там Питер мне назначил встречу? В два? Вот чёрт! А я ведь даже не знаю, где находится отель Хилтон. Дерьмо!

Подхватываюсь с места. Мой чемодан стоит у дверей, всё так же не распакованный. Открываю его. От прежнего порядка, что в нем навела Агнесс, нет и следа. Достаяю то, что лежит «на поверхности» этого необъятного океана вещей. Быстро надеваю на себя ту самую юбку-карандаш и серую футболку с надорванными краями. Прячу их в юбку, чтобы выглядеть более-менее прилично. Не знаю, почему, но мне важно иметь презентабельный вид перед Питером. Что-то вроде «Ты изменился, и я тоже». Желательно, чтобы он заметил за мной изменения в лучшую сторону. Полощу рот специальной жидкостью (потому что времени чистить зубы у меня нет), умываюсь, наношу кое-как штрихи макияжа на лицо и бегло провожу расческой по волосам.

Нахожу карточку-ключ на тумбочке возле самих дверей. Благо тому, что Дин не такой безголовый, как я, и догадался оставить мне ключ на всякий случай. О сегодняшней встрече с Питером ему всё известно.

Когда я выбежала из гостиницы на улицу, мне в глаза ударил солнечный свет. Совсем на миг я растерялась, в глазах всё было белым-белым. Но стоило мне немного поморгать, как картинка перед глазами начала обретать краски, да такие яркие, что дух перехватывало.

Теперь я была в самом центре этого шума. И правда, много машин проезжает мимо, люди идут быстрым шагом, словно спешат куда-то (неужели все?). Я же стою на месте не в силах сдвинуться хоть на миллиметр. Неужели я действительно сейчас часть всего этого? Я словно попала в одну из вырезов, что прочно висят у меня на стене вот уже сколько лет. И мне всё же не верится, что вот я в самом сердце Нью-Йорка. Большие небоскребы возвышаются над головой, закрывая собой небо. Занятые улицы. Здесь и правда негде яблоку упасть.

Пытаюсь собраться с мыслями, но у меня не получается. Слишком шумно вокруг. Как люди к этому привыкают? Хотя, впрочем, ради мечты нельзя ли пожертвовать даже хотя бы собой?

Замечаю на той стороне улицы, как девушка просто останавливает такси на ходу, садится внутрь и едет по своему направлению. Точно! Вот он выход. Да и таксист лучше должен знать, где находится отель Хилтон. Господи, почему я раньше не додумалась до этого.

Выхожу на дорогу и стоит мне лишь подать знак, как желтый автомобиль притормаживает возле меня. Чёрт, серьезно? Так быстро? Нужно ещё раз убедиться в том, что это не сон.

Быстро сажусь в салон и, как только захопываю двери, автомобиль движется с места. Я говорю название отеля. Водитель утвердительно кивает, и вот я уже еду навстречу... Бог знает чему. Из открытого окна дует легкий прохладный ветер. Он приятно щекочет кожу, освежая её. Смотрю в окно, за которым проносятся всё те же здания, люди. Всё такое особенное, но в то же время будничное для обычного жителя Нью-Йорка. Дина, наверняка, не привлекают здешние пейзажи. А я наоборот наивно приоткрыла рот в изумлении, наблюдаю за тем, как ребят у меня перед глазами картинки.

Водитель резко тормозит. От неожиданности я подалась немного вперед и ударилась носом об переднее сидение.

— Мы приехали? — спросила я, уже доставая из рюкзака кошелек с деньгами.

— Нет, мы попали в пробку, — измученно отвечает мне водитель. Он откидывается на спинку кресла, и я понимаю, что это ничего хорошего не предвещает.

— А это надолго? — настойчиво допрашиваю его.

— Где-то на час или полтора. Не меньше, — буднично отвечает он. Похоже, здесь это обычное дело — застрять в пробке на час или полтора (если не больше). Я не знаю, что мне делать. В нерешительности закусываю нижнюю губу, думая над выходом из ситуации. На экране телефона выбивает время 13:50. Боюсь, что если я опоздаю в этот раз, то опоздаю уже навсегда.

— А до этого отеля ещё далеко, если пешком?

Таксист любезно мне рассказал, как добраться до отеля, что был в квартале отсюда. Я пыталась зафиксировать в голове каждое его слово. Боль в висках усиливалась. Слишком много давления. Благодарю мужчину, оставляю ему деньги (ещё и с чаевыми, сколько мне это позволил мой скромный бюджет) и, не теряя ни секунды, выпархиваю из душного салона и лечу к назначенному месту.

Я стараюсь построить в голове воображаемую карту. Внутренний голос, словно навигатор повторяет мне, куда стоит поворачивать, а где идти прямо и сколько метров. Мимо меня проходит так много людей, что невольно кружится голова. Ещё и это треклятое солнце печет в голову, расплавляя остатки мозгов.

Я прошла даже два квартала, о которых водитель десять минут мне говорил. Но я не вижу нигде самого отеля. Везде одни дома, которые все как один, выстроились в ряд и рябют серым цветом перед глазами, вызывая только тошноту. В бессилие я просто стала под одним из деревьев (которых здесь не так уж и много) и решила перевести дыхание. На часах уже половина третьего. Странно, мне казалось, что прошло от силы десять минут. И вот теперь мне хочется плакать. Прямо здесь, посреди этой улицы, под этим дурацким деревом. Всё равно всем здесь не до меня.

Но сквозь пелену слез, что уже как за вызовом набежали на глаза, я замечаю большую вывеску «Хилтон» на доме напротив меня. Большие белые буквы прямо-таки засветились у меня на глазах. Здание вполне непримечательное, встроенное в одном из небоскребов. Странно, что я не заметила его сразу. Не проходит и секунды, а я уже мчусь в одном направлении.

Меня обдаёт искусственная прохлада кондиционеров, стоит мне войти в здание. Блаженство, да и только. Голова всё ещё кружится, но в этот раз от резкой смены температуры. Тем не менее, я ничего не имею против этого легкого головокружения.

Вижу рецепцию, но прохожу мимо, направляясь в холл. Здесь стоит три прозрачных журнальных столика, окруженных двумя удобными мягкими креслами. Размещаюсь за одним из них. Питера ещё нет. Зря я так переживала. Выдыхаю с облегчением и принимаюсь ждать парня. Чтобы скоротать время открываю свежий выпуск «Vogue», что лежит на столике и так и просится мне в руки. Раньше я была одержима этим. Мир моды так и влек меня. Всматриваясь в худощавое лицо девушки с обложки, ловлю себя на мысли, что здесь могло бы быть и моё лицо, если бы... Если бы я была чуточку смелее без Криса.

Погружаясь в мир роскоши, забываю о времени. Спокойно сижу здесь, будто пришла в какую-то кафешку и жду очередную чашку кофе, который рассеянные официанты не могут принести вот уже целый час. Яркие картинки дарят мне сладкий привкус красивой жизни, где подсознательно я уже нахожусь. Питера всё нет, но я успокаиваю себя тем, что он

никогда не отличался пунктуальностью. Впрочем, как и я. Но я совершенно не замечаю, как проходит два часа.

Переворачиваю последнюю страницу. Поднимаю глаза и только теперь, когда эти ворота мнимого рая закрываются передо мной, понимаю, что Питер так и не пришел. Достаяю телефон. Ещё два пропущенных звонка от Агнесс (она вообще когда-либо успокоится?) и упущенных в бездну два часа моей жизни.

— Ожидание- это всегда пустая трата времени. Особенно, если ждешь того, кто не придет, — поднимаю глаза и замечаю в кресле напротив старуху, с презрительным взглядом которой мне довелось встретиться ещё во время нашей самой первой с Дином остановки. Я даже задумываюсь о том, не преследует ли она меня. Но, одолев свой страх перед грозным взглядом этой женщины, я осмелилась ей ответить:

— Он ещё придет. Я в этом уверена, — звучит не весьма убедительно. Я и сама знаю, что это неправда.

Из груди старухи вырывается хриплый смех похожий на кашель. Она, должно быть, издевается надо мной.

— Знаешь, твоё лицо, милая, показалось мне таким знакомым, — она прищурила глаза и вглядывалась ещё упорнее в черты моего лица. Мне хотелось съязвить- «Конечно, ты видела меня, старая карга! В том отеле!», но я решила, что лучшим решением будет промолчать.

— Меня зовут Мэделин Гаррисон, — произносит она, а меня будто молнией ударяет. Это же та самая Мэделин, что написала мне, подарив шанс на ту жизнь, которой у меня теперь нет. У меня прямо-таки пропал дар речи. Я открыла рот в изумлении, но сразу же закрыла его, когда поняла, что мне не достаёт слов для того, чтобы выразить свои эмоции.

— Брат и сестра? Фотограф и модель? Я на верном пути? — Мэделин продолжает изучать меня. А старушка не промах. Память у неё, конечно, получше нежели у меня (хотя, некоторые вещи, лучше бы я не помнила).

— Да, верно, — мои щеки краснеют, я прячу глаза, мне просто стыдно смотреть в глаза этой женщиной, что подарила мне счастливый билет в мир моды, а я просто взяла и порвала его.

— Ты многое упустила, милая. Я так понимаю, школу ты уже закончила, — то ли утверждает, то ли спрашивает она. Поджимаю губы. Чувствую себя так, будто я в школе на уроке, не сделала домашку, и теперь меня вызвали к доске. Словно глупая школьница, просто виновато киваю головой.

— Я помню всех. Не стоит всё скидывать на мой возраст. Моя память меня ещё ни разу не подводила, — Мэделин, словно читает мои мысли, отвечая на немые вопросы. Нет сомнений, что это она. Повезло ли мне встретиться с ней сегодня?

Мы молчим. Слишком неловкая ситуация. Я уже и позабыла, зачем сюда пришла. Мысли роем снуются в моей голове, но ни одна из них не вразумительная. Почему-то я думаю в эту минуту о Дине. Он уже должно быть вернулся. По разобранному чемодану ему стоило бы догадаться, что я куда не сбежала.

— Твои черты лица стали выразительнее. Мне это нравится, — произносит она, возвращая меня обратно на землю. — Вот моя визитка. Это твой последний шанс, деточка. Запомни, здесь нет никаких поблажек. Тебя спасает лишь твое лицо.

Беру визитку и начинаю рассматривать. На лице вырастает улыбка. Чёрт, не сон ли это? Слишком прекрасно для реальности.

— Только в течение года мне нужно от тебя обновленное портфолио. Чем быстрее, тем лучше, — добавляет она.

— Да. Хорошо... Спасибо, — улыбаюсь, как Чеширский кот, не в силах унять радость. Подхватываюсь с места и заключаю старушку в объятия. Она хрипит мне в ухо, но мне всё равно. Она подарила мне этот шанс. Мне! Абсолютно незнакомому человеку! Девушке с улицы! Господи, я люблю тебя!

Выбегаю на улицу. Меня не беспокоит то, что солнце мгновенно ударяет мне светом в глаза. И неприкрытая ничем голова тоже вдруг заболела. Но от радости я не замечаю всего этого. Не замечаю и того, что не встретила Питера. К чёрту его! Карма сделает свое дело, и мы ещё обязательно встретимся. Вопрос в том, будет ли нам что сказать друг другу к тому времени и вообще, как сложатся наши жизни... Кто знает.

Слышу любимую мелодию, пробивающуюся настойчиво через городской шум. Подношу телефон на уровень глаз, сложно что-либо увидеть через ослепляющие лучи. В конце концов, замечаю вырисовавшиеся на экране буквы, что складываются в слово «Агнесс». Её душа не будет спокойна, пока она не услышит моего голоса.

— Боже мой! Каролин! Ты с ума сошла?! — мне пришлось немного отстранить телефон от уха, иначе я бы просто оглохла. Агнесс- наверное, единственный человек, который со временем не меняется. И в то же время возврату и обмену лучшая подруга не подлежит. А если бы и была возможность, сделала бы я это? (Может быть, на самом деле).

Спускаюсь вниз по улице. Совершенно не знаю, в каком направлении я иду, но теперь уверена, что в любой точке смогу словить такси и свободно добраться до отеля, где мы остановились. Правда, я совсем не рассчитала того, что на это мне нужно будет потратить все свои оставшиеся деньги. Всё же стоило попросить, чтобы родители скинули мне на карточку ещё немного.

Когда крики по ту сторону трубки утихают, я снова прислоняю телефон к уху.

— И я тоже люблю тебя, Агнесс, — приторно сладким голосом произношу. Я знаю, что её это бесит, но мне всё равно. От её крика у меня тоже голова порой болит.

— Ты уже виделась с этим ублюдком? — спрашивает девушка уже более спокойным голосом. Не знаю почему, но мне кажется, что она сидит сейчас на кровати в моей комнате. Ей всегда нравилось в моем доме больше, нежели у себя. Наверное, это последствия жизни в большой семье. Родители, две сестры (к счастью, старшая уже не занимает место в доме), да ещё и родители отца. А ещё летом к ним в гости навещается мамина сестра со своими детьми. В общем, покоя в этом доме никогда не было. Агнесс проводит в моем доме так много времени, что и мне уже кажется, что она член нашей семьи.

— Мне не посчастливилось встретить его. Он сбежал от меня. Опять, — отвечаю я, не навряд ли в моем голосе можно различить нотки грусти.

— Каролин, приходил нотариус. Похоже, миссис Фэллер оставила завещание. Странно только, что оно сплыло только спустя целый год, — голос Агнесс звучал обеспокоенно, словно за мной пришел конвой полицейских.

— Действительно странно. Я думала, что те деньги, что она оставила на свои похороны были её последними, — вслух размышляю я.

— Ещё он спрашивал о местонахождении Питера. Я сказала ему, что ты уехала в Нью-Йорк, чтобы найти его, — Агнесс говорила всё тише и тише, пропуская мои слова мимо своего внимания. Меня это даже отчасти смешило.

— Агнесс, всё в порядке. Как только приеду, я встречу с этим нотариусом и решу все

вопросы. Не думаю, что там что-то неотложное или... страшное, — вскидываю руки в воздухе и случайно задеваю какую-то мамочку с ребенком. Бегло перед ними извиняюсь и иду дальше. Дохожу уже до конца улицы, поворачиваю, чтобы перейти дорогу.

— Он был такой странный. Даже не знаю. Надеюсь, ты не встретишь этого придурка, и всё наследие попадет тебе в руки, — подруга явно веселеет, произнося эти слова.

— Она мне даже не родственница! — смеюсь, но останавливаюсь, когда слышу скрип шин. Поворачиваю голову. Черный Range Rover резко тормозит прямо передо мной. Невольно в моей голове появляются ужасные картины того вечера. Тот же скрип шин, женский крик, разлитая на сером асфальте кровь.

На миг я словно вырываюсь из реальности. Кто-то хватает меня за руку и тянет за собой. Я и не сопротивляюсь. Агнесс что-то кричит в трубку. Я отключаю звонок. Мотаю головой, нужно забыть всё это. Нужно забыть.

— Каролин! Ты в порядке? — картинка собирается воедино, и я замечаю лицо Дина настолько близко, что сначала даже пугаюсь. — Что за странное умение находить себе приключения на пятую точку? — он прижимает меня к себе, словно маленького ребенка, придерживая за голову одной рукой.

— Я... Я просто не заметила, — начинаю бормотать нечто нечленораздельное. Сама не замечаю, как слёзы проступают на глазах. Из-за собственной невнимательности я едва ли не лишила своих родителей ещё одного ребенка.

— Всё в порядке. Садись в машину, — говорит парень. Я понимаю, что это его автомобиль резко затормозил, а главное- вовремя. Как хорошо, что хоть кто-то из нас внимательный. Это даже к лучшему, что водителем оказался Дин. Почему-то мне от этого спокойнее.

Разъярённые водители начинают горланить. Дин создал ещё одну пробку. Из-за меня. Чёрт. Опять я доставляю одни неудобства. Но на вид парень всё равно спокоен, что даже странно. В некоторых ситуациях его приводят в злобу совершенно незначительные вещи, а сейчас он спокоен, как никогда. Может, это хорошая погода на него так влияет или же... Точно, сегодня же свадьба его отца! Дура, как я могла забыть! Предложение Мэделин затмило мне разум. Но нужно срочно возвращаться на землю.

— Тебе стоит быть осторожней, особенно после того, как... — Дин недоговаривает. Его голос звучит так, будто он что-то знает, но разве я упомянула хотя бы раз историю о своем брате? Я вся взъерошилась, ожидая продолжения этого предложения, но Дин молчит, словно воды в рот набрал.

— После чего? — спрашиваю я. Всё моё тело напрягается в томном ожидании ответа.

— После того, как ты приехала в Нью-Йорк. Это очень занятый город, никому до тебя нет дела. И дороги здесь нужно переходить крайне осторожно, — тень улыбки ложится на его лицо. Он бегло смотрит на меня, а затем снова обращает свои глаза на дорогу. У меня всё ещё есть чувство недосказанности, хотя эти слова меня и немного успокоили. — Ты встретилась со своим музыкантом?

— Он так и не пришел, — пожимаю плечами, словно это же было очевидно, другого не стоило ждать. Странной остается вчерашняя реакция Питера на моё появление. Раньше я могла различить ложь просто по его глазам, вчера я не заметила и капли притворства. То ли я теряю хватку, то ли он таки научился врать?

— Ты, должно быть, расстроена из-за этого, — рука Дина уже лежит на моем колене. Я даже не успеваю что-либо заметить. Меня это не смущает. Почему-то мне кажется, что там

его руке и место. Я накрываю своей ладонью его и теперь окончательно погружаюсь в уют, в который окунута моя душа.

— Не совсем. Я встретила кое-кого другого, — я начала ерзать на сидении, предвкушая рассказ, что должен поразить парня.

— Я должен беспокоиться о том, что ты нашла кого-то, кто любит чай больше, нежели я? — Дин шутит. Как же приятно осознавать, что меняешь кого-то в лучшую сторону.

— Не беспокойся, ты всё ещё самый скучный человек на этой планете. В этом тебе нет равных, — отвечаю ему тем же.

Мы останавливаемся. Он поворачивается ко мне и улыбается. Смотрит на меня в упор, и от этого мне самой становится смешно.

— Почему ты так смотришь на меня?

— Потому что ты красивая, — отвечает Дин, после чего его губы накрывают мои. Я закрываю глаза, мне это нравится. Внизу живота вырастает новое ещё неизвестное мне рядом с этим парнем чувство. Словно из-под залитой бетоном земли вырывается нежный цветок. Такой маленький, но сильный. Пробивается через бетон и, оказавшись наружу, может дышать.

Я отстраняюсь от Дина первой. Смотрю на его лицо, что в миллиметре от моего и боюсь того, что чувствую. Меня это пугает, но я нахожу черты его лица красивыми. Не так, как раньше. Внешне он был прекрасен для меня и раньше, но сейчас я будто заглядываю через его глаза внутрь. И то, что внутри него- красиво.

— Посмотри назад, — тихо произносит он. Мне не хочется отрывать глаз от его лица, которое я вижу по-новому. Но всё же делаю над собой усилие и медленно поворачиваю голову. На заднем сиденье лежит платье. Голубое, полупрозрачное, прошитое насквозь различными камушками. Я касаюсь его пальцами, ткань такая нежная, она словно растворяется у меня между пальцами. Тонкое кружево, из которого сшито всё платье, просто невероятно красивое.

— Это Elie Saab? Боже мой, Дин, это мечта любой девушки! — вскрикиваю я. Боже мой, кто вообще заслуживает этого парня? Точно не я. Но я бросаюсь обнимать его, потому что это единственный способ, как я могу его отблагодарить.

Кручусь перед зеркалом не в силах оторвать от себя глаз. Действительно, что нужно девушке для счастья? Красивое платье, в котором она будет чувствовать себя принцессой, туфли от Louboutin, в которых она почувствует себя королевой, и в довершение ко всему этому камни Swarovski, украшающие её шею. Колье я, конечно же, обещала вернуть Дину, потому что это слишком уж дорого. Да и платье скорее всего придется вернуть. Куда мне ещё подвернется случай надеть его? На день рождения моей бабушки или на вечеринку-девичник к Агнесс (когда-то, когда она всё же осмелится не возвратиться к Лоренсу в тысячный раз). Туфли я, наверное, оставлю себе. Лет через сорок накоплю денег и отдам Дину, чтобы не чувствовать себя должной. Но туфли не отдам.

Несколько часов подряд надо мной колдовали несколько людей. Мне сделали маникюр. Теперь мои ногти не только приведены в порядок, но и сверкают голубыми блестками на нежно розовом фоне. Мои волосы собраны. Шея оголена перед губами Дина. Маленькая диадема застряла в белых, осветленных почти до кристально чистого цвета, волосах.

Я давно не носила туфли на высоком каблуке, поэтому сначала мне было некомфортно. Да и сейчас чувствую, как они натирают мне, но боюсь снимать эту мечту детства с ног.

Это словно какой-то сон. Смотрю в зеркало и не могу узнать в отражение себя. Глаза сверкают золотистыми жидкими тенями. Обведенные чёрными идеально ровными линиями, они даже выглядят будто больше. Жаль, что ничего особенного в этих глазах всё же нет. Пустота, да и только.

Мои розовые губы дрожат от восторга.

— Пора идти, — одна рука Дина ловко обхватывает мою талию. Его губы прикасаются к мочке моего уха. Это так приятно. На щеках появляется румянец, но через слой пудры этого не видно. И это хорошо. Не хочу, чтобы Дин заметил это. Это даст ему надежду на то, что он всё же воздействует на меня. Его имя навеки впечатано в мою кожу. Думаю, один этот факт уже удовлетворяет его самолюбие. Не хватало только, чтобы он считал, что нравится мне, когда в действительности... Чёрт, он мне нравится. Может, даже больше, чем должно было бы.

Я молча киваю головой. Поднимаю с кровати клатч (ещё один подарок Дина, который я собираюсь вернуть) и бросаю последний взгляд на эту незнакомку, что широко распахнутыми, полными удивления глазами изучает меня. Подмигиваю ей и иду к выходу.

Чувствую легкий трепет, что буквально овладел всем моим телом. Стараюсь не подавать виду, но почему-то ужасно волнуюсь из-за предстоящего. Скорее всего, мне посчастливится встретиться лицом к лицу с бывшей девушкой Дина. Всё, что я знаю о ней- это то, что она чертовски красивая, занимается балетом и разбивает сердца, которые её любят. Я бы свела всё к тому, что она отвратительная личность, но учитывая то, что я ukrала её записку к Дину, то я ещё хуже неё. Только сам Дин не должен этого знать.

Мы едем на лифте, всё ниже и ниже. С каждым этажом моё сердце стучит только сильнее. Я ничего не могу с этим поделать. Былая уверенность куда-то испарилась (если таковая вообще была). Но я оставила для себя капельку надежды, что подогревает кровь в моих жилах. Надежда на то, что этот день всё же замечательный. И это ведь так и есть? Я в красивом платье, рядом с хорошим парнем, в милом мире, о котором так много фантазировала раньше. Это ведь не может испортиться?

Среди других звуков улавливаю стук каблучков своих туфель по украшенному вычурной мозаикой полу. Моё сердце, кажется, стучит громче. И я не слышу ничего больше вокруг. Мы идем медленно, потому что каблучки слишком высоки. Или ещё быть может потому, что у меня голова кружится от восторга.

Перед глазами мелькнул фиолетовый цвет. Это был сигнал, специальный щелчок, что вывел меня из гипноза. Я осмотрелась. На диванчике в холле сидел тот самый парень с фиолетовыми волосами из группы Питера. Словно маятник, он не дал мне потерять себя.

— Что за внеплановая остановка? Всё в порядке? — рука Дина ещё сильнее сжала мою ладонь. Я на несколько секунд даже забыла о том, что шли мы за руки, поэтому я и затормозила парня.

— Да, всё в порядке, — выдавливаю скупую улыбку. Он хмурит брови, сужает глаза, будто не верит. Да уж, актриса из меня плохая. Я бы и сама себе не поверила. — Мне срочно нужно уяснить некоторые вопросы, — разжимаю пальцы, но хватка парня всё равно сильнее. Он, похоже, и не замечает моей попытки высвободиться. Тем временем, я краем глаза поглядываю за парнем, чтобы не потерять его из виду. Он- мой спасательный круг.

— Мы и так опаздываем. Что за важные дела? — его губы подрагивают. Мне не нравится, когда у меня хрустят кости под его давлением, но Дин совсем ничего не замечает. Его глаза просто устремлены на меня. В них нет злости или какой-то ненависти. Всего лишь немая мольба, из-за которой чувствую себя виноватой.

— Дин, пожалуйста. Тебе лучше ехать без меня. Это очень срочно, — делаю ещё одну попытку освободиться. Его руки слабнут, обмякают. Делаю шаг назад. Поворачиваю голову, чтобы проверить ситуацию. Объект на месте. Пьет кофе и заигрывает с какой-то девушкой, скорее всего, очередной фанаткой. Чувствую, словно время на исходе, но просто так не могу уйти от Дина. Одним лишь своим взглядом он удерживает меня на месте.

— Ты же мне обещала, — произносит он. И эти слова звучат, как гром среди ясного неба. «Ты же мне обещала»- сказал Крис, когда я так и не пришла на фотосессию, променяв её на долгожданную первую встречу с Эваном (что ничего хорошего в мою жизнь не привнесла).

— Да, но... — не нахожу слов. Замечаю, как парень вместе с девушкой поднимаются с места и со счастливыми улыбками на лицах направляются в сторону лифта. — Я приехала сюда не ради тебя, Дин. И если я упущу сейчас этот момент, то, вероятно, буду жалеть об этом всю свою жизнь. Если я отпущу тебя, то вряд ли пожалею об этом. Прости меня, но всё должно быть не так, — наконец-то собрав все свои силы, вытягиваю свою ладонь из его. На ходу снимаю туфли и уже лечу навстречу фиолетовому парню и его (а может, в действительности, и не его) девушке. Они заходят лифт, а я успеваю проскользнуть между закрывающимися дверцами. Да уж, сегодня мне точно везет.

— Мне нужно знать, где Питер! — задыхаясь, произношу я. Это звучит, словно угроза, но мне плевать. Этот придурак больше не уйдет от меня. Если я вышла на его след, то уже точно доберусь до него.

— Мне стоит вызвать 911? — фыркнув, произнес парень. Он краем глаза посмотрел на девушку. Она выглядела более напугано. Наверное, будучи на её месте, я бы испугалась не меньше.

— Я его девушка, — вздохнула я. — Или быть точнее, уже бывшая девушка.

— Милая, мне очень жаль, если билетов на концерт уже не осталось, но через полгода у нас будет ещё один концерт в Нью-Йорке, — его рука легла мне на плечо, и я вздрогнула. Он

что, издевается надо мной? Разве в этом платье, с прической и макияжем я похожа на фанатку какой-то подростковой группы?

— Господи, меня зовут Каролин. Я не знаю, рассказывал ли Питер обо мне, но я его бывшая девушка...

— Он рассказывал о тебе, — голос девушки прорезался очень резко. Её глаза заблестели, а страх рассеялся.

— Лара! Питер просил... — парень засомневался. Видимо, и он понимал, о чем идет речь. Питер ему рассказал. Он рассказал им обо мне. Неудивительно, у него в запасе и несколько песен есть обо мне. Я загорелась изнутри. Кажется, я на правильном пути.

— Майк! Мне всё равно, что просил этот трус, — твердо заявила девушка. По взгляду парня я могла понять, что прежде ему ещё не приходилось видеть её такой. Похоже, я ошибалась на счет этой парочки. Теперь мне они представляются в совершенно другом свете, словно они семейная пара, а не едва ли знакомые люди, что имеют в планах быть знакомыми лишь на одну ночь.

Парень поднял руки в знак капитуляции.

— 532-я комната. Вот как раз твой этаж, — говорит она. Я благодарю её и сразу же вылетаю из лифта, при этом сталкиваюсь с группой людей, что сразу же ворчат себе что-то под нос. Боже мой, как же это всё некстати. Оставляю позади себя хаос в виде недовольных людей и рассорённую пару молодых людей.

Иду вдоль длинного коридора, цепляясь взглядом за обозначения, что висят на дверях каждого номера. 527... 529... 532! Останавливаюсь напротив дверей и застываю. Моя ладонь уже лежит на дверной ручке, но я с некой горечью осознаю, что мне не хватает слов. Вся моя злость испарилась по дороге сюда, и я не вижу смысла в том, что я здесь. Слезы выступают на глазах. Что-то внутри так сильно сжимает. Силы покидают меня, и я просто начинаю плакать, сама не ведая почему.

Двери резко открываются, заставив меня отпрыгнуть назад. Я быстро стираю слезы, что ручьями катились вниз по моим щекам. Мой идеальный макияж превратился во что-то непонятное. Хотя, может при таком раскладе моё лицо будет выглядеть соответствующе тому, чем наполнена моя оболочка- чем-то несуразным и непримечательным.

— Каролин? — голос Питера не вызывает во мне никаких эмоций. Но имя моё, что слетает мимо воли с его губ, ударяет гораздо сильнее. Каролин... Кто вообще такая Каролин? Кажется, я и сама до конца не осознала. — Прости меня, — продолжал бормотать себе под нос Питер. Прощения он скорее просил у самого себя. Мне его извинения не нужны.

Парень обнял меня. Эти объятия были холодными, бесчувственными. Не знаю, как раньше я находила в них тепло и душевный уют. Единственный человек, который мог подарить мне искренность своих оголенных чувств, ушел. Ушел, потому что я сказала ему сделать это. А ради чего? Ради этого?

— Мне кажется, я снова отпустила Крису, — произношу я, пропуская мимо ушей пустые слова Питера, которыми он осыпает меня. Он умолк. Я погрузилась в тишину собственных мыслей, что также молчали. Не впервые ли? Моя голова всё ещё покоилась на плече парня, его руки всё ещё кругом обвивали мою талию, но сердца наши будто остановились в этот момент. — Я совершила так много ошибок.

Я вырвалась из объятий парня и подошла к кровати. Сев на самый край, я спрятала лицо руками. И уже когда слезы не мешали мне, я просто позволила грусти взять моё тело и душу

в свой плен. Время остановилось. И я застряла здесь в общем итоге ни с чем. Преследуя цель, я потеряла себя. А впрочем, может, никогда и не находила.

— Почему ты ушел? Почему оставил меня ни с чем? Почему ты... Черт побери, мать свою оставил? — остановившись на этом, я озвучила, наконец, вопросы, которые поставила ещё в самом начале поездки. Сердце моё разрывалось не от этого, да и сами ответы Питера мне совершенно не были интересны, но я должна была спросить это. Голос миссис Фэллер с небес молил меня об этом. Эти вопросы скорее были нужны ей, а не мне.

И вот за этими вопросами последовала душещипательная история Питера. Или скорее оправдание. Он сидел на полу, обхватив мои ноги руками, иногда его подбородок ложился на мои колени, а голубые глаза устремлялись в мои, наверное, уже чёрные, бездонные. Но в их голубизне я не видела ничего. Ничего, что могло бы меня задеть.

— Я не знаю, что на меня нашло. Наверное, просто я был очень пьян. Мы праздновали наш первый успех. Как-никак подписали контракт, уже через неделю была назначена работа над полноценным студийным альбомом. Мы уже даже распланировали турне, а я распланировал нашу с тобой жизнь. Я не вру, — в подтверждение своих слов он кивнул утвердительно головой, как маленький. Уголок моих губ дернулся в доверительной улыбке. — Хотя, в последнее время мы немного ссорились, но стоило мне уехать за сотню километров от дома, я начал безумно скучать по тебе, Каролин.

— Ты изменил мне? — сделала вывод я. Не сложно было догадаться, к чему ведет парень. Так много лишних слов вместо пары нескольких сложенных воедино. Услышав тогда это, я непременно была бы вне себя от гнева, но сейчас гневит меня не Питер, а сама я.

— Да, — я замечаю сожаление в этих голубых глазах, но не могу понять, насколько оно искреннее. Парень опускает глаза, голова его падает на мои колени, слышу громкий стук его сердца прямо у моих ног. Заслужила ли я этого? — Клянусь тебе, я пожалел об этом на следующий же день. Мне было до того стыдно, что...

— Что ты перестал отвечать на мои звонки, — снова я его перебила. Боже, да здесь и без слов всё ясно. Краем глаза поглядываю на часы. Я уже час торчу здесь. Дин сейчас уже на торжестве. Интересно, он уже успел встретиться со своей девушкой (и заодно понять, какая же я лживая тварь)?

— Поначалу это было так. Но потом это вроде как вошло в привычку. Я не знаю... Порой мне было даже не до твоих звонков. Я уже позабыл о том, как быть чьим-то парнем. После выхода альбома у меня началась жизнь, Каролин. И в каждой новой девушке, что просыпалась в моей постели, я терял твоё лицо всё больше и больше, — он снова поднял свои кристальные глаза на меня. Это была правда. Я чувствовала это. Говорило его сердце. Я слышала именно его. Мы с Питером были не совсем любовниками, но чем-то большим нежели друзьями. Не то, чтобы мне хотелось верить в каждое его слово, напротив, они проплывали будто мимо меня, а картинка в моей голове выстроилась ещё в самом начале рассказа. Но не доставало ещё одного пазла.

— Со мной всё ясно. Зачем ты бросил свою мать? Почему ты не ответил ни на одно моё письмо, в которых я писала тебе о том, как ей плохо? Какого чёрта ты даже не пришел на её похороны? — мои ладони обхватили его лицо. Он всё ещё выглядит, как глупый неопытный мальчишка, что только и знает, как играть на своей гитаре в пустом актовом зале, готовясь к очередному выступлению. Светлые волосы, как всегда неряшливо уложены, пирсинг, появившейся на нижней губе, кажется, мне неуместным на его и без того красивом лице. Но стоит мне ещё раз заглянуть в эти глаза, как я вижу перед собой другого человека.

— У меня были проблемы с матерью. Она никогда не верила в меня. Я думал, что это её уловки, чтобы вернуть меня. Я правда не знал, что всё настолько серьезно. Наверное, если бы я остался, то она бы не умерла и...

— Но зато ты не добился бы всего этого, — я ласково улыбаюсь. Вскидываю руки в воздухе, обводя взглядом просторные апартаменты, что больше, чем весь мой дом, пожалуй.

— Я приехал на следующий день после похорон. Никто не знал о моем приезде. Я... попрощался с ней. Больше ничего не держит меня в Амстердаме, да и в Нидерландах в общем.

— Держит! — громко возразила я. — Вообще-то тебя ищет нотариус. Твоя мать оставила тебе дом и деньги, — я начала врать. Знаю, что нотариус ищет именно меня, по словам Агнесс. Но ещё как только миссис Фэллер умерла, я говорила с этим мужчиной. Он рассказал мне, что мне завещалась самая малая доля имущества. Всё остальное переходит Питеру- единственному наследнику женщины. Но по условиям договора, если Питер в течение трех лет не подпишет нужные бумаги, то всё это добро перейдет мне. Время на исходе. Но нужно ли мне всё это добро? Как минимум, я не заслужила этого.

— Мне это не нужно. Ты была с ней в последние минуты, и всё это должно по праву принадлежать тебе, — заговорил парень. Я даже не верила собственным ушам. Питер, которого в последнее время бесило во мне практически всё, сейчас передает мне всё имущество своей матери.

— В последние секунды своей жизни она звала тебя. В любом случае, всё это... — я снова обвела апартаменты глазами, — Это всё может быть временным. А дом... Твой дом всегда будет именно там, в нашем Амстердаме.

Я не зря назвала Амстердам нашим. Это город, где мы думали, что любили друг друга и убеждали себя в том, что были счастливы. Здесь мы лечили друг друга. И это всё-таки наш дом. Где бы мы не останавливались, дом- место, куда хочется вернуться. Кровь зовет к истокам.

— Я нашел себя здесь. Я не собираюсь возвращаться, — Питер хотел поставить точку в нашей дискуссии этими словами, но я всё ещё была убеждена в обратном. Это слова ещё не до конца сформировавшейся личности, которая вроде как знает, чем хочет быть, но ещё не знает наверняка, к чему это приведет.

— Ладно, — ответила я. Мне всё равно. Я знаю, что будет впереди, поэтому спорить сейчас бессмысленно. Спорить Питеру стоит с самим собой. А я не могу опомниться от того, что после всего того, что сделал для меня Дин, я просто... Отпустила его. При этом сказала что-то примерно в роде «меня не волнуют твои чувства». Кто бы знал, что мне хватит всего-то пара дней, чтобы самой почувствовать что-то. Пусть мои чувства не крепки, пусть я и не могу закричать пока что во всё горло «люблю», но внутри моей груди есть что-то сильное, горящее и теперь медленно тлеющее.

— Ты сегодня такая красивая, — Питер меняет резко тему. Он поднимается на ноги, берет меня за руки, заставляя встать вместе с ним. Его влажная ладонь сжимает несмело мою, он проворачивает меня в воздухе, рассматривая меня со всех сторон. Я невольно улыбаюсь, но лишь краешками губ. Смешит меня парадокс- Питер не хотел брать меня за руку, когда мои ладошки были потными, а сейчас его собственные руки вспотели от волнения.

— Золушка спешила на бал, но на полпути решила вернуться перебирать зерна своего прошлого, — усмехнулась я.

— На бал? Я-то думал, это ты для меня так нарядилась, — парень строит обиженную гримасу, выпячивая нижнюю губу вперед. Точно как ребенок. И скорее, это меня и отталкивает от него. Несерьезность и некая игривость в каждом движении — единственное сходство в Эване и Питере. Я заботилась, как об одном, так и об другом. Они тоже заботились обо мне в каком-то плане, но мои чувства... О них не заботился никто, словно их и вовсе не было. Никто не брал ответственности за разбитое сердце, сожжённые в пепел чувства и потраченное в чёрную дыру время, когда я ночи напролет выплакивала горькие слезы по тому, чего оплакивать и не стоило.

— Значит, тебя должен ждать Прекрасный Принц? — мы снова сели на кровать, теперь находясь друг возле друга. Я положила голову на плечо парня. Ещё никогда не чувствовала, чтобы она была такой тяжелой. Всё мои беспокойные мысли собрались в одну большую кучу, которая с каждой секундой только росла и готова была взорваться. Ещё немного и через уши будет вытекать серая жидкость.

— Боюсь, злобная сестра уже овладела его сердцем, — вспоминаю о письме Даниель, и мне становится до жути стыдно. Злая сестра- я, а она лишь Золушка, которая, может, в сотни раз больше любит того же Принца. Не важно, что с детства она была окружена достатком и вниманием, и что Принц вроде бы изначально предназначался ей. Этот вечер должен принадлежать ей, потому что свой час славы я удачно упустила.

— Каролин, ты же знаешь, что заслуживаешь счастья? — Питер резко спохватился с места, а моя голова упала на теплое место рядом со мной. Мне даже лень было подниматься. Или скорее мне было настолько грустно, что у меня не было сил, чтобы это сделать.

— Питер, ты знаешь меня лучше всех. И после всего того, что я тебе рассказала о себе, ты должен был понять, что я точно не заслуживаю ничего хорошего в этой жизни, — уныло произношу я. Всё тело будто наливается свинцом. Конечности отказывают. А в голову ударяет жар.

— Ты не можешь сожалеть о случившемся до конца жизни. Думаю, ты пережила уже достаточно, чтобы мир остался должным перед тобой. Собирайся, мы едем, — Питер исчезает в другой комнате, а когда возвращается, я замечаю его в другой футболке и кожаной куртке, ещё с большим бардаком на голове.

— Просто признайся, что ты хочешь от меня избавиться, — я сделала попытку пошутить, но некому было оценить мой юмор.

— Я могу тебя даже подождать, в случае чего.

— Ого! Даже подождать! — сарказм льется рекой, и я не могу остановиться. Когда появляется рана, она гноится, выделяя эту жуткую белую жидкость, которая к тому же скверно пахнет.

— Поднимай свой тощий зад, — Питер хватается меня за руку и тянет на себя. Нехотя поднимаюсь с места. Босые пятки утопают в ворсистом белом ковре, что заставляет меня вспомнить о туфлях, которые сейчас совсем не к месту. Простите, дорогие, но я спешу, а на восемнадцатисантиметровых шпильках я навряд ли смогу двигаться быстро (у меня же нет Дина, что будет поддерживать меня за руку в случае чего).

— Ты можешь занять мне свою обувь? У меня с этим трудности, — я приподняла подол платья, чтобы показать свои босые ноги, а затем взглядом указала на туфли, что лежали у самих дверей.

Переобувшись в кеды, я словно от сердца оторвала, оставила туфли в номере. Вернусь я сюда или нет, но Питер пообещал мне найти путь вернуть их обратно. Платье было узким, да

и к тому же кружевным. Я старалась быть предельно аккуратной, когда мы через кухню отеля выходили на улицу. Будучи занятыми работой, никто даже и не заметил нас. А парень с фиолетовыми волосами, что вначале не весьма радужно общался со мной, теперь помогал нам уйти из отеля без посторонних глаз.

— Ладно, ты знаешь, куда нужно ехать? — спросил Питер, разместившись на переднем сиденье такси. Я же сидела сзади. Чувствую себя преступницей, что бежит от длинных рук правосудия. Кровь в жилах бурлит, но я стараюсь подавить в себе этот внезапный порыв к бунтарству.

— Свадьба Брауна. В газетах должны писать об этом, — я судорожно пыталась вспомнить место, о котором мне говорил Дин. Всё, что мне помнилось, это то, что это окраина города, буквально, в нескольких километрах отсюда. Долгой памятью Бог меня не наградил (разве что только помнить я в состоянии только что-то плохое).

Не прошло много времени, когда Питер просто вбил в поисковик ключевые слова, произнесенные мной. Поэтому спустя, наверное, минуты две или три, мы уже мчались через весь город. Через открытое окно дул холодный вечерний ветер. В голове моей ветер был сильнее.

Солнце медленно садилось за горизонт. Красный цвет резал глаза. Я чувствовала себя действительно какой-то принцессой, что с замиранием сердца ждет полночи, когда её жизнь либо изменится навсегда, либо не изменится ни черта. В общем-то пока что больше шансов остаться ни с чем. Боже мой, зачем я отпустила его? Нагрубила, сказала, что он мне не нужен. Только за это Крис бы меня не простил. Дин бы ему точно понравился, как старший брат, он не мог желать для меня лучшего молодого человека. А вместо этого я выбираю лишь то, чего, может быть, сама себе желаю.

— Приехали, — усталым голосом говорит таксист. На дорогу мы потратили где-то около часа, что показалось мне вечностью. Не дожидаясь Питера, я выскочила из автомобиля.

Большой забор распростерся вдоль большой территории. Из-за него выглядывала лишь огромная белая вилла, что сверкала огнями на фоне полутемного неба. Вот это и есть пропуск в красивую жизнь. Или же, скорее, не это ли и есть та самая красивая жизнь?

Из-за кустов выглядывают объективы фотоаппаратов. Чёрт, здесь должно быть всё серьезно. Фотографы то и делают, что ждут момента, чтобы словить удачный кадр. Чувствую их прицел на себе. Хотя, так как моё лицо им незнакомо, я вряд ли заинтересую их.

У больших кованых ворот стоят три охранника. Они выше меня где-то на голову, а то и на две. Их накачанные мышцы выпирают из-за натянутой ткани чёрных строгих костюмов. Скорее всего, допинг. Америка- страна всего искусственного (просто цитирую своего отца, заядлого англичанина). Но при желании здесь можно найти и кое-что настоящее.

Я подхожу ближе. Холод сковывает. Небо уже окрашенное в темные краски, скрывает под своим покровом всё. Сюда даже не падает свет. Один одинокий фонарь, и от того падает лишь небольшой луч света- на моё бледное лицо.

— Моё имя должно быть в списке, — голос дрожит, то ли от страха, то ли от холода. А вообще это ужасная смесь, поэтому не удивлюсь если при следующей попытке заговорить мой голос пропадет, или же я просто упаду в обморок. — Каролин ван дер Берг.

Один из охранников начал искать моё имя в списке (круто, они даже читать умеют!). Два других осматривали меня. Когда я услышала тихий смешок с их стороны, то поняла, что они смотрели в эту секунду на мою обувь, что не отличалась блеском (всё-таки это не

Louboutin). Закатываю глаза, вздыхаю и мысленно посылаю их. В конце концов, в этом платье я должна хотя бы пытаться вести себя соответственно.

Не произнося и слова, меня пропустили вперед. Я услышала, как начали щелкать фотоаппараты за моей спиной, но вскоре ворота за моей спиной закрылись. Здесь меня встретили ещё парочка парней «в чёрном». Они всё так же странно косились на мою обувь, недоумевая, почему их «коллеги» впустили меня на это торжество.

Я не теряла времени. Здесь было намного больше света. Напротив, всё здесь сияло и от этого блеска у меня рябело в глазах. Когда мимо меня проходил официант, я перехватила с подноса бокал с шампанским и для храбрости выпила его залпом. Так, Каролин, тебе срочно нужно собраться.

Площадка перед домом была украшена ледяными статуями, здесь стояло также несколько круглых столиков, на которых пирамидой были выстроены бокалы с напитками. Возле небольшого фонтанчика был расположен стол с закусками (больше еды я между прочем не заметила). Для танцев здесь была предназначена деревянная платформа. С небольшой сцены, пела... Чёрт, Кэтти Перри? Серьезно? Она пела какую-то балладу, и музыканты играли живую музыку. Голос её звучал вполне живо, что заставило меня пересмотреть свое убеждение в том, что поп-певицы поют лишь под фонограммы. Но это не важно. Сейчас ничего не важно, кроме одного.

В воздухе витает нежный сладостный запах праздника. Искристые пузырьки от шампанского тают у меня во рту. Оно оказалось таким вкусным, что хочется ещё и ещё. Я прохожу мимо множества пар людей, все они кажутся мне скучными. Мало кто из них танцует, они просто стоят и болтают между собой, даже не замечая меня. От каждой леди пахнет чем-то особенным- духи от Chanel или от Dior, но из их ртов до меня доносятся гадости, которыми они поливают своих же «подруг». Как же я ненавижу это жалкое притворство. Прямо воротит от этого.

У меня уже кружится голова. Я чувствую себя здесь явно лишней, мне хочется просто найти Дина, оправдаться перед ним (в который раз, чтобы потом ненавидеть себя лишь больше) и убраться отсюда. Почему-то мне казалось, что на свадьбах должно быть весело, а не угнетающе.

Внезапно до моего слуха доносится знакомая мелодия. Про себя я улыбнулась, когда узнала свою любимую «Cant help falling in love with you». Хрипловатый, но такой размеренный и в то же время нежный голос певицы, словно сладкий мёд, просто оседал на доньшко моей души, приятно согревая её воспоминаниями о прекрасном вечере.

Я решила остановиться лишь на миг, чтобы послушать песню. Настолько она была прекрасной, что я даже подошла ближе к танцевальной площадке, только бы послушать её. Всмотриваясь в танцующие пары, я вспоминаю, как танцевала с Дином. У него была больная нога, а я вовсе будто безногая. Но у нас всё получилось. Я, он и луна, что отбивает каждый стук сердцебиения.

Среди танцующих я рассмотрела знакомые черты лица парня, которого так долго (минут пятнадцать от силы) искала. Сначала я даже обрадовалась, пока не заметила рядом с ним стройную блондинку, снизошедшую с больших портретов, что висели почти повсюду в его доме. Они держались за руки и, кажется, даже на лицах обоих я смогла различить улыбки. Сердце болезненно сжалось, а ладони всё сильнее сжимали очередной бокал с шампанским.

Музыка становится всё тише, а сердце стучит всё громче и громче. Кроме этого звука,

кажется, я другие и перестала различать. И я не отрываю глаз от них, пока они не целуются. Бокал падает из моих рук. Я больше не хочу находиться здесь.

Это моя вина. И нет смысла винить Дина в том, что сейчас он целует девушку, что когда-то была (или же точнее есть) его Вселенной. Я была промежуточным этапом, я была ему нужна лишь, чтобы он смог быстрее забыть о ней. Я была точь в точь такой же, как и та девушка, с которой я застала Дина ещё в баре в тот день, когда мы ещё и знакомы не были. Чёрт, я была для него просто как проститутка. Правда вместо денег он подарил мне это платье, угостил несколько раз в ресторане, оплатил номер в отеле. Как я не могла понять этого сразу!

С меня достаточно. Я нашла здесь даже больше, нежели искала. Пора возвращаться домой.

Спускаюсь вниз к мосту. Странное это чувство- никуда не спешить, но до чего же приятное. Просто идешь по знакомой дороге не спеша, спрятав руки в карманы теплой куртки, и живешь. За вечной спешкой я, кажется, и не замечала жизни. А после моего возвращения домой время проходило мимо меня, ловко проскальзывало сквозь пальцы. И вот теперь всё будто остановилось. Жутко страшно смотреть в глаза будущему, но я чувствую себя счастливой в преддверии грядущих перемен. Ещё несколько недель, и я начну свою жизнь в совершенно чужом мне городе, с совершенно чужими людьми. Но надежда и вера в хорошее сохраняют в моём сердце тальк тепла, что бережно согревает всё моё тело.

Перехожу Синий мост, не останавливаясь. Туристов сейчас нет- не сезон. Мелкая морось не привлекает и местных жителей. Они сидят в своих домах, спрятавшись от декабрьского холода и мрака. Посреди моста стоит лишь два велосипеда. Они даже не привязана. Пара людей, скорее всего уже женатых, стояли, облокотившись об перила и вели о чем-то разговор. Они не были похожи на туристов, хотя бы потому, что велосипеды их не были с пометкой MacVikes, что пестрят красным цветом, сообщая что-то на подобие «Осторожно, турист!».

На подходе к маминому любимому антикварному магазину я останавливаюсь возле витрины. Через запотевшее окно я едва могу рассмотреть, всё ли там на месте, а если быть точнее, не купил ли кто-нибудь ту антикварную ванную, которую мама присмотрела на днях. Так как отец всё ещё заставляет нас экономить на всем из-за купленного полгода назад автомобиля, всё, что маме остается делать, это только мечтать. Понравившейся ей прошлый раз стол кто-то успел купить. Она была ужасно расстроена.

Хорошенько присмотревшись, мне удалось увидеть ту самую ванную. Про себя улыбнувшись, я не могла скрыть той радости, что переполняла меня изнутри. Конверт с деньгами, что был у меня в кармане, буквально горел в руках, просясь на волю. Деньги миссис Фэллер пришлось как нельзя кстати. Сжав конверт ещё сильнее в ладони, я не медля зашла в антикварный магазин.

Людей внутри было ровным счетом столько же, сколько и наружи. Колокольчики, что зазвонили с моих приходом, разбудили уснувшего в старом полосатом кресле продавца-мистера Кридена, пожилого мужчину с девичьей памятью на лица, но стопроцентной на цены. Он подхватился с места и сразу же подошел ко мне, предложив свою помощь. И вот он всё же не узнал меня, хотя мы с мамой здесь были уже не один раз. Мою мать Криден узнавал, едва ли она успевала войти в двери, а моё лицо не запоминалось ему как ни крути. Но меня это вовсе не расстраивало, наоборот, я даже рада быть в какой-то мере незамеченной.

Без лишних церемоний я указала на позолоченную глубокую ванную на львиных лапках, импровизованную под восемнадцатый век. Вообще лет этой ванной было не больше, чем моей матери, но так как ей нравилось всё старое, усыпанное пылью, словно сахарной пудрой пирог, с ржавчиной в некоторых местах, эта ванная была как раз тем, что нужно. Причудливый кран и те же львиные ножки действительно прибавляли этой развалине немного роскоши и шика. Может, если бы не потертая на одной из ручек позолота, это можно было действительно принять за антиквариат восемнадцатого или девятнадцатого века. Но мой скептический взгляд не мог обойти эту незначительную деталь стороной.

Я истратила все деньги, что у меня были, на эту чёртову старую ванную, но тем не менее, я не чувствовала, будто потеряла что-то важное. Всё, что я могла потерять, я уже потеряла.

После этого я решила пойти ещё немного прогуляться. Погода была никудашной, но это мне только на руку. Людей на улице очень мало, поэтому я даже чувствую некую свободу. Пусть это чувство мнимое и к тому же временное, но я мечтаю насладиться им сполна, пока ещё могу. В Нью-Йорке при любой погоде людей много и всё куда-то спешат. В родном Амстердаме мне даже теплее, несмотря на всё уловки погоды.

Но моя мечта побыть наедине с собой, с мыслями, в конце концов, с опустевшим внезапно городом, разбивается в дребезги, когда при выходе из магазина я сталкиваюсь с Агнесс. Её тяжелое дыхание свидетельствовало о том, что девушка запыхалась, пока бежала сюда. Хотя, зачем она вообще бежала?

— Я так и знала, что ты здесь, — она щелкнула пальцами у меня перед носом. Я же взяла её за рукав пальто и потянула подальше от дверей. Вот мы оказались на мосту. Пара где-то испарилась в сизом тумане, и мы с Агнесс заняли их место.

— Ты уже подписала все бумаги? — первым делом спросила девушка. Неужели она искала меня лишь для того, чтобы спросить это?

— Да. Теперь дом миссис Фэллер принадлежит Питеру. Всё так, как должно быть, — я слабо улыбнулась. Не знаю, что у меня вызывает улыбку- некая свобода от обязанностей прошлого или осознание того, что я сделала всё не так, как хотелось бы Питеру. Кажется, миссис Фэллер машет мне рукой с небес, благословляя на то, чтобы я таки начала жить без чувств вины и сожаления, что так долго преследовали меня.

— Я только что была в лавке у Джелла. Он был таким добрым ко мне. Битых пятнадцать минут просил меня, чтобы я пошла к нему на работу, — хихикнула Агнесс. Её непосредственность всегда нравилась мне. Спрашивала одно, думала совершенно о другом. Когда-то найдется человек, что заставит её думать и говорить только об одном. И надеюсь, это будет не кто-то типа Лоренса.

— Он едва отпустил меня. Когда я сказала ему, что увольняюсь, он едва ли не пришел в бешенство, — я решила следовать за мыслями Агнесс. И к чёрту, что они хаотично летают в её голове, вылетая из маленького рта короткими фразами. Я её понимаю. Всегда понимала. Как и она меня.

— Ты оставила телефон в булочной, прежде чем уйти. И тебе звонил Джелл. Я подняла трубку и... — Агнесс замялась, будто должна была сказать что-то очень важное, но не решалась. Я напрягла слух, стараясь не упустить ни одной детали. Я посмотрела на девушку, которая нервно кусала нижнюю губу. — В общем, на адрес лавки пришло это письмо, — она достала из кармана пальто сложенный вдвое конверт.

Я буквально выхватила его из её маленьких рук. Агнесс не возражала. Хотя он был закрыт, но, кажется, ей уже было известно, от кого оно. Заметив на нем обратный адрес- Нью-Йорк, и мне было не сложно понять, кто адресат.

Сердце моё застучало, будто впервые. Оно словно проснулось от зимней спячки и погрузилось в весну. До весны было далеко, но письмо было у меня в руках, и я чувствовала, как горит бумага под моими холодными пальцами. Немедля, я разорвала конверт и вынула из него сложенную вчетверо бумагу. Аккуратно, словно это было нечто больше, нежели кусок мёртвого дерева. Так мог сделать только Дин.

Я не слышала от Дина и слова после случившегося. Вернувшись домой, я то и делал

следила за новостями в области экономики, гуглила его имя и искала ответы на вопросы, которые были до того нелепы, что самой становилось смешно. Новостей о Дине было мало, зато я узнала немало (ненужной) информации об его отце.

Моё воображение часто рисовало отвратительные картины. Он и она- вместе. Живут в том домике, где на каждом углу, на каждом свободном участке стены висит её портрет. Пьют каждое утро чай с мелиссой. Он целует её бегло в губы, прежде чем уйти на работу. А она с большим животом, где растёт их общий ребенок, выходит на прогулку с собакой, которую они завели совсем недавно. И каждый вечер перед сном они говорят о девчонке, что не смогла разобраться в себе и смеются над ней. Вместе.

«Здравствуй, Каролин.

Так неловко писать тебе после упущенного в пустую времени. Не знаю, вспомнишь ли ты о старом зануде. (всё ещё надеюсь, что в руках у тебя сейчас чашечка с чаем, а не банка с газировкой)

Я начинаю это письмо уже в тысячный раз, отчего чувствую себя идиотом. Словно мне семнадцать, и я не знаю, как пригласить девушку на выпускной. Честное слово, чувствую себя невероятно глупым. Но глупее я был, когда позволил тебе уйти. Идиот.

Письмо- это должно быть старомодно, но думаю, если бы это был кто-то другой, тебя бы это, может быть, и удивило. Не знаю, почему, но мне легче сейчас выводить ручкой на бумаге свои мысли вместо того, чтобы набирать на клавиатуре эти чертовы буквы. В этом письме часть меня, и я хочу, чтобы ты это знала.

На самом деле я не хотел, чтобы всё было ещё хуже, нежели было. Я хотел сделать только лучше, но, видимо, чего-то тебе не хватило. Я ведь не просто так решил тебе помогать, Каролин. По правде говоря, сначала ты меня жутко бесила, несмотря на свою милейшую внешность. Я считал тебя такой себе занозой. Чтобы мне не было так скучно, я злил тебя, потому что... Может, потому, что мне самому не хватало чего-то острого. Ещё одна глупость. Запиши её на мой счет.

Но когда я прочитал тот блог на Тумблере... Или быть точнее, тогда я прочитал лишь последнюю твою запись. Ты назвала себя убийцей. Я не считал тебя таковой с самого начала. Думаю, твой брат тоже не думал бы так, если бы был жив. Мне очень жаль.

Жизнь, которую ты выбрала для себя, вовсе не та, которой ты заслуживаешь в действительности. Ты хороший человек. Тебе не стоит винить себя за одну оплошность. Люди есть люди. Ошибки- неотъемлемая часть жизненного пути. Не стоит наказывать себя за то, что ты тоже человек.

Я договорился о твоей встрече с Мэделин. Я знаком с ней лично, поэтому она не отказала мне в услуге поговорить с тобой. По тому, как светились твои глаза тогда, я понял, что сделал всё правильно.

Ещё я знал, что Эван, это тот самый парень. Было сложно не заметить то, что происходило между вами. В молчании это особенно подчеркивалось. Прости, что подслушал ваши мысли. Но они были кричащими. Когда ты пришла ко мне тем утром, я подумал о том, что ещё не всё потеряно. Ты вернулась, в конце концов, ко мне. Интересно, действительно ли ты возвращалась ко мне или же бежала от него?

Мне даже показалось, что я влюбился. Но, видимо, всего лишь показалось. Забавно, разве может человек влюбиться за столь короткий промежуток времени? Почему-то я думал, что да. Правда я понял это лишь когда ты убежала от меня, перед свадьбой, словно Золушка. Та, конечно, сбежала посреди бала, а не до его начала. И принц ни черта не знал о ней, от

того и был очарован ею. Я знал все твои секреты, но от того был очарован тобою не меньше.

Вообще я хочу поблагодарить тебя, Каролин. Просто за то... За то, что когда я встретил Даниель и поцеловал её, то больше ничего не чувствовал. Я покончил с этим раз и навсегда. Первое время я много думал о тебе, потом всё реже и реже. Загрузил себя работой и времени как-то не хватало на такие пустые вещи. Но вот немного выпив сегодня на одном корпоративе, среди всех этих пустых людей, я увидел твоё лицо. Вот как-то само и вспомнилось. Вернувшись домой, я всё-таки сел и написал это письмо, не перечитывая. Не хочу.

Я не хотел что-либо испортить, Каролин. Я просто считал и, чёрт побери, всё ещё считаю, что ты заслуживаешь лучшего. Выбирай правильную дорогу, говори "да" своим мечтам (чёрт, звучит как посты с Тумблера).

Вот, вроде бы и всё. Жду тебя у себя в гостях в Нью-Йорке. Мэделин сообщила мне несколько месяцев назад, что ты решительно настроена на работу. Мой адрес указан на конверте. Всегда буду рад видеть тебя. Надеюсь, ты тоже.

Всего наилучшего,

Дин».

Мне сложно было поверить в то, что ту встречу с Мэделин подстроил Дин. И ещё во мне смешались чувства ненависти, от того, что он прочитал мой блог, и благодарности, за всё то, что он сделал для меня. Он знал всё с самого начала, но не выдавал себя ничем. Я была для него открытой книгой, но Дин всё равно продолжал утверждать, будто во мне было что-то особенное. Он продолжал верить в меня, когда я уже поставила на себе крест. Кристофер бы точно с ним подружился.

Я бегло перечитывала строки снова и снова. Это, наверное, не то, чего я ждала от Дина, но это, вероятно, то, что нужно было нам обоим. Просто остановиться. Отказаться от любовных страстей и просто посвятить время себе.

Внезапно чья-то ладонь перехватила мою и сильно сжала. От неожиданности я выпустила письмо из рук. Я очень боялась, чтобы оно не упало в реку, поэтому позволила себе освободить свою руку и поймать его ещё до того, как оно соприкоснулось с землей. Я испугалась возможности потерять Дина снова. Мне нужен этот человек. Не как парень, просто как человек. И я знаю, что нужна ему. Просто для души.

— Что это? — знакомый мужской голос пробирает до костей сильнее декабрьского мороза. Но я его не боюсь больше и не пьянею от него больше.

Почему-то я сразу поворачиваю голову в сторону Агнесс, что внезапно взяла меня за руку, попятившись назад. Она всё знает о нем. Теперь о нем всё знаю и я. И тот человек, которым я узнала его совсем недавно, вызывает у меня лишь чувство жалости к нему.

— Не важно, Эван. Я прогуляюсь ещё немного с Агнесс, а потом вернусь домой, ладно?

Больше книг на сайте — Knigolub.net